

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2021 № 2

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Р.Г. Ланда (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ
им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США),
С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
В.С. Окулов, редактор
Е.А. Львов, зав. Редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2021 № 2

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), R.G. Landa (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno (Northwestern University, USA),
T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; V.S. Okulov, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Зеленев Е.И., Солощева М.А.** (Санкт-Петербург). 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее **5**
- Подоба З.С.** (Санкт-Петербург). Прямые зарубежные инвестиции Японии: место России **15**
- Ивкина Н.В.** Отношения ЕС со странами Африки (на примере региональных стратегий в зонах Сахеля и Гвинейского залива) **24**
- Образцова М.Г.** Интересы горнодобывающих компаний ЮАР в странах Сообщества развития Юга Африки **30**
- COVID-19 в Азии*
- Korgun I.A.** South Korea trade during COVID-19 pandemic: perspectives on value chains and US-CHINA trade war **36**
- Ушаков Д.В.** (Новосибирск). Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19 **44**

Трибуна соискателя

- Махмутова М.И.** Ливийский хаос и угроза безопасности странам Европы и Африки **51**
- Чубуков М.Ю.** Углеводородная отрасль Курдского региона Ирака **57**

Религии, верования, культуры

- Попова А.В., Немова П.Н.** Культ даба как основная религия народа мосо в КНР **64**

Рецензии

- Кулик Л.В.** Портрет современной Индии и ее лидера глазами российского индолога **70**

Наш партнер - РКССАА

- Бакланов А.Г.** «Хубара рус»: традиции солидарности и поддержки **74**

PERSONALIA

К 90-летию Р.Г. Ланды

- Плещунов Ф.О.** «Востоком необходимо заниматься, особенно сейчас» **77**

© Российская академия наук, 2021
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2021

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: **+7 495 697 94 50**
Тел./факс: **+7 495 6910270**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Evgeny I. Zelenev, Maria A. Soloshcheva** (St. Petersburg). 20 years of China politics in Africa: from the past towards future **5**
- Zoia S. Podoba**. Japan's outward FDI: the role of Russia **15**
- Natalia V. Ivkina**. EU relations with Africa (on the example of strategy for security and development in the Sahel and the Gulf of Guinea) **24**
- Margarita G. Obratsova**. South Africa's mining companies in the Southern African Development Community (SADC) **30**
- COVID-19 in Asia*
- Irina A. Korgun**. South Korea trade during COVID-19 pandemic: perspectives on value chains and US-China trade war **36**
- Dmitriy V. Ushakov**. Mongolia. Social measures to counter the spread of COVID-19 **44**

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Maria I. Makhmutova**. Chaos in Libya and the security threat to Europe and Africa **51**
- Maxim Y. Chubukov**. Hydrocarbon industry in the Kurdish region of Iraq **57**

RELIGION, BELIEFS, CULTS

- Anastasiya V. Popova, Polina N. Nemova**. The cult of Daba as the main religion of the Mosuo people in China **64**

BOOK REVIEW

- Lydia V. Kulik**. The portrait of modern India and its leader through the eyes of the Russian indologist **70**

OUR PARTNER - RCSCAA

- Andrey G. Baklanov**. "Hubara Rus": The "Russian specialists" were welcomed as sincere and true friends (in Russian) **74**

PERSONALIA

To the 90th anniversary of R. G. Landa

- Philip O. Pleshchunov**. "It's urgent to study the East, especially now" **77**

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial board of "Asia & Africa today" (compiler), 2021

The authors opinions may not coincide with position of the editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 495 697 94 50.
Tel./Fax: +7 495 691 02 70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

DOI: 10.31857/S032150750013956-3

Оригинальная статья / Original article

20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее

© Зеленев Е.И.^a, Солощева М.А.^b, 2021

^{a,b} НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^a ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Резюме. В статье исследуется период с 2000 по 2020 гг., во время которого КНР осуществляла системное проникновение в Африку. Усиление позиций Китая в Африке объясняется четырьмя очевидными группами причин: геополитическими, идеологическими, финансово-экономическими и торгово-логистическими. Авторы склонны выделять пятую группу причин стратегического характера. Китайская стратегия в отношении Африки не была догмой, она развивалась на каждом этапе китайско-африканских отношений в течение последних двух десятилетий.

Рассматриваемое двадцатилетие авторы делят на исторические периоды, логически связанные с концепциями развития, которые выдвигали три председателя КНР: Цзян Цзэминь (1993-2003), Ху Цзиньтао (2003-2013) и Си Цзиньпин (2013 - по н.в.). Каждый из этих периодов рассматривается с точки зрения эволюции стратегического обоснования китайского внешнеполитического курса в отношении Африки, а также коррелируется с выходом КНР на глобальный уровень взаимодействия с остальным миром.

За последние 20 лет Китай не только укрепил свои позиции на африканском континенте, но и, наряду с США, приобрел заслуженную репутацию панафриканского политического актора. Разница заключается в том, что Китай по-прежнему значительно уступает США в плане своего военного присутствия на африканском континенте. Лидеры Китая признают этот факт и стремятся исправить баланс сил в регионе. В последние годы Китай стал поощрять африканские страны к совместному созданию военно-политических и одновременно экономических межгосударственных объединений, используя для этого, наряду с уже традиционными для китайской внешней политики методами из арсенала мягкой силы (soft power), также и комбинированные методы, получившие в международной практике название умной силы (smart power).

Ключевые слова: Китай, Африка, китайско-африканские отношения, Си Цзиньпин, стратегический подход

Для цитирования: Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее. Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750013956-3

20 years of China politics in Africa: from the past towards future

© Evgeny I. Zelenev^a, Maria A. Soloshcheva^b, 2021

^{a,b} National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russia

^a ORCID ID: 0000-0001-6602-1806; evzelenev@gmail.com

^b ORCID ID: 0000-0002-4377-3244; mary1685@mail.ru

Abstract. This article analyzes the historical period from 2000 to 2020, during which the PRC carried out a systematic penetration into Africa. The strengthening of China's position in Africa is explained by four obvious groups of reasons: geopolitical, ideological, financial and economic, trade and logistics. The authors tend to highlight the 5th group of stratageme nature. China's stratagem on Africa has not been a dogma, but has evolved at every stage of Sino-African relations over the past two decades.

The authors divide China's activities in Africa into four historical period, logically linking them with the years of presidency of the three chairmen of China: Jiang Zemin (1993-2003), Hu Jintao (2003-2013) and Xi Jinping (2013 to the present). Each of these periods is discussed in the article from the point of view of evolution stratageme rationale of Chinese foreign policy towards Africa, and also correlated with the move of China to the global level of interaction with the rest of the world.

Over the past 20 years, China has not only strengthened its position on the African continent, but, along with the United States, has earned a well-deserved reputation as a pan-African political actor. The difference is that China is still significantly inferior to the United States in terms of its military presence on the African continent. PRC leaders recognize this fact and aim to correct the balance of power in the region. In recent years China started encouraging African countries to jointly create military-political and at the same time economic interstate associations.

Keywords: China, Africa, Sino-African relations, Xi Jinping, stratagem approach

For citation: Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 20 years of China politics in Africa: from the past towards future. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 5-14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013956-3

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 г. исполнилось ровно 20 лет системного проникновения Китая в Африку, начало которому положило принятое в 2000 г. историческое решение председателя Госсовета КНР Цзян Цзэминя (1993-2003 гг.) о проведении в Пекине первого Форума сотрудничества Китай-Африка (далее - ФСКА). Примерно тогда же наметился возросший интерес Китая к другим макрорегиональным системам мира, прежде всего к Азии, Европе, Северной и Южной Америкам, а макрорегиональный вектор занял ключевое место во внешней политике Поднебесной.

В начале 2000-х казалось, что выход китайской внешней политики на макрорегиональный уровень объясняется банальным поиском рынков сбыта товаров и поиском источников сырья для стремительно развивающейся экономики. Применительно к Африке это объяснение выглядит недостаточным, поскольку, даже спустя 20 лет, с учетом не только экспорта, но и импорта, китайско-африканский сегмент внешней торговли не дотягивает до 5% всего китайского внешнеторгового оборота, что, на наш взгляд, не вполне соответствует масштабам китайского проекта утверждения своих геополитических интересов на Черном континенте.

Речь идет не об избирательном подходе КНР к выбору партнеров, а о сетевой модели контроля и управления, когда решается задача тотального политического и экономического охвата всех африканских стран с последующим ранжированием их по особой шкале значимости для Китая. Столь масштабный политический проект должен иметь стратегическое или, как принято говорить в Китае, стратегаемное обоснование [8].

На это указывает наметившаяся в конце 1990-х - начале 2000-х гг. глубинная смена не только векторов внешней политики, но и китайского внешнеполитического менталитета: из страны, занятой собственными проблемами и обеспокоенной внешнеполитическим вмешательством в собственные дела, Китай стал превращаться в глобальную державу, готовую к тотальной «геополитической экспансии» и обладающей соответствующей государственной доктриной [3, с. 10-26, 717-724].

Наличие такой доктрины подтверждается тем, что с 1999 по 2009 гг. в КНР получила развитие и укоренилась концепция Китая как «ответственной державы», т.е. государства, чьи собственные интересы взаимозависимы с интересами всего человечества. Концепция «ответственной державы» применительно к КНР полностью оформилась в государственную доктрину к концу правления Ху Цзиньтао (2003-2013 гг.), и была продолжена на новом концептуальном уровне Си Цзиньпином после 2013 г. В уточненной формулировке КНР в рамках этой важнейшей внешнеполитической доктрины именуется «ответственной крупной развивающейся державой» с высоким модусом международных обязательств, возведенных в центральный принцип внешней политики страны [9, с. 65].

Смысл сказанного в том, что КНР ведет себя в Африке как глобальная держава, имеющая в этом регионе мира единственного достойного во всех отношениях (кроме, пока, военного) соперника - это США [1].

Предлагаемая статья ставит цель провести исторический анализ 20-летнего периода китайско-африканских отношений, разработав его периодизацию. Важнейшим критерием предлагаемой периодизации должна стать эволюция стратегаемого обоснования китайского внешнеполитического курса в отношении Африки. С высокой степенью вероятности такое обоснование существует, но оно никогда не было и не будет публично заявлено, что вытекает из традиционных принципов китайской политической культуры, обусловленной важным элементом китайской политической культуры - концепцией «лица» [3, с. 671-675].

Авторы предлагают разделить прошедшее 20-летие китайско-африканских отношений на четыре периода: 2000-2006, 2007-2013, 2014-2017, 2018 - по н.в., рассмотрев каждый из них с точки зрения генезиса элементов стратегаемого подхода.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОНИКНОВЕНИЯ КНР В АФРИКУ

Китайско-африканские отношения имеют многовековую историю. Заметно активизировались китайско-африканские отношения во второй половине 1950-х гг. под влиянием конкуренции КНР и Советским Союзом, развернувшейся между ними за «гегемонию» над странами третьего мира, в т.ч. и африканскими. Китай предлагал африканским странам сотрудничество на иной, чем СССР, основе - на знаменитых «пяти принципах мирного сосуществования», принятых на Бандунгской конференции 1955 г., в дальнейшем вошедших в состав 10 принципов Движения неприсоединения [3, с. 56-57].

Даже в сложный для страны период «культурной революции» Китай не забывал об африканском внешнеполитическом направлении. Начиная со знаменитого «тура» премьера Госсовета Чжоу Эньляя по 10 странам Африки (Египет, Алжир, Марокко, Тунис, Гана, Мали, Гвинея, Судан, Эфиопия и Сомали), который продлился с декабря 1963 по февраль 1964 г., все высшие китайские государственные деятели считали для себя обязательным посещение Африки [5].

После распада СССР в 1991 г. и последовавшего затем ослабления геополитического соперничества между РФ и США, африканское направление примерно на 10 лет стало маргинальной сферой глобальной внешней политики. Интерес Китая к Африке стал возрастать в самом конце 1990-х на фоне быстрого развития китайской экономики. Драйвером активизации китайско-африканских отношений стала в тот период, вопреки ожиданиям, не экономика, а политика, точнее - политическая воля высшего руководства страны в лице председателя Госсовета КНР Цзян Цзэминя (1993-2003 гг.).

Успеху китайской дипломатии способствовало благоприятное, в целом, восприятие в Африке Китая, который не участвовал в колонизации и даже сам имел опыт колониального закабаления в XIX - первой половине XX вв. Эти обстоятельства нашли отражение в китайском идеологическом проекте, призывавшем выстраивать «китайско-африканское сообщество с единой судьбой». Базовыми принципами этой идеологии являются мирное развитие, открытость, инклюзивность и обоюдный выигрыш сторон, суверенитет и добровольность действий, интеграция и координация действий, а также общая, но дифференцированная ответственность участников отношений [3, с. 97-117].

В начале XXI в. эти идеи получили современное концептуальное обоснование, развившееся на почве нового мирового геополитического порядка с одним полюсом силы - США. После распада СССР Китай остался единственной социалистической державой, способной продолжить политический курс на сотрудничество с «национально-освободительным движением развивающихся стран Африки», как это было сформулировано ортодоксальной социалистической идеологией еще в 1950-1970-х гг.

КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000-2006 гг.

В период 2000-2006 гг. китайская политика в Африке соответствовала критериям 4-го технологического уклада, принципам которого была привержена тогдашняя политическая элита КНР во главе с Цзян Цзэминем [3, с. 30-34].

В китайско-африканском сотрудничестве того времени преобладали простые формы двусторонней взаимовыгодной кооперации. Первоначально главное внимание Китай уделял развитию торговых отношений со странами Африки, чему в немалой степени способствовало повышение в 2005 г. уровня утверждения валютных операций с \$3 млн до \$10 млн, отмена квот на объем иностранной валюты для зарубежных инвестиций, а также снятие правила об обязательном возврате прибыли в национальную экономику [10]. Речь шла о торговле, сфере услуг и в отдельных странах - о строительстве различных объектов.

Новая форма китайско-африканского взаимодействия в виде ФСКА с самого начала была нагружена стратегической целью достижения, обратим внимание, «нового международного политического и экономического порядка». По итогам Форума 2000 г. была принята «Пекинская декларация Форума китайско-африканского сотрудничества» - первый официальный документ, определявший макрорегиональную стратегию отношений КНР с Африкой¹.

Развитие китайско-африканских отношений оказалось под началом двух китайских министерств - Министерства иностранных дел (МИД), курировавшего работу ФСКА, и министерства коммерции, располагавшего штатом - Канцеляриями по торгово-экономическим вопросам во главе с советниками, функционировавшими под крышами абсолютного большинства посольств КНР в странах Африки.

Началу китайского политико-экономического проникновения в Африку способствовало официальное анонсирование в 2002 г. стратегии «Выхода во вне». По итогам Второй конференции ФСКА, которая прошла в Аддис-Абебе (Эфиопия) в 2003 г. для части африканской продукции было предоставлено право беспшлинного ввоза, а в отношении более 190 африканских компаний были сняты все таможенные тарифы, что, наряду со стимулами для китайских компаний, открыло простор для взаимного товарообмена [6, с. 73]. КНР в данном вопросе действовала по аналогии с США, которые еще в 2000 г. предоставили право беспшлинного ввоза товаров в США ряду стран Африки, в соответствии с подписанным президентом Биллом Клинтоном - «Актом о росте и возможностях для Африки» (*AGOA - African Growth and Opportunity Act*).

Объединенные усилия двух китайских министерств (МИД и министерства коммерции) принесли плоды: уже в 2009 г. КНР вышла на 1-е место в мире по объему товарооборота со странами Африки, с тех пор стабильно закрепив за собой первую строчку в мировом рейтинге по этому показателю². Для Пекина главным условием установления экономических и иных связей африканских стран с КНР стало наличие между

¹ Beijing Declaration of the Forum on China-Africa cooperation. Ministry of Foreign Affairs, 17.11.2000. (In Chin.). <https://www.focac.org/chn/zywx/zywj/t155560.htm> (accessed 16.09.2020)

² В соответствии с последней доступной официальной информацией, суммарный товарооборот КНР со странами Африки превысил \$204 млрд (2018 г.) (см: Statistical Yearbook of China 2019. (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjsj/2019/indexch.htm> (accessed 16.09.2020)

ними дипломатических отношений, т.е. признание принципа «одного Китая». На сегодняшний день у КНР в Африке нет дипломатических отношений только с Эсватини (до 2018 г. - Свазиленд), а также с непризнанным ООН государством Западная Сахара.

С начала 2000-х действенным инструментом двусторонних отношений становятся регулярные заседания Межправительственных комиссий (МПК) с отдельными африканскими странами. Уже к концу 2012 г. Китай заявил о том, что механизмы взаимодействия на уровне торгово-экономических комиссий были установлены с 45 африканскими странами³, а план взаимодействия на 2019-2021 гг., утверждённый по итогам ФСКА 2018 г., включает пункт 2.2.1 о необходимости развития МПК⁴. Таким образом, на фундаменте торгово-экономических отношений с Африкой, заложенном в 2000-2006 гг., сегодня выстраивается весьма внушительное здание panaфриканского сотрудничества КНР.

Новый китайский лидер Ху Цзиньтао (2003-2013) не только продолжил африканскую политику своего предшественника, но и закрепил ее панрегиональный характер, что нашло отражение в итоговом документе третьего ФСКА, который прошел в Пекине в 2006 г., - «Китайская политика в Африке»⁵.

Именно благодаря Ху Цзиньтао китайско-африканский проект поднялся на качественно новый уровень, когда наряду с торговлей, сферой услуг и строительством ведущую роль в продвижении китайских интересов в Африке стало играть крупномасштабное инвестирование китайских капиталов в африканскую экономику. Для Китая стало нормой делиться с африканскими партнерами опытом «индустриализации», воспроизводя в Африке объекты, аналогичные созданным в самом Китае. Это соответствовало принципам 4-го технологического уклада, однако в самом Китае в этот период происходил переход авангардных сегментов экономики на рельсы 5-го технологического уклада [15].

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПЕРИОД (2007-2013)

Период 2007-2013 гг. может быть охарактеризован как переходный этап от двустороннего и регионального к panaфриканскому масштабу сотрудничества КНР с Черным континентом. Торгово-экономическое сотрудничество, дополненное мощной инвестиционной программой, отражало парадигмальные принципы 4-го технологического уклада, с обязательной индустриализацией в производительном секторе экономики, логистике и инфраструктуре [3, с. 319-323].

Сочетание государственной и частной предпринимательской инициативы позволило Китаю строить двусторонние отношения с африканскими государствами, гармонизируя их в политико-экономическую амальгаму. Главным лозунгом двустороннего сотрудничества в этот период оставалось взаимовыгодное партнерство «без проигравших» (*win-win*). На самом деле, китайско-африканские отношения в этот период уже начинают строиться в соответствии с доктриной «страна-лидер - страна-последователь». Эта доктрина обосновывается теорией зависимого и неравноправного развития, выдвинутой немецким экономистом Фридрихом Листом [16], и получившей развитие в трудах его последователей, принадлежащих к различным теоретическим школам⁶.

Смысл доктрины в том, что бывшие колониальные страны, получив независимость, оказываются неспособными самостоятельно реализовать полученный суверенитет. Они обращаются за помощью к бывшим странам-метрополиям и не только к ним. Как правило, помощь носит финансовый характер, ставя страну-получателя в долговую зависимость от страны-донора. Так возникают новые, уже постколониальные формы зависимости, которые нередко становятся еще более жесткими и грабительскими, чем колониальные, поскольку формально страна-лидер не несет моральной ответственности за судьбу страны-последователя - они равноправные партнеры с общей, но дифференцированной ответственностью.

Именно эта модель отношений стала преобладающей в китайско-африканских отношениях в 2007-2013 гг., окончательно оформившись позднее, уже при Си Цзиньпине.

Здесь следует внести уточнение. Дело в том, что в китайской интерпретации доктрины зависимого развития, в отличие от ее западного аналога, факт неравноправного партнерства китайской стороной никогда не признавался, напротив, всячески подчеркивалось, что Китай чужд неоколониальным методам эксплуатации и видит в африканских странах равноправных партнеров. Действительно, экономическая, а осо-

³ China-Africa Trade Relations. The State Council of the People's Republic of China, 29.08.2013. (In Chin.). www.gov.cn/zhengce/2013-08/29/content_2618549.htm (accessed 16.09.2020)

⁴ China-Africa Trade Relations. The State Council of the People's Republic of China, 29.08.2013. (In Chin.). www.gov.cn/zhengce/2013-08/29/content_2618549.htm (accessed 16.09.2020)

⁵ China's African policy document 2006. (in Chin.) https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t230612.shtml (accessed 16.09.2020)

⁶ Теорию зависимого развития разрабатывали бразильский социолог и государственный деятель Фернандо Кардозо, чилийский социолог Энцо Фалетто, египетский экономист Самир Амин, аргентинский экономист Рауль Пребиш, американский политолог Иммануил Валлерстайн и др. (*прим. авт.*).

бенно финансовая помощь КНР африканским странам осуществлялась преимущественно за счет государства, а не за счет частного капитала, как, например, в случае с Индией.

Мы полагаем, что китайская модель развития имеет в основе госкапиталистический экономический базис с надстройкой в виде «общенародного государства», осуществляющего плановое социалистическое управление экономикой. Первоначально эта модель была мобилизационного типа, выстроена как инвестиционная, нацеленная на рост реального производства (по аналогии с экономической моделью СССР). Поэтому финансово-кредитная и финансово-инвестиционная политика КНР в Африке, приводящая многие африканские страны на путь зависимого развития, была и остается окрашена в цвета «социалистического гуманизма», что, впрочем, не меняет существа вопроса: африканские страны, получающие китайскую помощь, расплачиваются за нее своим суверенитетом.

Справедливости ради отметим, что «новому китайскому руководству удалось «переключиться» на более гибкий вариант эклектично-синкретической модернизации комбинированного типа» с опорой на развитие страны, что, однако, не изменило инвестиционный характер всей модели [3, с. 722].

Именно с середины 2000-х китайская экономика фактически начинает формировать цены на сырье на мировом рынке, а внешнеторговый профицит Китая и его золотовалютные резервы, благодаря своим гигантским размерам, гарантируют стране свободный доступ к мировым природным ресурсам методом инвестиционных интервенций. Государственные предприятия, получавшие инвестиционную поддержку китайского правительства, ориентировались и ориентируются, прежде всего, на ресурсные отрасли. Они выбирают для сотрудничества страны с высокими политическими рисками, но низкой конкуренцией. Тогда как мотивы частных китайских инвесторов продиктованы сугубо рыночными факторами, демонстрируя всеядность от инвестирования в легальную и полуполегалную золотодобычу до кредитования оптовой торговли товарами ширпотреба.

Из 100% китайских предприятий, действующих сегодня в Африке, 90% - частные компании, и лишь в Анголе и Кении доля государственных предприятий из всех действующих китайских компаний достигает 30% [18]. Основную массу китайской экономической активности в Африке обеспечивает частный капитал, тогда как государство определяет векторы экономического продвижения и, в определенной мере, обеспечивает частный капитал государственными экономическими гарантиями в форме кредитов, займов и ссуд.

В рассматриваемый период существенно расширился круг структур, получивших от руководящего ядра КПК право влиять на региональную политику внутри страны, и отчасти, за рубежом. Начало административной децентрализации положил Цзян Цзэминь, а системный характер этому процессу придал уже Ху Цзиньтао, при котором возрос профессионализм государственной бюрократии, корпоративный плюрализм и децентрализация в принятии некоторых решений, право на которое центральное правительство доверило местным провинциальным властям [14, с. 52-61].

Некоторая децентрализация в принятии решений затронула и финансово-инвестиционную сферу, сделав китайскую инвестиционную политику в Африке более органичной местным африканским условиям. После 2007 г. ведущим оператором в сфере прямых иностранных инвестиций в африканские страны стал Фонд развития Китай-Африка, созданный по итогам ФСКА 2006 г.

Проходившие при Ху Цзиньтао масштабные инвестиции были направлены в инфраструктуру, сельское хозяйство и производство, т.е. в развитие секторов африканской экономики, соответствующих приоритетам 4-го технологического уклада. Сам же Китай к началу второго десятилетия XXI в. стал осваивать парадигму развития, соответствующую 5-му технологическому укладу, уделяя приоритетное внимание вопросам охраны окружающей среды, альтернативным источникам энергии и более рациональному использованию собственных природных ресурсов.

Что касается сотрудничества Китая с Африкой в сфере высоких технологий и экологии, то в повестке дня рассматриваемого периода эти вопросы и не фигурировали. Они стали появляться в контексте китайско-африканских отношений только при следующем председателе Госсовета КНР.

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТАГЕМА СИ ЦЗИНЬПИНА (2014-2017 гг.)

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 г. китайская внешняя политика в целом и в Африке, в частности, дополнилась рядом инициатив, самой масштабной и значительной из которых была идея «Один пояс - один путь». Она была озвучена председателем КНР во время его визита в Казахстан в сентябре 2013 г. на форуме «Экономического пояса Шелкового пути», где имелся в виду сухопутный транзит из Азии в Европу. В октябре того же года в Индонезии эта идея была обнародована уже как «Морской Шелковый путь XXI века», который начинался в Китае и проходил через Индийский океан до Восточной Африки, а затем в Европу.

С 2013 г. ФСКА оказался увязан с повесткой программы «Пояса и Пути», что в глазах африканцев делало оба проекта политически и экономически привлекательными, а политику КНР в Африке последовательной и комплексной.

В рассматриваемый период получила дальнейшее практическое воплощение внешнеполитическая концепция «страна-лидер - страна-последователь», украшенная, как и другие китайские политические инициативы, неповторимой самобытностью. При председателе Си была создана бинарная конструкция: ФСКА запускает механизм отбора стран, готовых следовать в политическом фарватере КНР с перспективой стать страной-последователем Китая, а программа «Пояса и Пути» де-факто «оформляет членство» в клубе стран-последователей Китая, закрепляя эти страны в шлейфе китайского влияния не только политически, но и экономически. Так схематично стал выглядеть проект, именуемый «Китай-Африка» с точки зрения доктрины зависимого развития.

Важной вехой нового этапа китайско-африканских отношений стал 2015 г., когда в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялся ФСКА, прошедший под лозунгом «Продвижение к взаимному выигрышу и совместному развитию». В ходе работы Форума были выделены приоритетные сферы и разработаны планы сотрудничества в области инфраструктурных проектов, финансов и инвестиций, здравоохранения, торговли, модернизации и индустриализации, экологии и т.д. Итогом Форума стал план действий стран-участниц на 2016-2019 гг.⁷

Предлагавшиеся КНР конкретные проекты сотрудничества существенно отличались от «пакетных предложений» помощи, исходящих от стран условного Запада. Неслучайно по итогам Форума в 2015 г. между КНР и Африканским Союзом был подписан «Меморандум о взаимопонимании в области объединения 54 государств Африки транспортными и другими средствами коммуникации». Это сразу привело к строительству при китайском участии железных дорог «Абуджа-Кадуна», «Чад-Судан», «Лагос-Калабар», «Найроби-Мамбаса», «Аддис Абеба - Джибути», шоссейных дорог и модернизации авиационного сообщения, существенно изменивших логистическую ситуацию в Восточной Африке [4]. Соответствие panaфриканской политики КНР интеграционным задачам Афросоюза стало не только очевидным, но и вызвало тревожную реакцию ряда западных государств, прежде всего США.

Форум в Йоханнесбурге в 2015 г. проходил под патронажем Китайского экспортно-импортного банка, по инициативе которого был создан Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества, через который стало осуществляться масштабное финансирование транспортных проектов и высокотехнологичных предприятий (строительство железных дорог, автомагистралей, аэропортов, электростанций, линий электропередачи, технопарков и пр.) [19].

Новой формой сотрудничества с африканским бизнесом стали Китайско-африканские инвестиционные форумы. Первый такой Форум прошёл в Пекине в 2014 г., в 2017 г. в Марокко - второй, на который собралось более 500 африканских и китайских предпринимателей и чиновников, обсуждавших последствия реализации инициативы «Пояса и пути», а также, в соответствии с принципами 4-го технологического уклада, рассматривались перспективы «индустриализации Африки» [12, с. 122].

Планируя иностранные инвестиции, в 2014 г. КНР ввела новые правила контроля над ними. Национальная комиссия по развитию и реформам подписала приказ о введении «Административных мер по проверке и регистрации зарубежных инвестиционных проектов», которые значительно упростили процесс согласования инвестиционных проектов объемом до \$1 млрд. В том же году Государственное управление валютного контроля приняло (а затем обновило в 2015 г.) «Положение о централизованном функционировании и управлении валютными фондами ТНК», которое позволило китайским компаниям самостоятельно распоряжаться валютными поступлениями до \$100 млн в год⁸.

Годом позже, в 2016 г., выявился значительный процент китайских нерентабельных инвестиций, в т.ч. и в африканском финансово-экономическом сегменте. С целью сокращения нерентабельных инвестиций Госсовет КНР в 2016 г. издал внутреннее распоряжение об ограничении максимального размера сделок *M&A* (*Mergers & Acquisitions* - слияние и поглощение) и инвестиций в непрофильные активы компаний. Госуправление валютного контроля ввело собственные ограничения: с 2016 г. оно стало самостоятельно проверять все переводы за границу, превышающие \$5 млн (раньше лимит составлял \$50 млн). В 2017 г. и позднее принимались законы, дополнявшие и усиливавшие государственное регулирование порядка инвестирования за рубежом, в полной мере распространявшиеся и на Африку⁹.

Проблема нерентабельных инвестиций имела отношение преимущественно к частному бизнесу, который использовал государственные кредиты в очевидно рискованных проектах, заканчивавшихся банкротством и невозвратом кредитных средств. Что же касается априори нерентабельной деятельности государственных предприятий и банков, невозвращаемых инвестиций в африканские государства по по-

⁷ Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan (2016-2018). https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1323159.shtml (accessed 16.09.2020)

⁸ Circular of the State Administration of Foreign Exchange on the Printing and Distributing of the Regulations on the Centralized Operation and Management of the Foreign Exchange Funds of MNCs. 2015. <https://www.safe.gov.cn/en/2015/1111/769.html> (accessed 16.09.2020)

⁹ См. также: Laws and Regulations Policy. National Development and Reform Commission. (In Chin.). https://www.ndrc.gov.cn/fggz/lywzjw/zcfg/wap_index.html (accessed 16.09.2020)

литическим мотивам, такого рода финансовая деятельность продолжалась и даже имела тенденцию к росту.

Эта двойственность понимания того, какие инвестиции являются рентабельными, а какие нет, отражает, на наш взгляд, трансформацию всей китайской политики в Африке в государственную доктрину, которая объединяет в себе экономический прагматизм с сугубо политически мотивированными решениями.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что крупное китайское инвестирование в Африку целиком и полностью находится под контролем государства. Что касается средних и мелких частных инвестиций, то и там контроль государства осуществляется через кредитно-банковскую сферу, но выглядит несколько мягче [3, с. 317-345].

Переломным моментом 2013-2017 гг. стал структурный кризис китайской политики в Африке, одним из проявлений которого была борьба с убыточными инвестициями. Другим симптомом этого кризиса стало решение о создании первой зарубежной военной базы КНР. Речь идет об объекте, деликатно именуемом в Китае «Базой обеспечения Народно-освободительной армии Китая».

Поводом для создания базы стал инцидент с группой китайских специалистов в столице Мали - Бамако 20 ноября 2015 г., когда террористы напали на отель «Рэдиссон Блю». При освобождении были убиты 3 китайских инженера¹⁰. Этот, казалось бы, незначительный эпизод привел к двум тенденциям, которые с тех пор систематически усиливались. Во-первых, это расширение китайского участия в миротворческих миссиях ООН в Африке. Во-вторых, в 2016 г. началось строительство китайской многофункциональной военно-морской, воздушной и сухопутной базы в Джибути, которая была официально открыта в августе 2017 г.

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА В АФРИКЕ ПОСЛЕ 2018 г.

В сентябре 2018 г. состоялся очередной саммит ФСКА в Пекине, на котором председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил о новом пакете финансирования для Африки: за 3 года в Африку было запланировано инвестировать \$60 млрд, из которых государство брало на себя \$50 млрд, а китайские частные компании - \$10 млрд.

Объявленный новый пакет инвестиций призван доказать, что КНР не стремится заманить африканские страны в долговую ловушку, как это утверждают мировые СМИ, а оказывает им рациональную взвешенную финансово-экономическую поддержку в соответствии с официальной идеей о необходимости создания «гармоничного мира совместного процветания», органично связанной с коммунистическим лозунгом поддержки национально-освободительных движений - одного из отрядов глобальной социалистической революции.

Подтверждением китайской щедрости и, до известной степени, бескорыстия стало выделение 15 из 60 млрд в качестве беспроцентных кредитов (по сравнению с 5 млрд аналогичных кредитов в 2015 г.), а также списание в 2018 г. части долгов Ботсване и реструктуризация долга Эфиопии [17]. Таким образом, экономический прагматизм и политический интерес в китайско-африканской политике идут рука об руку.

После анонсирования Си Цзиньпином программы «Один пояс - один путь», после того как первый китайский пехотный батальон принял участие в миротворческой операции ООН в Африке, и особенно после 2017 г., когда заработала первая китайская зарубежная военная база в Джибути, ситуация стала постепенно меняться в пользу усиления силового фактора в рамках африканской стратегии КНР. Первым симптомом усиления военной составляющей китайской политики в Африке стал «Китайско-африканский форум по вопросам мира и безопасности», состоявшийся в 2019 г., после которого китайская официальная внешнеполитическая доктрина сделала разворот в сторону готовности защищать свои политические и экономические интересы в Африке всеми доступными средствами, включая военные [13].

Сдвиг китайской внешней политики в Африке в направлении усиления силового фактора подтверждает §6.1 официального 3-летнего плана взаимодействия, принятого по итогам ФСКА 2018 г. В этом параграфе, тщательно упакованном внутри весьма заурядного политического документа, говорится о том, что в актуальной перспективе ближайших лет предпочтительным форматом сотрудничества КНР с африканскими странами становятся не двусторонние, а трехсторонние и многосторонние отношения, в которых важным принципом будет защита государственной безопасности.

Иными словами, по нашему мнению, Китай призывает африканские страны подумать о создании совместно с КНР военно-политических и одновременно экономических межгосударственных объединений, наподобие НАТО.

С 2000 по 2018 гг. общая сумма выданных китайскими финансовыми учреждениями «африканских» кредитов достигла \$145 млрд. Главными реципиентами этих средств были Ангола (29,7%), Эфиопия (9,4), Замбия (6,7), Кения (6,2), Судан (4,7) и Нигерия (4,2), Камерун (4) и Республика Конго (3,5%)¹¹. Эти афри-

¹⁰ 3 Chinese citizens killed in Mali hotel siege, 4 rescued. *China Daily*, 21.11.2015. http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-11/21/content_22506333.htm (accessed 16.09.2020)

¹¹ Loan Data. China-Africa research Initiative, 17.07.2020. <http://www.sais-cari.org/data> (accessed 16.09.2020)

канские страны с высокой вероятностью входят в число стран-последователей Китая и будут строительным материалом для китайской блоковой дипломатии в Африке.

В последние годы важной сферой китайского проникновения в Африку с помощью инвестиций являются инфраструктурные проекты, а инструментом - Межбанковское объединение Китая и Африки (*China-Africa Inter Bank Association*), о создании которого было объявлено в 2018 г., и которое сегодня набирает силу¹².

Сравнивая нынешнее состояние китайско-африканских отношений с их состоянием 20-летней давности, признаем качественные изменения. За прошедшие 20 лет Китай не просто упрочил свои позиции на Африканском континенте, но, наряду с США, снискал себе заслуженную репутацию «панафриканского» политического актора, с той разницей, что Китай пока существенно уступает США с точки зрения его военного присутствия на континенте, что китайским руководством сознается и корректируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай не скрывает, что в будущем видит Африку своим «близким партнером» по созданию альтернативного существующему новому миропорядка с собственной финансовой и банковской системами, о чем говорилось еще в 2000 г. в Декларации ФСКА. Уже сейчас очевидно, что эти планы КНР вступают в противоречие с интересами стран условного Запада во главе с США. В борьбе за Африку союзниками США выступают преимущественно неафриканские страны, а союзниками КНР могут стать именно страны Африки, которые способны выступить единым фронтом.

Готовясь к грядущим глобальным кризисам и наращивая военное присутствие в Африке, Китай подчеркивает сугубо оборонительный характер своих действий, что близко к действительности. Китай в Африке всячески избегает не только прямых конфронтаций, но даже обострения конкуренции со своими оппонентами на африканском поле.

Складывается ощущение, что Китаю выгодна вовлеченность в африканские дела других стран, прежде всего, глобальных экономических гигантов (США, ЕС, Бразилия, Индия, Япония и др.), которые могут помочь африканским странам приблизиться к тому уровню, который позволит им стать платформой для планомерного и полноценного развертывания экономических мощностей, соответствующих 4-му и более высоким технологическим укладам.

Укрепление китайских экономических позиций в Африке объясняется четырьмя очевидными группами причин: финансово-экономической, торгово-логистической, геополитической и идеологической [7].

Авторы статьи склонны выделять 5-ю группу причин стратагемного характера. Дело в том, что современные мировые политические и экономические порядки переживают острый кризис, который рано или поздно приведет к их замене новыми формами глобального существования [2]. 5-я группа причин как раз говорит о том, что последует за коллапсом существующих глобальных политических и экономических институтов. В «новой реальности» каждому макрорегиону (Азии, Африке, обеим Америкам, Европе и Океании, а также их региональным подсистемам) будет отведена определенная роль и весьма конкретная судьба, влиять на которую имеет смысл уже сегодня.

Стратагема Китая в отношении Африки не была догмой, а эволюционировала на каждом этапе китайско-африканских отношений двух последних 10-летий. Первоначально китайский интерес к Африке возник внутри 4-го технологического уклада и был нацелен преимущественно на взаимовыгодную торговлю. Затем фокус китайской политики сместился на трансляцию китайского опыта индустриализации и реиндустриализации на страны-партнеры. Этому была посвящена китайская кредитно-инвестиционная программа второго и, отчасти, последующих исторических этапов. При этом на предпоследнем и текущем историческом этапе многие инвестиции, особенно логистического и инфраструктурного характера, уже имели стратагемную направленность, что обусловлено предполагаемой будущей ролью Африки в глобальном переходе на следующий, 6-й технологический уклад.

Китай видит себя неотъемлемой частью Азии, отводя остальным регионам вспомогательную роль в зависимости от того, как они сумеют решить стоящие перед ними задачи.

С высокой степенью вероятности Китай рассматривает Африку как пространство, куда на стадии перехода к 6-му технологическому укладу будут перемещаться те огромные технологические мощности современной китайской экономики, которые в противном случае просто будут ликвидированы. В Африку должны быть перемещены временно или на постоянной основе не только производственные мощности, но и значительные массы китайской рабочей силы (можно говорить о миллионах человек), которые окажутся лишними в экономических реалиях нового технологического уклада в самом Китае.

¹² На 2018 г. Китай финансировал в Африке свыше 3 тыс. преимущественно крупных инфраструктурных объектов (см.: [11, с. 14]).

Согласно одному из стратегических сценариев, в грядущем разделении труда роль мировой фабрики, которую сегодня выполняет Китай, перейдет Африке, население которой к середине нынешнего столетия перешагнет рубеж в 2 млрд человек, превысив в полтора раза население сегодняшнего Китая, образовав один из самых емких макрорегиональных рынков потребления товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018, № 12, с. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
2. Волков С.Н., Дейч Т.Л. Африка в формирующейся модели мироустройства. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 7. С. 73-77. DOI: 10.31857/S032150750010106-8
3. Воскресенский А.Д., Ломанов А.В., Кривохиж С.В. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. М., 2019.
4. Дейч Т.Л. Китай и Африка: итоги экономического сотрудничества последних лет. <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let> (accessed 16.09.2020)
5. Дейч Т.Л. «Китайский век» для Африки. *Международная жизнь*. 2013, № 10. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/953> (accessed 16.12.2020)
6. Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018, № 4. С. 68-75.
7. Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китайское проникновение в Африку: сравнительно-историческая ретроспектива. *Сравнительная политика*. 2020, № 4, с. 106-122. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052
8. Зенгер Х. Стратегемы. М., 2006. Т. 1-2.
9. Лексютина Я.В. Китай как ответственная великая держава. *Международные процессы*. 2018, № 2. С. 60-72. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.4
10. Сизых Е.Ю. Современные тенденции и перспективы вывоза прямых иностранных инвестиций из Китая. *Известия Байкальского государственного университета*. 2019, № 2, С. 227-239. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).227-238
11. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право*. 2019, № 3, С. 6-29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29
12. Шаламов Г.Г. Китайское присутствие в Африке: уроки для России. *Россия и современный мир*. 2018, № 4, с. 112-128. DOI: 10.31249/rsm/2018.04.10
13. Duchatel M. 2019. China's port investment: the flag behind the trade. <https://www.institutmontaigne.org/documents/china-trends/China-trends-2-print-web.pdf> (accessed 12.12.2020)
14. Duggan N. 2020. Competition and compromise among Chinese actors in Africa. *Governing China in the 21st century*. Cham.
15. Hu Jintao. Open Up New Prospects for A New Type of China-Africa Strategic Partnership. 2012. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t953166.shtml (accessed 16.09.2020)
16. List F. 1909. *The National System of Political Economy*. London.
17. Spivak V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80181> (accessed 16.09.2020)
18. Дейч Т.С., Усов В.А. Китай и Индия как драйверы Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 8. DOI: 10.31857/S032150750005774-3
19. Zondi S. China and Africa industrial capacity mode of cooperation. *China Daily*, 18.04.2018. <https://www.chinadaily.com.cn/a/201804/18/WS5ad6a8c0a3105cdcf6518fe2.html> (accessed 16.09.2020)

REFERENCES

1. Abramova I.O., Fituni L.L. 2018. The African segment of multipolar world: dynamics of geostrategic significance. *World Economy and International Relations*. № 12. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
2. Volkov S.N., Deich T.L. 2020. Africa in the emerging model of the world order. *Aziya i Afrika segodnya*. № 7. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010106-8
3. Voskresenskiy A.D., Lomanov A.V., Krivokhizh S.V. 2019. Model of development of modern China: assessments, discussions, forecasts. Moscow. (In Russ.)
4. Deich T.L. China and Africa: Results of economic cooperation in recent years. (In Russ.). <https://www.imemo.ru/news/events/text/kitay-i-afrika-itogi-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-poslednih-let> (accessed 16.09.2020)
5. Deich T.L. 2013. "Chinese century" for Africa. *International affairs* № 10. Moscow. (In Russ.)
6. Zakharov A.N., Rusak N.A. 2018. Foreign trade of China with African countries. *Russian Economic Bulletin*. № 4. Moscow. (In Russ.)
7. Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. 2020. Chinese rush to Africa: a comparative historical analysis. *Comparative politics*, № 4. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10052
8. Zenger H. 2006. *Stratagems*. Moscow. (In Russ.)
9. Leksyutina Y.V. 2018. China, great power responsibility, and global leadership. *International Trends*. № 2. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.4
10. Sizykh E.Y. 2019. Current Trends and Prospects of Direct Foreign Investment Export from China. *Bulletin of Baikal State University*. № 2. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).227-238
11. Fituni L.L. 2019. Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Political Processes in the Changing World: politics, economics, law*. № 3. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

12. Shalamov G.G. 2018. China's Presence in Africa: Lessons for Russia. *Russia and contemporary World*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2018.04.10
13. Duchatel M. 2019. China's port investment: the flag behind the trade. <https://www.institutmontaigne.org/documents/china-trends/China-trends-2-print-web.pdf> (accessed 12.12.2020)
14. Duggan N. 2020. Competition and compromise among Chinese actors in Africa. *Governing China in the 21st century*. Cham.
15. List F. 1909. *The National System of Political Economy*. London.
16. Loan Data. *China-Africa research Initiative*, 17.07.2020. <http://www.sais-cari.org/data> (accessed 16.09.2020)
17. Spivak V. Russia and China in Africa: Allies or Rivals? *Carnegie Moscow Center*, 25.10.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80181> (accessed 16.09.2020)
18. Deych T.S., Usov V.A. 2019. China and India as the drivers of Africa. *Aziya i Afrika segodnya*. № 8 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005774-3
19. Zondi S. China and Africa industrial capacity mode of cooperation. *China Daily*, 18.04.2018. <https://www.chinadaily.com.cn/a/201804/18/WS5ad6a8c0a3105cdcf6518fe2.html> (accessed 16.09.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зеленев Евгений Ильич, доктор исторических наук, проф., руководитель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Evgeny I. Zelenev, Dr.Sc. (History), Professor, Head, Department of Asian and African Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Солощева Мария Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Maria A. Soloshcheva, PhD (History), Associate Professor, Deputy Head, Department of Asian and African studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.01.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.01.2021

Прямые зарубежные инвестиции Японии: место России

© Подоба З.С.^а, 2021

^а Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1729-903X
zoyapodoba@gmail.com

Резюме. В статье представлен обзор ключевых тенденций, динамики, отраслевой и географической структуры прямых зарубежных инвестиций Японии, а также эволюции места Японии в глобальном оттоке ПИИ. Проанализированы основные факторы, способствовавшие переориентации внешнеэкономической стратегии Японии на экспорт капитала.

Перенос промышленных мощностей из Японии в зарубежные страны, привел к интенсификации процесса деиндустриализации, что обусловило усиление негативных тенденций в экономике страны. Несмотря на это масштабы зарубежного предпринимательства японских фирм в первые два десятилетия XXI в. продолжали нарастать, и в 2018-2019 гг. Японии удалось вернуть первое место в мире по объемам вывоза ПИИ.

Наибольший объем инвестиций из Японии накоплен в США и странах Западной Европы. В последние десятилетия в структуре зарубежных капиталовложений заметно возросла роль Китая. Однако в условиях торговой войны между КНР и США и кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции, правительственная комиссия по инвестициям Японии рекомендовала компаниям перенос производства своей продукции из Китая. Таким образом, к концу 2010-х гг. в стратегии зарубежного инвестирования Японии наблюдается процесс перехода от офшоринга к ресшорингу.

Во второй части исследования дана оценка места России в экспорте японского капитала. Определены важнейшие направления сотрудничества Японии и России в инвестиционной сфере. Проанализированы основные стратегии проникновения японского бизнеса в Россию и ключевые сектора приложения японского капитала с акцентом на автомобильную промышленность. Обозначены проблемы и перспективные сферы деятельности для ведения бизнеса с Россией по мнению японских компаний.

Ключевые слова: Япония, прямые зарубежные инвестиции, Россия

Для цитирования: Подоба З.С. Прямые зарубежные инвестиции Японии: место России. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 15-23. DOI: 10.31857/S032150750012594-5

Japan's outward FDI: The role of Russia

© Zoia S. Podoba^a, 2021

^а Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1729-903X
zoyapodoba@gmail.com

Abstract. The study provides an overview of key trends, dynamics, sectoral and geographical structure of Japan's outward foreign direct investment. Since the 1980s Japan became some of the world's most prominent source country for foreign direct investments (FDI). The outline of the factors contributed to that effect and the evolution of Japan's rank in global FDI outflow is given.

The export of capital, associated with the active shift of production capacities from Japan to foreign countries, led to an intensification of the deindustrialization process, often referred to as the 'hollowing-out' of the domestic manufacturing. It caused an increase in negative trends in the Japan's economy: slowdown in the industrial production growth rate and manufacturing employment, deterioration of the tradables' competitiveness. Nevertheless the scale of overseas business of Japanese multinationals in the in the early 21st century continued to grow and in 2018-2019 Japan was the leading overseas investor in the world.

The largest amount of Japanese stock FDI has been accumulated in the USA and Western Europe. In recent decades Japanese FDI to China significantly increased. However, with US-China friction and 'demandshock' brought about by COVID-19 Japan announced the shift of production out of China back to Japan and other countries.

The study examines the role of Russia in Japan's outward FDI. The entry strategies of Japanese business in Russia and the key sectors, attracting Japanese capital with an emphasis on the automotive industry, are analyzed.

The paper concludes with the discussion of the challenges and promising areas for doing business with Russia in the opinion of Japanese companies.

Keywords: Japan, outward foreign direct investment, Russia

For citation: Podoba Z.S. Japan's outward FDI: The role of Russia. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 15-23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750012594-5

ВВЕДЕНИЕ

В 1980-е гг. во внешнеэкономической стратегии Японии произошли важные изменения - переориентация с экспорта товаров на экспорт капитала. С тех пор Япония остается одним из крупнейших инвесторов в мире. Россия заинтересована в увеличении притока японского капитала. Определению места России в стратегии прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) Японии и основным направлениям сотрудничества двух стран в инвестиционной сфере посвящена данная статья.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ ПЗИ

Повышению привлекательности зарубежного инвестирования для японских компаний в 1980-е гг. способствовал ряд факторов. Во-первых, это заключенное в 1985 г. в отеле Плаза в Нью-Йорке Соглашение по регулированию валютных рынков (*Plaza Accord*), целью которого было снижение курса доллара по отношению к валютам основных торговых партнеров США. Япония в рамках этого Соглашения согласилась на укрепление национальной валюты. В результате, привлекательность экспорта японских товаров в США упала. При этом изменение курса иены сделало иностранные капиталовложения относительно недорогими для японских компаний и побудило производителей переносить производства за границу, используя трудовые и ресурсные возможности зарубежных рынков.

Вторая причина связана с торговым протекционизмом, используемым основными партнерами, прежде всего США, против японских компаний. Чтобы ослабить торговые трения, японские автопроизводители, которые страдали наиболее сильно от американских торговых барьеров, ускорили перенос производств в эту страну. В результате, к началу 1990-х гг. количество японских автомобилей, которые собирались в США, превысило их экспорт из Японии.

Японские корпорации также инвестировали за рубеж, чтобы смягчить ограничения роста на внутреннем рынке, сформировавшиеся в 1990-е гг. и сохраняющие свою значимость и по сей день. Другим фактором было стремление получить доступ к месторождениям промышленного и энергетического сырья. И, конечно, одним из важнейших мотивов инвестирования за рубеж является снижение издержек производства за счет более низкой стоимости факторов производства, прежде всего, рабочей силы.

Вскоре Япония превратилась в одного из крупнейших экспортеров прямых инвестиций. В 1990-е гг. она входила в тройку стран-лидеров по объему накопленных прямых инвестиций за рубежом. К концу второго десятилетия XXI в. объем накопленных Японией ПЗИ находился в пределах \$1,8 трлн, что позволяло ей удерживать позиции в пятёрке стран, лидирующих по этому показателю [1].

К 1990 г. Япония занимала 1-е место в мире по объемам ежегодного вывоза прямых инвестиций, значительно опережая объемы экспорта капитала из других развитых стран, в т.ч. США. Однако в последующие десятилетия Япония уступила позиции. Вернуться на первое место в мировой инвестиционной таблице о рангах удалось к концу 2010-х гг., благодаря тому, что в 2018 г. Соединенные Штаты Америки выпали из списка 20 крупнейших стран-инвесторов в результате крупномасштабной репатриации средств американскими многонациональными предприятиями, которая привела к отрицательному показателю ПЗИ. В 2019 г. Японии удалось удержать лидирующие позиции.

Примечательно, что, в отличие от большинства экономически развитых стран, которые одновременно являются как экспортерами, так и реципиентами значительных объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), приток капитала в Японию традиционно является достаточно низким (см. *граф. 1*). По отношению к валовому внутреннему продукту уровень накопленных инвестиций, поступивших в Японию в 2019 г., составлял всего 4%, в то время как аналогичный показатель в Германии, США, Франции находился в пределах 20-40%, в Великобритании - более 60% [1].

Вывоз капитала, связанный с офшорингом (перемещением бизнес-процессов из одной страны в другую) и активным переносом промышленных мощностей из Японии в зарубежные страны, привел к усилению процесса деиндустриализации, часто именуемого «выхолащиванием» промышленности (яп. *空洞化*, англ. *hollowing-out*). Формирование этого феномена обусловило усиление негативных тенденций в экономике страны: снижение темпов роста промышленного производства и сокращение занятости в промышленном секторе, ослабление конкурентоспособности японского экспорта товаров.

При этом масштабы зарубежного предпринимательства японских фирм в первые два десятилетия XXI в. продолжали нарастать. Так, согласно Отчету об исследовании зарубежных деловых операций японских промышленных компаний Японского банка для международного сотрудничества (*Japan Bank for International Cooperation, JBIC*), в 2018 г. доля зарубежных филиалов в общем объеме производства компаний достигла 36,8%. Это самый высокий уровень с начала 2000-х гг. Наибольшее значение коэффициента наблюдается в текстильной промышленности (55%), а также производстве автомобилей, электрооборудования и электроники [2].

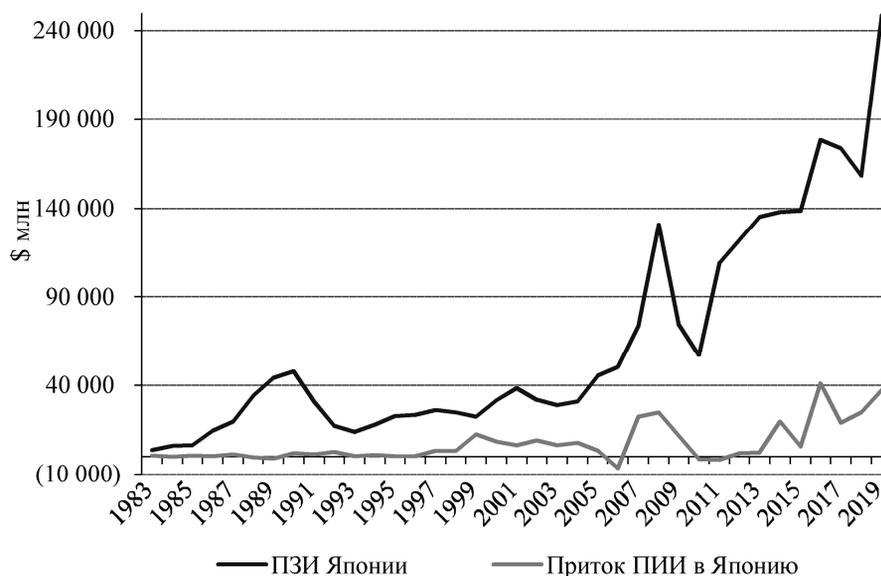

График 1. Приток ПИИ и отток ПЗИ Японии.

Составлено по: JETRO. 2020. <https://www.jetro.go.jp/en/> (accessed 03.09.2020).

Figure 1. Japan's outward and inward FDI flow.

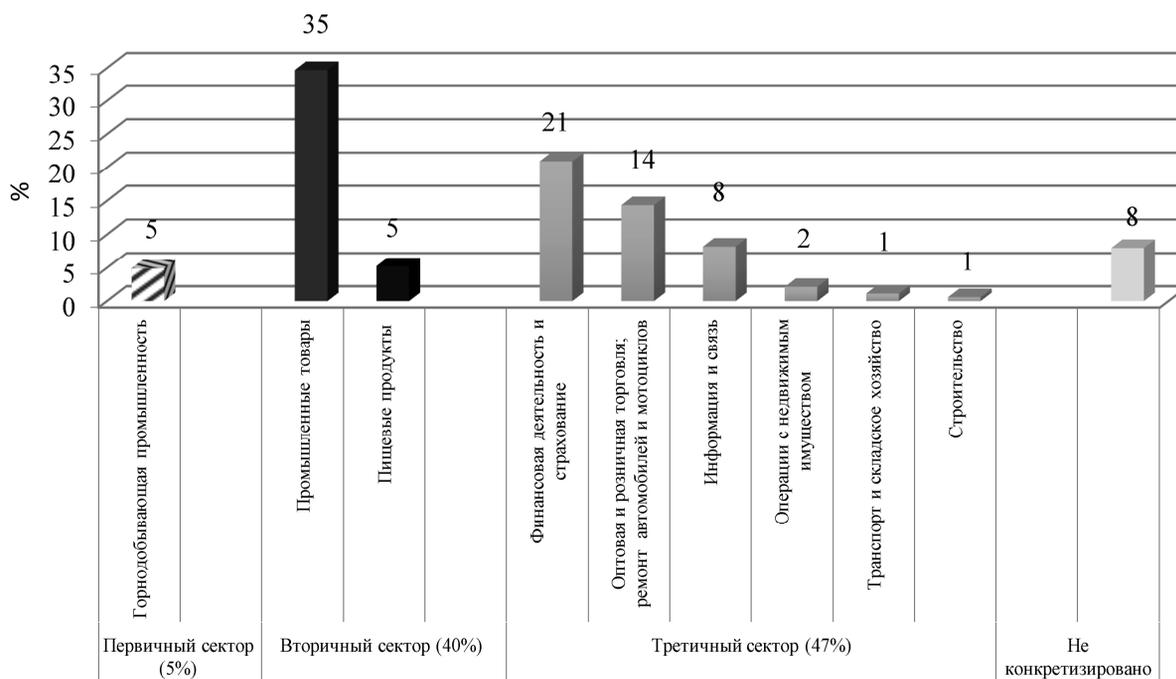

Диаграмма. Отраслевая структура накопленных ПЗИ Японии, 2018 г.

Составлено по: INVESTMENT MAP. <https://www.investmentmap.org/investment/indicators-by-industry> (accessed 03.10.2020)

Diagram. Japan's outward FDI Stock by Sector, 2018.

Следует отметить, что с 2008 г. большая часть японских инвестиций направляется не в сферу материального производства, а в сектор услуг (финансы и страхование, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь и др.). Структура накопленных японских ПЗИ по секторам представлена на *диагр.* В производственной сфере японские компании инвестируют капитал, в основном, в такие отрасли, как автомобилестроение и транспортное оборудование, электрические машины, химия и фармацевтика, а также добывающий сектор [3].

Наибольший объем инвестиций из Японии накоплен в США и странах Западной Европы. На каждого из этих основных реципиентов японского капитала приходится почти по 30% накопленных ПЗИ на конец 2019 г. При этом, наблюдается сокращение роли США и увеличение роли ЕС. Среди стран Европы инвестиции из Японии сконцентрированы, главным образом, в Великобритании и Нидерландах. Большое значение для формирования региональных цепей поставок японскими компаниями имеют страны Восточной Азии.

В последние десятилетия в структуре зарубежных капиталовложений заметно возросла роль Китая, привлекавшего японских инвесторов прежде всего, в качестве производственной базы для экспорта, а позднее и как быстрорастущий ёмкий рынок сбыта [3]. Однако с началом торговой войны между Китаем и США ряд японских компаний, включая *Kyocera* и *Nintendo*, анонсировали планы по переносу производств из Китая.

Пандемия коронавирусной инфекции, которая привела к нарушению цепочек поставок между торговыми партнёрами, выявила высокую зависимость японских предприятий от импорта комплектующих из Китая. В связи с этим, в апреле 2020 г. правительственная комиссия по инвестициям Японии рекомендовала перенести производство дорогостоящей продукции из Китая. Кроме того, в пакете мер, предназначенных для компенсации разрушительных последствий вспышки коронавируса, были заложены 220 млрд иен (\$2 млрд) для компаний, возвращающих производство обратно в Японию, и 23,5 млрд иен для тех, кто хочет перенести производство в другие страны [4]. Таким образом, к концу 2010-х гг. Япония, как и многие другие развитые экономики, перешла от процесса офшоринга к рещорингу (возвратному перемещению инвестиций с развивающихся рынков).

Несмотря на то, что объем ПЗИ Японии достиг рекордного уровня в 2019 г., он начал сокращаться в 2020 г. Только за период с января по апрель 2020 г. наблюдалось снижение в 44%. В условиях беспрецедентного уровня глобальной неопределенности, «шока спроса» и «рыночных потерь», вызванных COVID-19, японские компании вынуждены выработать новый стиль ведения бизнеса, используя возможности эры цифровизации.

ПАРТНЁРСТВО ЯПОНИИ И РОССИИ В ОБЛАСТИ ПРЯМОГО ЗАРУБЕЖНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Несмотря на то, что в 2000-2019 гг. объем накопленных японских инвестиций в России увеличился в 78 раз, в 2019 г. он составил лишь 0,11% всего накопленного за рубежом капитала из Японии [3]. С начала XXI в. среднее значение индекса интенсивности ПИИ для России и Японии было меньше порогового уровня. Всё это свидетельствует о том, что инвестиционный потенциал Японии в России не реализуется в полной мере [5]. С другой стороны, далеко не всегда статистика отражает реальную картину. Об этом речь пойдет ниже.

Динамика ежегодного притока прямых иностранных инвестиций из Японии в Россию в XXI в. является неравномерной. В 2012 г. был достигнут пик привлечения японского капитала в российскую экономику, последующие годы (вплоть до 2016 г.) характеризовались инвестиционным спадом, когда объем инвестиций фактически упал в до уровня десятилетней давности (см. *граф. 2*).

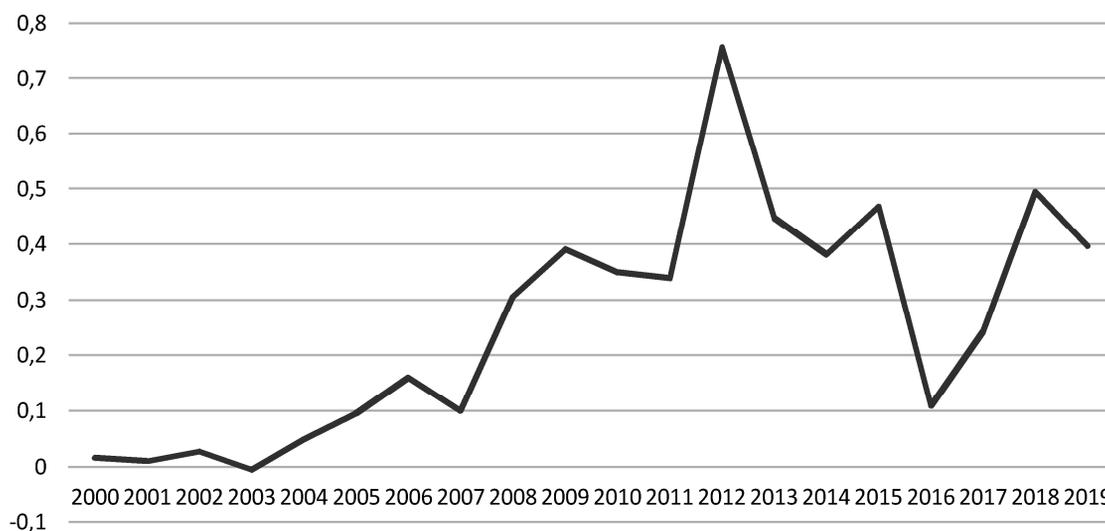

График 2. ПЗИ Японии в Россию, \$ млрд.

Составлено по: JETRO. 2020. <https://www.jetro.go.jp/en/> (accessed 03.06.2020)

Figure 2. Japan's outward FDI flow to Russia.

По данным Банка России, по состоянию на начало 2020 г. объем накопленных прямых инвестиций из Японии составил около 0,5% (\$2,4 млрд) от общего объема инвестированных в Россию средств, что почти в 1,5 раза меньше объема китайских (\$3,7 млрд) и корейских инвестиций (\$3,6 млрд) [6].

По итогам 2019 г., Россия находилась на 28-м месте среди стран-реципиентов японских ПЗИ, при этом Япония заняла 22-е место среди стран-инвесторов в российскую экономику. По состоянию на 2020 г., в производственном секторе России японскими компаниями реализуется около 70 инвестиционных проектов в 26 регионах. Основные сферы японских вложений в РФ: производство автомобилей и запчастей, топливно-энергетический комплекс и добыча полезных ископаемых. Как и в других странах, в последние годы важнейшим направлением приложения японского капитала в России становится сектор услуг.

Одно из самых привлекательных направлений японских капиталовложений в России - финансовая сфера. Отдельно следует отметить рост интереса к банковскому сектору. Активизация японских банков стала следствием проникновения японского бизнеса в Россию. Эта стратегия получила название «следования за клиентом» (*follow the customer strategy*), что частично обусловлено наличием в Японии системы *кейрецу*, объединяющей банки и реальный сектор. Вместе с тем, в отдельных случаях используется и принципиально иная стратегия проникновения - стратегия лидерства (*leadership strategy*) [7].

Характерно, что многие японские компании и банки предпочитают инвестировать в Россию не напрямую, а через третьи страны (Германия, Нидерланды и др.), в которых уже существовали их дочерние структуры и филиалы. Такая практика получила распространение у финансовых подразделений крупных японских автопроизводителей, которые вышли на российский рынок путем приобретения российских банков. Так, например, 99,937% акций АО «Тойота Банк» принадлежат *Toyota Kreditbank GmbH* (Германия), 0,063% - владеет *Toyota Leasing GmbH* (Германия). Обе компании входят в структуру *Toyota Financial Services Corporation* (Япония).

Подобным примером из нефинансового сферы является японская корпорация *Asahi Glass (Asahi Glass Company, AGC)*, контролирующая 85% акций Борского стекольного завода (Нижегородская область), крупнейшего в России производителя полированного и автомобильного стекла, через свою дочернюю компанию *AGC Glass Europe* (ранее - бельгийская компания *Glaverbel*, перешедшая под контроль *AGC*). *Glaverbel* была приобретена *AGC* в 1981 г. и стала первым западным производителем стекла, рискнувшим инвестировать в производство на территории России в 1997 г.

Примеры Борского стекольного завода и АО «Тойота Банк» наглядно демонстрируют, что статистика может давать искаженное представление действительности. Поскольку многонациональные предприятия часто осуществляют ПЗИ в рамках сложных цепочек собственности, страна, из которой непосредственно пришли инвестиции, может не совпадать с экономикой истинного владельца - источника инвестиций, который несет риски и получает, в конечном счете, прибыль. Аналогично учет ПИИ как входящих в определенную экономику не обязательно означает, что именно она является конечным пунктом назначения инвестиций.

Международные организации, включая ОЭСР и ЮНКТАД, в настоящее время формируют новые базы данных по входящим ПИИ в разрезе конечных экономик инвестирования (*ultimate investing economy*), которые демонстрируют существенные отличия от глобальной географической сети ПИИ, построенной на основе традиционного подхода. Так, данные ЮНКТАД показывают, что доля накопленных японских инвестиций, рассчитанных по принципу конечных экономик инвестирования в России, как минимум, в 3 раза выше официальной статистики.

Еще одной особенностью проникновения на российский рынок для японских компаний является использование каналов японских универсальных торговых домов - «*сого сёся*» (яп. 総合商社). Например, *Itochu* и *Marubeni* участвуют в проекте Сахалин-1 в качестве акционеров консорциума «*SODECO*»; *Mitsui* и *Mitsubishi* являются инвесторами проекта «Сахалин-2». В 2017 г. *Mitsubishi Corporation* выкупила 25% российского подразделения японского ритейлера *Uniqlo* - ООО «Юникло рус». Сотрудничество поможет ускорить открытие новых магазинов, повысить узнаваемость бренда *Uniqlo* на российском рынке. У *Fast Retailing*, материнской компания мирового ритейлера одежды, и *Mitsubishi* уже есть подобный опыт сотрудничества: торговому дому принадлежит также по 25% в бизнесах *Uniqlo* на рынках Таиланда и Индонезии.

Автомобилестроение является одной из важнейших отраслей приложения японского капитала. Рассмотрим подробнее, какие японские компании инвестировали в производство в России.

В 2007 г. состоялась церемония открытия завода Тойота в промышленной зоне Шушары (Санкт-Петербург). На предприятии было запущено производство седана бизнес-класса *Toyota Camry*, позднее модельный ряд был дополнен *Toyota RAV4*. Производственная мощность завода составляет 100 тыс. автомобилей в год. К 2019 г. с конвейера сошло более 350 тыс. автомобилей.

Совокупные инвестиции автоконцерна *Toyota* в развитие автозавода в Санкт-Петербурге с даты его основания по 2019 г. составили 30 млрд руб. [8]. В 2014 г. на территории завода были открыты новые произ-

водственные площади для компании *Toyota Boshoku* - поставщика сидений и обшивки дверей. В 2019 г. между Министерством промышленности и торговли России, г. Санкт-Петербург и ООО «Тойота Мотор» был заключен Специальный инвестиционный контракт (СПИК)¹, в рамках которого в модернизацию производственных мощностей в течение 10 лет будет вложено 20 млрд руб. [9].

Производство японских автомобилей на территории России осуществляется также на дочернем предприятии компании *Nissan* - ООО «Ниссан Мэнүфэкчуринг Рус». Открытие завода состоялось в 2009 г. Инвестиции в первую очередь строительства составили \$200 млн, в расширение завода (2014 г.) - 167 млн евро (ок. \$200 млн) [10]. Спустя 10 лет работы с конвейера сошел 400-тысячный автомобиль. В Санкт-Петербурге локализованы три популярные модели бренда - *X-Trail*, *Qashqai* и *Murano*.

Совместное японо-французское предприятие ООО «ПСМА Рус» Группы *PSA* (70%) и *Mitsubishi Motors Corporation* (30%) с 2012 г. выпускает автомобили на территории индустриального парка «Росва» в Калужской области. Завод располагает двумя производственными линиями: для выпуска седанов Группы *PSA* и внедорожников *Mitsubishi Outlander* и *Mitsubishi Pajero Sport*. Мощности предприятия позволяют производить до 125 тыс. автомобилей в год. Общие инвестиции в проект составили 550 млн евро [12]. В 2020 г. Калужский завод выпустил 200-тысячный автомобиль марки *Mitsubishi*.

Сборку своих автомобилей в России на заводе *Sollers-Владивосток* осуществляет *Mazda Motor Corporation*. Совместное предприятие «МАЗДА СОЛЛЕРС Манүфэкчуринг Рус» начало работу в 2012 г. Производственные мощности завода - 70 тыс. машин в год. Одна из самых популярных моделей в России, кроссовер *Mazda CX-5*, а также модели *Mazda-6* и *Mazda CX-9* производятся на этом предприятии. В начале 2020 г. с конвейера завода сошел 200-тысячный автомобиль. *Mazda Sollers* подписала СПИК в 2016 г. Инвестиции в проект составляют более 3 млрд руб. В 2018 г. в Приморье был открыт завод по производству двигателей *Mazda* серии *SkyActiv-G*. До 2020 г. предприятие получало льготы на перевозку автомобилей с Дальнего Востока, объем таких преференций ежегодно составлял не менее 500 млн руб. [13].

Помимо перечисленных выше в России также собирались и другие марки японских автомобилей, производство которых было прекращено. Так, например, с 2013 по 2015 гг. осуществлялась сборка внедорожников *Toyota Land Cruiser Prado* во Владивостоке; с 2013 по 2018 гг. в рамках сотрудничества АВТОВАЗа с альянсом *Renault-Nissan-Mitsubishi* на заводе в Тольятти производился автомобиль *Nissan Almera*, а с 2014 г. по 2020 г. - бюджетные автомобили под принадлежащим компании *Nissan* брендом *Datsun*.

Всего к концу второго десятилетия XXI в. в России действовало более 450 компаний с участием японского капитала.

Японские инвесторы предпочитают выходить на российский рынок, в форме создания предприятий со 100%-ным японским капиталом (84,3%) или их филиалов (7,2%). Совместные предприятия с участием инвесторов из России и других стран не являются популярной формой. Сохраняются географические диспропорции в распределении японских компаний на территории РФ: 89,1% зарегистрированы в Москве и Московской области [14].

Активизация инвестиционного сотрудничества России и Японии произошла после начала реализации предложенного премьер-министром Синдзо Абе Плана экономического сотрудничества по 8 направлениям². В августе 2017 г. для этих целей Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) совместно с *JBIC* учредили Российско-японский инвестиционный фонд, фокусирующийся на реализации проектов, стимулирующих экономическое сотрудничество между двумя странами по приоритетным секторам, обозначенным в Плане.

В качестве примера сотрудничества в рамках реализации направления «Повышение ожидаемой продолжительности здоровой жизни» можно назвать приобретение *Mitsui* 10% акций российской компании «Р-Фарм» в 2017 г. [15]. Привлечение японских партнеров предоставляет «Р-Фарм» дополнительные возможности для будущего роста и расширяет потенциал для лицензирования и локализации на российском рынке инновационных лекарственных средств, разрабатываемых японскими и другими международными фармацевтическими компаниями.

Продолжает развиваться сотрудничество в области энергетики. *JBIC* предоставил кредитную линию для развития проекта «Ямал СПГ». В реализации этого проекта также принимают участие другие японские

¹ Так называемые специальные инвестиционные контракты приходят на смену программе промборки, действие которой завершается. Они заключаются между российским правительством и инвесторами на индивидуальных условиях в рамках постановления Правительства РФ №708 от 16.07.2015. Суть СПИКа в том, что инвестор гарантирует вложение денег (не менее 750 млн руб.) и создание рабочих мест, а государство обещает ему меры стимулирования деятельности и стабильные условия ведения бизнеса (*прим. авт.*).

² «План сотрудничества из 8 пунктов» был представлен С.Абэ на японско-российском саммите в мае 2016 г. во время встречи лидеров двух стран в г. Сочи. План нацелен на развитие связей по следующим направлениям: медицина, градостроительство, малый и средний бизнес, энергетика, промышленность, развитие Дальнего Востока, технологии и гуманитарный обмен (*прим. авт.*).

компании: *Mitsui O.S.K. Lines, Ltd* (поставка танкеров для проекта), *JGC Corp.* и *Chiyoda Corp.* (входили в совместное предприятие, занимавшееся строительством «Ямал СПГ»).

В июне 2019 г. *JOGMEC*, *Mitsui* и «НОВАТЭК» подписали договор купли-продажи акций проекта «Арктик СПГ-2». Для части средств государственное экспортно-кредитное агентство Японии *NEXI* обеспечило страхование иностранных инвестиций; *JBIC* и др. осуществили финансирование [15].

Особое внимание уделяется направлению «Развитие промышленности и наращивание экспортной базы на Дальнем Востоке». Так, при участии *Hokkaido Corp.* и *Hokko Corp.* был построен тепличный комплекс в Якутске с целью круглогодичного производства свежих овощей в регионе со сверххолодным климатом. Консорциум японских компаний *Sojitz*, *JOIN* и *JATCO* присоединился к проекту по строительству и эксплуатации нового аэровокзального комплекса международного аэропорта Хабаровск.

В 2018 г. была создана платформа для поддержки японских инвестиций на Дальнем Востоке с участием Фонда развития Дальнего Востока, Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и *JBIC*. В 2018 г. на базе платформы было заключено 7 соглашений о сотрудничестве с японскими компаниями, в 2019 г. - 9, а также 2 договора об оказании услуг [16].

Несмотря на то, что в 2014 г. Япония присоединилась к антироссийским санкциям, они были введены достаточно осторожно и сказались на деятельности японских компаний в России не очень значительно. Согласно исследованию *JETRO* «Деятельность японских компаний на российском рынке в 2019 г.», большинство предприятий собираются расширять бизнес в России (44% респондентов). Доля ответов «сокращение» и «перенос в третьи страны, уход с рынка» не превышает 1%. При этом 54% компаний заняли выжидательную позицию [16].

Среди объяснений преимуществ, связанных с инвестиционным климатом в России, в течение 7 лет подряд на первом месте стоит ответ - «масштаб и перспективы роста рынка». Тем не менее, более половины респондентов ощущают влияние антироссийских санкций, которое проявляется в сокращении продаж, понижении приоритета ведения бизнеса в России со стороны головного офиса в Японии, а также сложностях с поставками материалов и смене контрагентов. Около 40% производственных компаний испытывают влияние политики импортозамещения, которое выражается в снижении продаж из-за переключения клиентов на товары российского производства.

Согласно результатам другого анкетного опроса относительно условий ведения бизнеса с Россией за 2020-й фин. год, подготовленному Федерацией экономических организаций Японии «Кэйданрэн» [17], 64% компаний, которые «в настоящее время уже ведут» или «планируют в будущем вести» бизнес с Россией, оценили его перспективы «очень оптимистично» или «оптимистично».

При этом респонденты в обоснование своего ответа приводили следующие причины: «обширная территория страны и богатые запасы природных ресурсов», «величина населения и масштабов рынка», «потребности в обновлении износившейся инфраструктуры», «высокий потенциал фармацевтического рынка и рынка медицинских услуг», «богатые человеческие ресурсы с высоким уровнем образования», а также «существование "Плана сотрудничества из 8 пунктов" и географическая близость».

Среди перспективных сфер деятельности для ведения бизнеса с Россией наибольший интерес вызывает категория «природные ресурсы и энергетика» (48%), «инфраструктура» (24%), «медицина» (24%), «информация и связь» (20%), «автомобили и автозапчасти» (16%) и «химическая и нефтехимическая отрасли» (16%), «пищевые продукты» (14%).

Институциональные факторы по-прежнему являются главной причиной сдерживания японских инвестиций в России. В качестве самых существенных японские компании указывают «проблемы, связанные с исполнительной властью», а именно, такие их проявления, как «запутанные разрешительные процедуры», «различия в делопроизводстве в приемных разных инстанций», «неясность полномочий ведомств», «длительность процедур» и т.п.

На втором месте стоят «проблемы, связанные с таможенными и экспортно-импортными операциями». Здесь недовольство вызывают непрозрачность, сложность и длительное время прохождения таможенных процедур, а также параллельный импорт. Далее указываются проблемы, связанные с правовой, налоговой и финансовой системами. Кроме того, многие компании ссылаются на неразвитость инфраструктуры, трудности, «связанные с въездом в страну и выездом из нее, работой прикомандированного иностранного персонала в России», а также «связанные с промышленной политикой» и «политикой в сфере привлечения иностранного капитала», реализация которых ведет к усилению преференциального режима для российской продукции.

Следует отметить, что японский бизнес довольно консервативен в плане освоения новых рынков. Многие компании подходят с большой осторожностью к расширению своего присутствия за пределами основных стран-партнеров. Японцы крайне тяжело адаптируются к новым условиям и национальным особенностям принимающих государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на наличие объективной предрасположенности Японии и России к развитию экономической кооперации, основанной на естественном распределении факторов производства и экономических ресурсов, сотрудничество России и Японии не соответствует имеющемуся потенциалу. Запуск положительных тенденций в двухсторонних отношениях благодаря усилиям главного сторонника российско-японского сближения, Синдзо Абэ, не смог переломить сложившиеся тренды, а после его ухода с поста премьер-министра перспективы дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества в условиях глобального кризиса, вызванного COVID-19, остаются туманными.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNCTADSTAT. <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 03.10.2020)
2. JBIC. 2019. Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2019/pdf/1127-012855_1.pdf (accessed 05.10.2020)
3. JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed 03.09.2020).
4. Reynolds, I., Urabe E. 2020. Japan to Fund Firms to Shift Production Out of China. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/japan-to-fund-firms-to-shift-production-out-of-china> (accessed 01.10.2020)
5. Банк России. 2020. Статистика внешнего сектора. https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (accessed 17.09.2020)
6. Podoba Z. 2018. Japan's Trade and FDI Intensities with Russia. *The Journal of Comparative Economic Studies*. Vol. 13, 2018, pp. 85-98.
7. Горшков В. Японские банки на российском рынке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017, № 11, с. 24-33. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-24-33
8. Toyota вложила 30 млрд рублей в автозавод в Петербурге. 2019. <https://tass.ru/spb-news/7084673> (accessed 03.06.2020)
9. Тойота инвестирует в развитие завода в Петербурге 20 млрд руб. 2019. <https://www.gov.spb.ru/press/governor/171276/> (accessed 15.06.2020)
10. Завод Nissan в Санкт-Петербурге. 2019. <https://russia.nissannews.com/ru-RU/releases/release-1e866f773b5f94ff4c0c2d1f1a014bad-nissan>. (accessed 05.06.2020).
11. Аналитическое агентство «АВТОСТАТ». 2020. https://www.autostat.ru/pages/about_company (accessed 03.08.2020)
12. «Мазда Соллерс» поедет на свои: Отменяется субсидия на поставки машин с Дальнего Востока. 2019. <https://www.kommersant.ru/doc/3955396> (accessed 14.06.2020)
13. Горшков В.А., Подоба З.С. Японо-российское сотрудничество в сфере торговли и инвестиций. *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы*. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы - 2017». СПб: Скифия-принт, 2017. с. 216-227.
14. Посольство Японии в России. 2019. Ход реализации «Плана сотрудничества» из 8 пунктов. <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf> (accessed 15.09.2020)
15. Платформа для поддержки японских инвестиций на Дальнем Востоке. <http://jppv.ru/> (accessed 01.10.2020)
16. JETRO. Деятельность японских компаний на российском рынке в 2019 году. https://www.jetro.go.jp/ext_images/russia/Anketa_on_act_JP_companies_in_Rus_in_2019_ru.pdf (accessed 03.10.2020)
17. Результаты анкетного опроса относительно условий ведения бизнеса с Россией Федерации экономических организаций Японии «Кэйданрэн». (2020 ф.г.). <http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2020/073ru.pdf> (accessed 12.10.2020)

REFERENCES

1. UNCTADSTAT. <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 03.10.2020)
2. JBIC. 2019. Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. https://www.jbic.go.jp/en/information/press/press-2019/pdf/1127-012855_1.pdf (accessed 05.10.2020)
3. JETRO. Japanese Trade and Investment Statistics <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed 03.09.2020)
4. Reynolds, I., Urabe E. 2020. Japan to Fund Firms to Shift Production Out of China. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-08/japan-to-fund-firms-to-shift-production-out-of-china> (accessed 01.10.2020)
5. Bank of Russia. External Sector Statistics https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (accessed 17.09.2020)
6. Podoba, Z. 2018. Japan's Trade and FDI Intensities with Russia. *The Journal of Comparative Economic Studies*. Vol. 13, 2018, pp. 85-98.
7. Gorshkov V. 2017. Japanese banks in Russia. *World Economy and International Relations*. № 11. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-24-33
8. Toyota invested 30 bln rubles in a car plant in St. Petersburg. (In Russ.). <https://tass.ru/spb-news/7084673> (accessed 03.06.2020)
9. Toyota invests 20 bln rubles in the development of the plant in St. Petersburg. 2019 (In Russ.). <https://www.gov.spb.ru/press/governor/171276/> (accessed 15.06.2020).
10. Nissan plant in St. Petersburg. 2019. (In Russ.). <https://russia.nissannews.com/ru-RU/releases/release-1e866f773b5f94ff4c0c2d1f1a014bad-nissan> (accessed 05.06.2020)
11. Analytical agency "AUTOSTAT". 2020 (In Russ.). https://www.autostat.ru/pages/about_company (accessed 03.08.2020)
12. Mazda Sollers will «go on its own»: The subsidy for the supply of cars from the Far East is canceled. (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/3955396> (accessed 14.06.2020)

13. Gorshkov V.A., Podoba Z.S. 2017. Japan-Russia trade and investment cooperation. *Economic theory and economic practice: global challenges*. Materials of the international conference "Evolution of the international trading system: problems and prospects - 2017". St. Petersburg. (In Russ.)

14. Embassy of Japan in Russia. 2019. The progress of the implementation of The Eight-Point Cooperation Plan (In Russ.). <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf> (accessed 15.09.2020)

15. Platform to support Japanese investments in the Russian Far East. (In Russ.). <http://jppv.ru/> (accessed 01.10.2020)

16. JETRO. 2019. Survey on Business Conditions of Japanese-Affiliated Companies in Russia. (In Russ.). https://www.jetro.go.jp/ext_images/russia/Anketa_on_act_JP_companies_in_Rus_in_2019_ru.pdf (accessed 03.10.2020)

17. Results of the survey regarding the conditions of doing business with Russia of the Keidanren Japan Business Federation. (Financial year 2020). (In Russ.). <http://www.keidanren.or.jp/en/policy/2020/073ru.pdf> (accessed 12.10.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Подоба Зоя Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа сервиса и торговли, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Zoia S. Podoba, PhD (Economics), Associate Professor, Graduate School of Service and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
5.12.2020

Доработана после рецензирования (Revised)
25.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
10.01.2021

Отношения ЕС со странами Африки (на примере региональных стратегий в зонах Сахеля и Гвинейского залива)

© Ивкина Н.В.^а, 2021

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ivkina-nv@rudn.ru

Резюме. Статья посвящена анализу нормативной базы Европейского Союза, разработанной для сотрудничества с регионами Сахеля и Гвинейского залива, а также изучению реализации обеих стратегий в контексте европейских и африканских интересов. В преамбуле представлена эволюция становления и развития отношений формирующихся европейских интеграционных структур со странами Африки. Рассмотрение стратегий ЕС по помощи развивающимся странам стало необходимым для доказательства того факта, что африканский регион является одним из наиболее важных для ЕС, как интеграционного объединения. Значимое место в основной части исследования отведено «саммитовой дипломатии», которая является составляющей отношений ЕС и стран Африки. Было выявлено, что каждый последующий саммит предоставляет африканским странам больше инициативы для определения новых направлений сотрудничества, что делает межрегиональные встречи еще более эффективными. Представленный в статье взгляд третьей стороны - ООН на взаимодействие ЕС с африканскими странами свидетельствует о готовности сторон совместно решать как региональные, так и глобальные проблемы. В качестве теоретического обоснования исследования выступает теория неоклассического реализма, в которой можно рассматривать европейско-африканские отношения не по линии «государство-государство», а по линии «международная организация - государства», имея в виду, что решающее значение имеют интересы отдельных государственных субъектов. Кроме того, неоклассический реализм позволяет использовать эпистемологию и методологию, основанную на дедуктивных теориях, сравнительном анализе и агентном моделировании. Результаты исследования представлены в виде выводов об эффективности региональных стратегий ЕС для Сахеля и Гвинейского залива. Дан сравнительный анализ предпочтений ЕС для отдельных регионов Африки и намечены перспективы дальнейшего совершенствования стратегий.

Ключевые слова: Европейский Союз, региональные стратегии, зона Сахеля, Гвинейский залив, межрегиональное партнерство

Для цитирования: Ивкина Н.В. Отношения ЕС со странами Африки (на примере региональных стратегий в зонах Сахеля и Гвинейского залива). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 24-29. DOI: 10.31857/S032150750013957-4

EU relations with Africa (on the example of strategy for security and development in the Sahel and the Gulf of Guinea)

© Natalia V. Ivkina^а, 2021

^а Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of two regional strategies of the European Union in relation to African countries - the Sahel and the Gulf of Guinea. Today, the interaction between developed and developing regions in the framework of interregional partnership is of particular relevance.

The aim of the article is to analyse the legal framework of the European Union, developed for cooperation with the Sahel and Gulf of Guinea regions, as well as to study the implementation of both strategies in the context of European and African interests. It has also become apparent that each successive summit provides African countries with more initiative to identify new lines of cooperation, making interregional meetings even more effective. The third party's (UN) view of the EU's interaction with African countries presented in the article shows the readiness of the parties to jointly solve both regional and global problems. As a theoretical justification of the research is the theory of neoclassical realism, in which it is possible to consider European-African relations not as the line "state-state", but in the line "international organization - the states" bearing in mind that crucial are the interests of individual state actors. In addition, neoclassical realism allows using the epistemology and methodology based on deductive theories, comparative analysis and agent modelling.

The results of the study are presented in the form of conclusions on the effectiveness of the EU regional strategies for the Sahel and the Gulf of Guinea. A brief comparative analysis of EU preferences for selected regions of Africa is given and prospects for further improvement of strategies are outlined.

Keywords: European Union, a regional strategy for the Sahel, Gulf of Guinea, inter-regional partnership

For citation: Ivkina N.V. EU relations with Africa (on the example of strategy for security and development in the Sahel and the Gulf of Guinea). *Asia i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 24-29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013957-4

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько десятилетий отношения между европейскими и африканскими государствами заметно эволюционировали. Отчасти это связано с углублением интеграционных процессов в Европе и с созданием в 1992 г. Европейского Союза (ЕС).

Целями данной статьи являются выявление степени заинтересованности ЕС и стран, расположенных в регионах Сахеля и Гвинейского залива, в расширении сотрудничества, а также анализ существующих программ, реализуемых на многосторонней основе. Предлагается двухуровневая система исследования динамики взаимодействия: в формате «интеграционное объединение (ЕС) - государство (отдельные страны Африки)» и по линии «объединение (ЕС) - объединение (интеграционные проекты в Африке)».

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЕС И СТРАНАМИ АФРИКИ

Евросоюз и страны Африки южнее Сахары (АЮС) развивают различные формы сотрудничества: в рамках региональных стратегий, в формате «саммитовой» дипломатии, посредством заключения многосторонних соглашений, регулирующих экономические и политические контакты, и др.

Взаимодействию ЕС со странами зоны Сахеля на многостороннем уровне способствует наличие репрезентативной нормативно-правовой базы. Первым нормативно-правовым актом стала т.н. Яундская конвенция, подписанная в 1963 г. сроком на 5 лет между Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и группой Ассоциированных африканских государств и Мадагаскара (ААСМ). Конвенция позволила странам-подписантам «бесплатно взаимно экспортировать небольшое количество промышленных товаров, которые они производили, за исключением сельскохозяйственной продукции» [1]. Об эффективности достигнутых договоренностей свидетельствует то, что по истечении пятилетнего срока конвенция была пролонгирована. Более того, в соответствии с Арушским соглашением 1969 г. [2] три восточноафриканских государства - Танзания, Уганда и Кения - присоединились к ААСМ и также установили более тесные экономические связи с ЕЭС.

Упомянутые, а также ряд других двусторонних и многосторонних соглашений легли в основу нового, более широкого нормативно-правового акта - Ломейской конвенции [3], подписанной в 1975 г. между Европейским экономическим сообществом и более 70 государств Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ).

Однако наиболее важной инициативой, касавшейся непосредственно (т.е. без упоминания других развивающихся регионов) отношений между Европейским Союзом и странами Черного континента, стала Совместная африкано-европейская стратегия, принятая в 2007 г. [4]. В тексте соответствующего документа появляется Африканский Союз (АС), который с момента его основания в 2002 г. начал все чаще брать на себя ответственность за обеспечение мира на континенте [5].

На первое место в тексте Совместной стратегии были поставлены вопросы политического развития, безопасности, демократизации и углубления интеграции. В разделе «Новые подходы» указывалось на готовность ЕС и АС прилагать усилия для совместного реагирования на глобальные вызовы и угрозы, а также на ведущую роль «саммитовой дипломатии» в отношениях между Европейским Союзом и Африкой.

В 2020 г. начался пересмотр африканской стратегии ЕС. 9 марта было выпущено совместное обращение Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности и Европейской комиссии к Европейскому парламенту и к Совету Европы под названием «На пути к всеобъемлющей стратегии сотрудничества с Африкой» [6]. Согласно этому документу, ЕС обязуется пролонгировать после окончания пандемии *COVID-19* инвестиционные проекты, реализация которых началась до 2020 г., а также предоставить африканским странам финансовую помощь для борьбы с коронавирусом.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ЕС В ЗОНЕ САХЕЛЯ

Помимо уже сформированной нормативно-правовой базы отношений между ЕС и странами Африки, а также ряда важных документов, принимавшихся по результатам саммитов, существует несколько совместных региональных стратегий.

В контексте событий «арабской весны» и последовавшего затем миграционного кризиса регион Сахеля, символически и географически отделяющий Северную Африку от Африки южнее Сахары, обретает все большее значение для нерегиональных игроков. Стратегия ЕС, касающаяся безопасности и развития Сахеля, впервые была озвучена Верховным представителем ЕС по иностранным делам в 2011 г. В ней нашли отражение наиболее важные направления развития многостороннего взаимодействия: разрешение внутривнутриполитических конфликтов, достижение политической стабильности, обеспечение верховенства закона,

противодействие терроризму и др. [7]. Реализация этой стратегии сопровождалась определенными экономическими и политическими рисками для ЕС, так как регион Сахеля представляет собой зону перманентной нестабильности с высоким конфликтным потенциалом.

Однако в 2010-е гг. реализация совместных проектов развития и миротворчества в Сахеле не имела заметных позитивных результатов, так как Евросоюз уделял первостепенное внимание Северной Африке и Ближнему Востоку, где происходили вооруженные столкновения, велись гражданские войны и менялись политические режимы. В результате к 2014 г. регион Сахеля столкнулся с гуманитарной катастрофой: продовольственный кризис спровоцировал массовый поток беженцев в Европу. На этом фоне страны Сахеля пошли на сближение в рамках собственного интеграционного проекта «*G5 Sahel*», участниками которого стали Буркина Фасо, Чад, Мавритания, Нигер и Мали. ЕС рассматривал создание этого альянса как возможность для реализации собственных инициатив в Африке; при этом больше внимания он уделял вопросам безопасности, а не развития. Это нетипично для ЕС, который целями регионального партнерства обычно ставит осуществление социально-экономических проектов, создание новых рабочих мест, увеличение объема инвестиций в образование, здравоохранение и др. [8].

В 2015 г., вскоре после создания группы *G5*, Европейский союз сформировал новую стратегию взаимодействия в зоне Сахеля. Задачи новой стратегии претерпели определенные изменения: теперь в ее основу легли обязательства по противодействию радикализации общественно-политической жизни, по созданию условий для более широкого доступа молодежи к получению образования и достойной занятости, по решению миграционных проблем, транснациональной преступности и т.д. [9].

В ходе реализации этой стратегии основное внимание ЕС уделял инвестиционной сфере. В 2015-2017 гг. на цели развития региона было выделено 50 млн евро. Группа военных консультантов была направлена для налаживания деятельности *G5 Sahel*. В целом, в 2014-2020 гг. Евросоюз инвестировал в регион Сахеля 2,47 млрд евро [10]. По состоянию на 2020 г., половина этих средств была направлена на развитие национальных экономик государств Сахеля, остальное - на поддержание политической стабильности и обеспечение безопасности. В ходе видеоконференции, проведенной совместно ЕС и *G5* в апреле 2020 г., председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен и председатель Европарламента Жозеп Боррель сообщили о решении ЕС дополнительно выделить 194 млн евро на борьбу с COVID-19 в странах региона [11].

В военно-политической сфере Евросоюзом в Сахеле сформированы три миротворческих миссии: Миссия Европейского союза по наращиванию потенциала в Нигере (*EUCAP Sahel Niger*), созданная в 2012 г. и нацеленная на борьбу с терроризмом и организованной преступностью; Учебная миссия Европейского союза в Мали (*EUTM Mali*), с 2013 г. содействующая этой стране в проведении реформы вооруженных сил путем подготовки военных кадров; Миссия Европейского Союза по наращиванию потенциала в Мали (*EUCAP Sahel Mali*), с 2014 г. предоставляющая соответствующие консультации в области обороны [12].

На первый взгляд стратегия ЕС в зоне Сахеля представляется достаточно сбалансированной, поскольку отчасти благодаря именно ей страны региона смогли создать платформу для многостороннего взаимодействия. В частности, реализация стратегии Евросоюза способствует росту, координации и контролю над инвестициями, направленными на развитие государств Сахеля, и предполагает коллективную ответственность сторон за осуществление проектов в сфере безопасности, поддержку гражданских инициатив, а также снижению экономических рисков. То есть ЕС сотрудничает со странами Сахеля одновременно по двум направлениям: «интеграционное объединение (ЕС) - государство (отдельные страны)» и «объединение (ЕС) - объединение (*G5*)». Увеличение вариативности взаимодействия влечет за собой и расширение пространства для углубления сотрудничества, которое, впрочем, не всегда отвечает интересам африканских государств.

Страной, присутствие которой в зоне Сахеля было наиболее заметным в 2010-е гг., была Франция, с января 2013 г. по июль 2014 г. осуществлявшая на севере Мали операцию «Сервал», направленную против восставших туарегов и исламистских террористических группировок. Уже в первые месяцы после развертывания французских войск у повстанцев был отбит г. Кона, разрушены лагеря исламистов вблизи г. Гао, и они были вытеснены из Тимбукту. Контроль над «освобожденными» территориями был передан вооруженным силам африканских стран и миротворческому контингенту ООН. Однако атаки исламистов и туарегов на базы малийской армии не прекратились, напротив, стали даже более успешными.

В результате, в июле 2014 г. Франция развернула в Сахеле операцию «Бархан», которая стала продолжением «Сервала» и распространилась, помимо Мали, на Мавританию, Буркина Фасо, Нигер и Чад, т.е. страны «*G5*». Пятая республика стремилась сохранить свое влияние в регионе и обеспечить контроль над урановыми рудниками Сахеля. Однако вскоре стало ясно, что борьба с исламистскими экстремистами не приносит ощутимого результата: государственное единство Мали до сих пор находится под вопросом; теракты в регионе приобрели систематический характер, т.е. ситуация в сфере безопасности даже ухудшилась. Операции «Сервал» и «Бархан» оказались затратными, но не имевшими заметного положительного результата, более того, вызывавшими недовольство стран региона, в котором распространялось мнение, что Париж

скрывал свои истинные цели в Сахеле - установление полного контроля над урановыми рудниками и месторождениями золота в Мали и Нигере.

Таким образом, несмотря на сохранение в зоне Сахеля миротворческих миссий ЕС, террористическая деятельность в регионе продолжает расширяться.

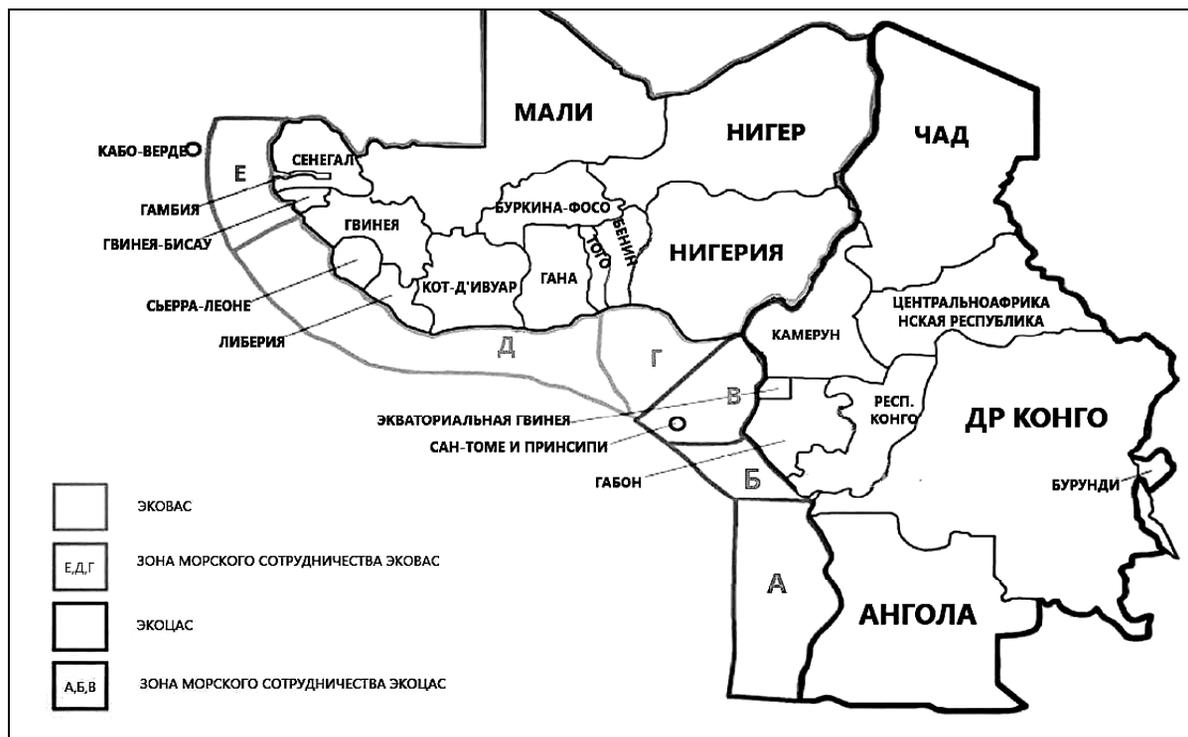
РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ЕС ПО РЕГИОНУ ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА

Страны, расположенные в регионе Гвинейского залива - на побережье Атлантического океана, постоянно сталкиваются с проблемами, связанными с отсутствием безопасности в морской акватории, и с постоянным расширением криминальной деятельности (наркотрафик, торговля оружием и людьми, пиратство, незаконное рыболовство и др.). В связи с этим в 2014 г. Европейский союз принял специальную стратегию по региону Гвинейского залива. Как общие африкано-европейские задачи указываются борьба с нищетой и социально-экономическое развитие отдельных стран и региона, в целом, борьба с коррупцией, охрана морских ресурсов, обеспечение безопасного судоходства, наращивание добычи углеводородов [13].

Морская стратегия ЕС в отношении Гвинейского залива в значительной степени опирается на опыт сотрудничества Евросоюза со странами Африканского Рога: проводится совместное патрулирование морских границ, принимаются меры по защите торговых судов, по пресечению пиратства и предотвращению конфликтов.

С 2015 г. особое внимание в рамках стратегии уделяется взаимодействию ЕС со странами региона в деле решения проблем морской безопасности и организованной преступности. Прежде всего, это обусловлено тем, что по Гвинейскому заливу осуществляется транспортировка нефти в страны Европы и другие регионы. В целях обеспечения безопасности судоходства ЕС сотрудничает как с отдельными государствами, так и с региональными организациями - Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС), Экономическим сообществом стран Центральной Африки (ЭКОЦАС), Региональным центром по морской безопасности Центральной Африки (РЦМБЗА).

По данным Международной кризисной группы, Евросоюз помог странам Гвинейского залива и, прежде всего, международным организациям, отвечающим за нее, разделить зону ответственности (см. карту).

Карта. Архитектура морской безопасности в Гвинейском заливе. Источник: [16].
Map. Maritime security architecture in the Gulf of Guinea.

Сотрудничество в этой сфере осуществляется в соответствии с Планом действий на 2015-2020 гг., по которому ЕС взял на себя особую ответственность за обеспечение морской безопасности зоны Гвинейского залива и помогает правительствам стран региона в создании специальных межведомственных комис-

сий, новых рабочих мест в сферах морской безопасности и добычи углеводородов, в предотвращении роста преступности, в поддержке региональной интеграции; оказывает техническую помощь, предоставляет оборудование; способствует развитию инфраструктуры, росту инвестиций и эффективному контролю над использованием ресурсов.

Помимо нормативно-правовой базы, обеспечивающей сотрудничество ЕС со странами Гвинейского залива, существует ряд совместных институтов, поддерживающих взаимодействие в сфере морской безопасности. Так, в 2007 г. был создан Морской аналитический и операционный центр - центр по наркотикам (МАОС-N), в работе которого участвуют 7 европейских государств - Великобритания, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия и Франция. Организация занимается координацией деятельности правоохранительных органов этих стран по перехвату судов, перевозящих в Европу наркотики [14]. Хотя в этом случае контакт осуществляется не по линии ЕС - Африка, а в рамках взаимодействия с отдельными странами региона Гвинейского залива, соответствующие механизмы ЕС активно используются для контроля над морскими границами.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун (2007-2016 гг.) в письме председателю Совета Безопасности от 12 февраля 2012 г. отметил: «ЕС является ключевым партнером ООН во многих странах Гвинейского залива в борьбе с пиратством и в обеспечении морской безопасности» [15]. Однако, по данным Международного морского бюро, принятые меры мало изменили ситуацию [16]: за один только 2018 г. на торговые суда было совершено 81 нападение, 32 моряка были похищены в целях получения выкупа [14]; в 2019 г. число случаев похищения людей увеличилось вдвое [17] (в частности, в январе 2019 г. было захвачено судно «*MSC Mandy*») [19]. В связи с этим было принято еще несколько программ по Гвинейскому заливу: «Межрегиональная сеть Гвинейского залива», «Сотрудничество между морскими портами» и «Механизм мониторинга, поддержки и оценки важных морских путей» [18].

Таким образом, стратегия ЕС в зоне Гвинейского залива существенным образом отличается от стратегии в Сахеле, что обуславливается разными проблемами и потребностями двух регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ стратегий ЕС в регионах Гвинейского залива и Сахеля позволяет сделать вывод, что в обоих случаях Евросоюз использовал возможности сотрудничества как с отдельными странами, так и с региональными организациями. Приоритетной областью взаимодействия в 2000-2010 гг. оставалась сфера безопасности. В регионе Гвинейского залива ЕС оказывал реальную военно-техническую помощь, в Сахеле - на противодействие радикализации общественно-политической жизни и регулировании миграции.

Что касается инвестиционной политики ЕС, то большую активность Евросоюз проявляет в Сахеле, нежели в регионе Гвинейского залива. Это связано с тем, что угрозы безопасности Сахеля, так или иначе, сказываются и на безопасности ЕС, поскольку гуманитарные катастрофы приводят к массовой миграции африканцев в Европу.

REFERENCES

1. The Yaoundé Convention, 1975. https://www.cvce.eu/obj/the_yaounde_convention-en-27978269-7eba-4c89-8280-a8b231a3bf93.html (accessed 23.10.2020)
2. Agreement establishing an association between the European Economic Community and the United Republic of Tanzania, the Republic of Uganda and the Republic of Kenya, 1970. General Agreement on tariffs and trade. WTO. https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/90830169.pdf (accessed 10.09.2020)
3. ACP - EEC Convention of Lome signed on 28 February 1975. <http://www.acp.int/sites/acpsec.waw.be/files/Lome-Convention-I-en.pdf> (accessed 10.09.2020)
4. The Africa - EU strategic partnership. *A joint Africa-EU Strategy*. 2007. https://www.africa-eu-partnership.org/sites/default/files/documents/eas2007_joint_strategy_en.pdf (accessed 13.09.2020)
5. The African Peace and Security Architecture (APSA). 2002. <http://www.peaceau.org/en/topic/the-african-peace-and-security-architecture-apsa> (accessed 13.09.2020)
6. Joint communication to the European Parliament and the Council. Towards a comprehensive Strategy with Africa. Brussels. 2020. https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/communication-eu-africa-strategy-join-2020-4-final_en.pdf (accessed 13.09.2020)
7. European Union External Action Service Strategy for Security and Development in the Sahel. European Commission. 2011. http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel_strategy_en.pdf (accessed 13.09.2020)
8. Kulkova O.S. 2020. New humanitarian initiatives of the EU in Africa, deepening trade and investment cooperation with the countries of the continent. *European Union: facts and comments*. No 98. (In Russ.)
9. Council conclusions on the Gulf of Guinea Action Plan 2015-2020. Brussels, 2015. <https://www.consilium.europa.eu/media/21521/st07168en15.pdf> (accessed 13.09.2020)
10. The EU's partnership with the Sahel. European Commission. Brussels, 2018. P. 2-4. https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/the-eu-partnership-with-the-sahel_en.pdf (accessed 13.09.2020)

11. EU announces €194 million additional support to the Sahel. European Commission. 2020. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_768 (accessed 13.09.2020)
12. The European Union's partnership with the G5 Sahel countries. *European Union External Action*. 2018. https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/46674/european-unions-partnership-g5-sahel-countries_en (accessed 14.09.2020)
13. EU Strategy on the Gulf of Guinea. (2014). Council meeting Brussels, 17 March 2014. <https://www.consilium.europa.eu/media/28734/141582.pdf> (accessed 14.09.2020)
14. Maritime analysis and operations center (NARCOTICS). <https://maoc.eu/> (accessed 14.09.2020)
15. General Secretary's letter addressed to the President of the Security Council. 18 January 2012) 2012. (In Russ.)
16. IMB Piracy & Armed Robbery Map. 2018. <https://www.icc-ccs.org/piracy-reporting-centre/live-piracy-map> (accessed 15.09.2020)
17. Pigeon M., Moss K. Why Piracy Is a Growing Threat in West Africa's Gulf of Guinea. *World Politics Review*. 2020. <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28824/in-west-africa-s-gulf-of-guinea-piracy-is-a-growing-threat> (accessed 16.09.2020)
18. Gulf of Guinea: A Regional Solution to Piracy? International Crisis Group, 2014. <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/gulf-guinea-regional-solution-piracy> (accessed 14.09.2020)
19. Elkina E.A. 2019. Piracy. More or less? *Aziya i Afrika segodnya*. 2019 № 10. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750006524-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ивкина Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Natalia V. Ivkina, PhD (History), Senior lecturer, Department of theory and history of international relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
01.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
10.01.2020

Интересы горнодобывающих компаний ЮАР в странах Сообщества развития Юга Африки

© Образцова М.Г.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
pearl_88@mail.ru

Резюме. Несмотря на развитые торгово-экономические связи Южно-Африканской Республики с азиатскими и европейскими странами, отношения с соседними государствами, в частности, членами Сообщества развития Юга Африки, имеют первостепенное значение. Южная Африка испытывает недостаток или располагает небольшим количеством значимых природных ресурсов, которые она может восполнить в странах САДК. ЮАР и страны-члены САДК являются, с одной стороны, стратегическими партнерами. С другой, конкурентами на мировых сырьевых рынках, т.к. их экономики зависят, главным образом, от экспорта природных ресурсов. Южная Африка сохраняет ведущую роль в инвестировании средств в африканские страны, что также подтверждает приоритетность этого направления для правительства ЮАР.

В пользу укрепления сотрудничества со странами САДК следует также отметить, что южноафриканские компании обладают высокой конкурентоспособностью на рынках САДК по сравнению со своими европейскими или азиатскими конкурентами. Например, они обладают преимуществом знаний местной специфики и находятся в тесных связях в отличие от компаний с других континентов. Южноафриканцы имеют большой опыт в быстром обучении неквалифицированных кадров, поэтому они способны подготовить рабочую силу для конкретного проекта из местных жителей и граждан соседних государств. Эти компании имеют опытных менеджеров и инженеров, которые знакомы с условиями работы в Африке и готовы заниматься проектами в любой точке континента. Южноафриканские поставщики и инфраструктурные фирмы оказывают значительное влияние на цепочки создания добавленной стоимости, в целом, в странах Африки к югу от Сахары.

В статье показаны примеры сотрудничества горнорудных предприятий ЮАР с рядом компаний из САДК и даны оценки эффективности продвижения интересов южноафриканского правительства в сопредельные государства Африки.

Ключевые слова: ЮАР, САДК, горнодобывающая промышленность, Anglo American, De Beers

Для цитирования: Образцова М.Г. Интересы горнодобывающих компаний ЮАР в странах Сообщества развития Юга Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 30-35. DOI: 10.31857/S032150750014001-3

South Africa's mining companies in the Southern African Development Community (SADC)

© Margarita G. Obraztsova^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
pearl_88@mail.ru

Abstract. Despite South Africa's extensive trade and economic ties with Asian and European countries, relations with neighboring countries, in particular, with members of the Southern African Development Community (SADC) are of primary importance. South Africa and the SADC countries are on the one hand strategic partners and on the other competitors in global commodity markets, because their economies depend mainly on the export of natural resources. South Africa retains a leading role in investing in African countries, which also confirms the priority of this area for the South African government. Despite its rich and diverse mineral resource base, South Africa lacks or has a small amount of significant resources that it can replenish from SADC countries.

In favor of strengthening cooperation with SADC countries, it should also be noted that South African companies are highly competitive in SADC markets compared to their European or Asian rivals. For example, they have the advantage of local knowledge based on many years of experience and are in close links unlike companies from other continents. South Africans have a lot of experience in rapid training of unskilled personnel, so they are able to prepare a labor force for a specific project from local residents and citizens of neighboring states. These companies have experienced managers and engineers who are familiar with working conditions in Africa and are ready to deal with projects anywhere on the continent. South African mining suppliers and infrastructure firms have a significant impact on the mineral value chains in Sub-Saharan Africa as a whole.

Keywords: South Africa, SADC, mining industry, Anglo American, De Beers

For citation: Obraztsova M.G. South Africa's mining companies in the Southern African Development Community (SADC). *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 30-35. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014001-3

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 1994 г., после ликвидации системы апартеида и выхода ЮАР из международной изоляции, существенно расширились ее экспортные и инвестиционные потоки в Европу, Америку и Азию. Однако, прежде всего, власти Южной Африки добиваются укрепления торгово-экономических связей с соседними странами, связывая экономические успехи страны в значительной степени с развитием Африки в целом. В частности, президент ЮАР Сирил Рамафоса подчеркнул: «*Будущее Южной Африки лежит в Африке. Именно благодаря нашей торговле с остальной частью континента мы сможем развивать нашу промышленность. Африканский рынок - это то место, где наши компании будут все чаще находить торговые и инвестиционные возможности*» [1].

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮАР

Прежде всего, необходимо отметить, что в период с 2018 по 2019 гг. торговля Южной Африки как с остальной Африкой, так и с мировыми державами, в целом, имела тенденцию к сокращению. Этот же процесс продолжился и в 2020 г. на фоне глобальной пандемии COVID-19.

В 2019 г. объем внутриафриканского экспорта ЮАР составил \$24 млрд (27% всего экспорта). При этом 12% внутриафриканского экспорта ЮАР (3% мирового экспорта Южной Африки) приходится на африканские страны - не члены САДК (Сообщество развития Юга Африки)¹ [2]. Например, грузовые транспортные средства, уголь, изделия из железа экспортируются, главным образом, в Кению, Нигерию, Гану и Уганду. Экспортными продуктами ЮАР являются также горюче-смазочные изделия (за исключением сырой нефти).

Ключевыми рынками сбыта продукции Южной Африки являются Ботсвана, Мозамбик, Намибия, Замбия и Зимбабве (см. *граф.*).

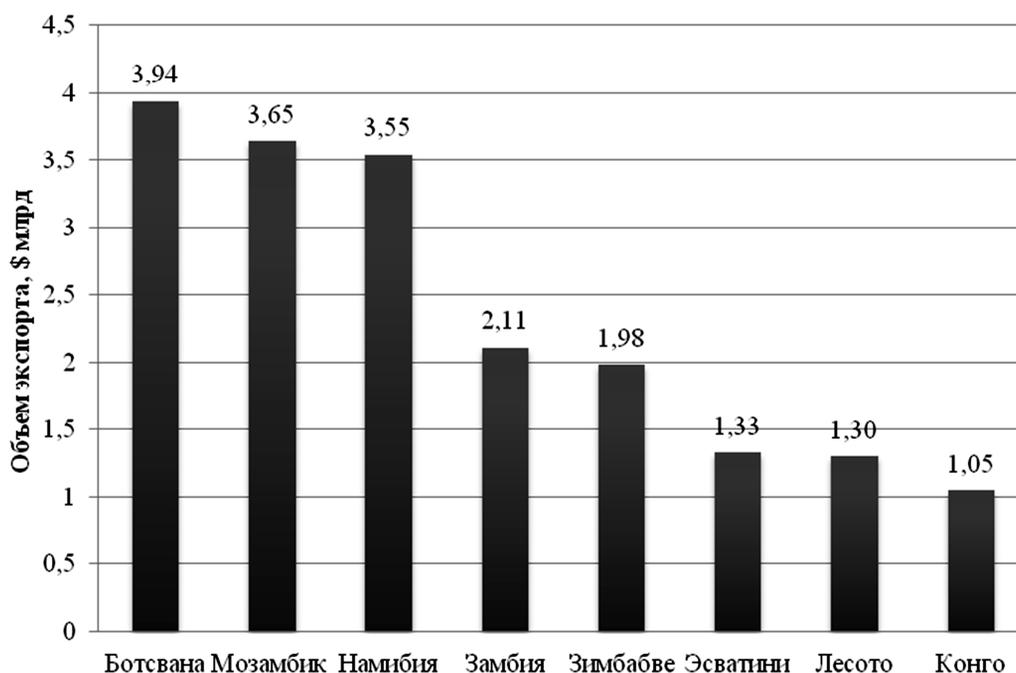

График. Экспорт ЮАР в страны Африки, 2019 г. (\$ млрд).

Составлено автором по: Trading Economics (<https://tradingeconomics.com/south-africa/exports-by-country>)

Figure. South Africa's exports to Africa, 2019 (\$ billion).

В 2019 г. объем внутриафриканского импорта составил \$10,2 млрд (12% мирового импорта Южной Африки). При этом 44% внутриафриканского импорта ЮАР (5% мирового импорта) также приходится на страны - не члены САДК [3].

¹ САДК - торгово-экономический союз, включающий 16 стран (ЮАР, Ботсвана, Лесото, Эсватини (бывш. Свазиленд), Намибия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик, Малави, Мадагаскар, Танзания, Замбия, Маврикий, Сейшельские острова, Демократическая Республика Конго, Коморы).

Важно отметить, что Южная Африка сохраняет за собой одну из ведущих ролей в инвестировании в страны Африки, что также подтверждает приоритетность данного направления для южноафриканского правительства (см. табл.).

Таблица. Основные инвесторы в страны Африки, 2019 г.
Table. Main investors in Africa, 2019

№	Страна	Капитал, \$ млн
1.	США	30 855
2.	Франция	34 172
3.	Великобритания	17 768
4.	Китай	72 235
5.	ЮАР	10 185
6.	ОАЭ	25 278
7.	Германия	6 887
8.	Швейцария	6 432
9.	Индия	5 403
10.	Испания	4 389

Источник: Figure of the week: Foreign direct investment in Africa (accessed 15.10.2020)

ЮАР И САДК: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ ИЛИ КОНКУРЕНТЫ?

С одной стороны, для ЮАР страны САДК в силу географической близости, общности исторических судеб, схожести культуры, религии, языков, а также проблем, с которыми сталкиваются эти государства, являются естественными стратегическими партнерами. С другой - ЮАР и государства-члены САДК могут быть конкурентами на мировых минерально-сырьевых рынках.

Надо, однако, иметь в виду, что, несмотря на богатую и разнообразную минерально-сырьевую базу, в ЮАР отсутствуют или имеются в незначительном количестве ряд значимых ресурсов, которые она может восполнить из стран САДК. Так, например, ЮАР не имеет запасов олова, в отличие от Демократической Республики Конго (ДРК), занимающей 8-е место в мире по его добыче [4]. За исключением тория, в Южной Африке нет редкоземельных металлов. Запасы бериллия сосредоточены в Мозамбике (3-е место в мире по его производству), ДРК, Зимбабве и на Мадагаскаре [5].

Помимо алмазов, ЮАР не богата запасами драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней. В Танзании и на Мадагаскаре имеются месторождения агата, аквамарина, аметиста, граната, изумруда, опала и многих других [6]. Южная Африка не располагает значимыми месторождениями нефти и газа. Ангола занимает 2-е место на континенте (после Нигерии) по запасам нефти, ДРК - 5-е [7]. Мозамбик занимает 3-е место после Нигерии и Алжира по доказанным запасам природного газа. Однако открытые новые месторождения могут превратить страну в крупного поставщика сжиженного природного газа (СПГ) [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что ЮАР и страны САДК являются в большей степени стратегическими партнерами, нежели конкурентами.

В пользу укрепления сотрудничества со странами САДК необходимо отметить и тот факт, что фирмы ЮАР обладают высокой конкурентоспособностью на рынках САДК по сравнению с европейскими или азиатскими соперниками. К преимуществам стоит отнести транспортную доступность и относительную дешевизну логистики, а также знание местной специфики на основе многолетнего опыта. Южноафриканцы способны подготовить рабочую силу для конкретного проекта из местных жителей и граждан соседних государств. Южноафриканские поставщики для горнодобывающей промышленности и инфраструктурные фирмы оказывают значительное влияние на цепочку создания добавленной стоимости полезных ископаемых в странах к югу от Сахары.

ЮЖНОАФРИКАНСКИЕ ГОРНОРУДНЫЕ КОМПАНИИ НА ЮГЕ АФРИКИ

Замбия - один из пяти ведущих торговых партнеров ЮАР в САДК. Здесь работает ряд южноафриканских компаний, прежде всего, в горнодобывающем секторе и связанных с ним отраслях. Так, например, *African Rainbow Minerals (ARM)* эксплуатирует медный рудник *Lubambe*, расположенный в Коппербелте, и владеет вместе с бразильской горнодобывающей компанией *Vale* по 40% акций в этом проекте. Оставшиеся 20% принадлежат *Zambia Consolidated Copper Mines (ZCCM)* [9].

Южноафриканская строительная компания *Murray & Roberts* также активно работает в Замбии, действуя из своего офиса в Китве, открытого в 2013 г., в качестве плацдарма для остальной части региона. Компания участвовала в ряде инфраструктурных проектов в стране, тесно сотрудничая с другими фирмами ЮАР [10].

Горнодобывающие компании Южной Африки весьма энергично действуют в **Зимбабве**.

С 1993 г. до 2006 гг. *De Beers* через свою 100%-ную дочернюю компанию *DebZim* занималась разведкой алмазов [13]. *Anglo American* приобрела мощности по добыче платины в районе Великой Дамбы (*Great Dyke*) и через свою дочернюю компанию *Anglo American Platinum* владеет рудником *Unki*, на базе которого в 2019 г. был открыт плавильный завод [11]. Южноафриканская холдинговая компания *Impala Platinum Holdings Limited (Implats)* управляет *Zimplats* - компанией по добыче и ведущим производителем платины в регионе, а также имеет совместное предприятие с южноафриканской *Sibanye-Stillwater* в *Mimosa Platinum mine* - старейшем платиновом руднике в Зимбабве [12].

ЮАР остается главным торговым партнером **Мозамбика**, ее доля в его импорте составляет 26% и оценивается в \$1,7 млрд, что делает Преторию крупнейшим торговым партнером Мапуту [14]. Министерство промышленности, торговли и конкуренции ЮАР поощряет инвестиции в сельскохозяйственный, инфраструктурный, сталелитейный и горнодобывающий секторы Мозамбика и поддерживает южноафриканские фирмы через программу содействия экспортному маркетингу и инвестициям (*Export Marketing and Investment Assistance scheme, EMIA*), нацеленную на увеличение экспорта промышленных товаров в эту страну.

В Мозамбике действуют более 300 южноафриканских фирм [15]. Например, предприятие *Mozal*, 24% акций которого принадлежит Корпорации промышленного развития Южной Африки (*Industrial Development Corporation of South Africa Limited*), - крупнейший работодатель в области промышленного производства в стране [16].

Продолжает активно работать южноафриканская компания *Sasol*, еще в 2000 г. подписавшая с правительством Мозамбика соглашение о разработке запасов природного газа, а затем в 2002 г. в качестве единственного инвестора в *ROMPCO* начинает строительство газопровода² [17].

После того как в конце 2018 г. были получены лицензии на разведку, *Sasol* (25,5%) совместно с итальянской компанией *Eni* (34%), *Qatar Petroleum* (25,5%) и мозамбиканской государственной компанией *Empresa Nacional de Hidrocarbonetos (ENH)* (15%) подготовку к геологоразведочным работам на совершенно неисследованной морской территории напротив района Ангоче в центральном Мозамбике [18].

Укрепляются и торгово-экономические связи ЮАР с **Танзанией**. Это, в частности, выражается в росте двусторонней торговли, объем которой в 2018 г. составил \$1,16 млрд по сравнению с \$1,07 млрд в 2017 г. Здесь работают 228 южноафриканских компаний, обеспечивая занятостью порядка 21 000 человек [19].

Южноафриканские фирмы занимают видное место в целом ряде отраслей, в т.ч. в горнорудной промышленности. *AngloGold Ashanti* владеет золотым рудником *Geita* и является важнейшим источником занятости и доходов для правительства Танзании (общая сумма выплат составила \$1,1 млрд). Также *AngloGold Ashanti* завершила строительство электростанции мощностью 40 МВт, обеспечивая, в частности, электроэнергию для горных работ [20]. ЮАР участвует в расширении порта в Дар-эс-Саламе и в проектах, связанных с открытием газа на шельфе [21].

Южная Африка и **Демократическая Республика Конго** имеют давнюю историю экономического сотрудничества. ЮАР исторически была главным поставщиком для горнодобывающей промышленности ДРК, и большая часть минерального богатства последней была вывезена из Африки через порт Дурбана [22].

ЮАР является вторым (после Китая) по значимости экспортером промышленных товаров и услуг в ДРК. В 2018 г. доля ЮАР в импорте ДРК составляла 20,2% (\$1,41 млрд) против 25,2% Китая (\$1,76 млрд) [23].

Горнодобывающая компания *AngloGold Ashanti* работает в ДРК с середины 1990-х гг., ей в рамках совместного предприятия на золотодобывающем руднике *Kibali* принадлежит 45%, еще 45% имеет *Barrick Gold* (после сделки с *Randgold Resources*) и оставшиеся 10% принадлежат государственной золотодобывающей компании *Soci t  Mini re de Kilo-Moto (SOKIMO)* [24]. *AngloGold Ashanti* имеет золотые рудники еще в четырех африканских странах - в Гане, Гвинеи, Мали и Танзании [25].

Group Five и *Minorex* - это лишь некоторые из южноафриканских промышленных фирм в ДРК, причем большая часть их работы связана с горнодобывающей промышленностью [26].

Отношения между двумя странами имеют значение в плане освоения гидроэнергетического потенциала ДРК. Проект строительства плотины *Grand Inga III* (на реке Конго), стоимостью, по оценкам ВБ, \$14 млрд, представляет значительные возможности для инфраструктурных компаний ЮАР. В 2014 г. Южная Африка подписала с ДРК соглашение о своем участии в мега-проекте (*Grand Inga Treaty* - Большой до-

² *ROMPCO (Republic of Mozambique Pipeline Company)* - трубопроводная компания Мозамбика - совместное предприятие с тремя акционерами: *South African Gas Development Limited (iGas)*, *Companhia Limitada de Gasoducto (CMG)* и *Sasol Gas Holdings (нпум. авт.)*.

говор), согласно которому ЮАР будет направлять прямые инвестиции в размере 5% (подр. см.: [27]). Однако в настоящее время этот проект весьма далек от реализации [28].

В **Анголе** *De Beers* работает с начала 1970-х гг. *De Beers* и *Diamang* создали совместное предприятие *Condiama*, в период с 1971 по 1975 гг. активно занимавшееся разведкой ангольской территории. Были открыты новые кимберлитовые и аллювиальные залежи, накоплен объем данных разведки на ранних стадиях. Затем компания Анголы была национализирована правительством МПЛА, после чего исключительные права на ангольские алмазы были переданы государству³.

В 1978-1984 гг. *De Beers* продолжила разведку в рамках горно-технического соглашения с новым правительством. Однако в 1985 г. она расторгла контракт после того, как повстанческое движение УНИТА начало угрожать алмазным рудникам и срывать работу.

De Beers добывала алмазы в период с 2005 по 2012 гг., в настоящий момент ведутся переговоры о возвращении *De Beers* в страну.

Еще одна южноафриканская алмазная компания - *Trans Hex*, основанная в 1965 г., продолжает деятельность в этой стране [29]. Компания эксплуатирует шахту *Somilwana* в 1 000 км к северо-востоку от Луанды. *Trans Hex* владеет 33% акций, в то время как государственная компания *Endiama* - 39% акций; остальные акции в совокупности принадлежат трем местным фирмам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим из приведенных примеров, правительство ЮАР и южноафриканские фирмы проявляют повышенный интерес к сотрудничеству с государствами Африки, в первую очередь - со странами САДК. Безусловно, компании из Южной Африки предпринимают попытки получить доступ к богатейшим источникам сырья этих стран, а также участвовать в осуществлении инфраструктурных проектов. К этому же стремятся китайские и западные инвесторы, поэтому компании из ЮАР сталкиваются с жесткой конкуренцией.

Вместе с тем, у южноафриканских фирм имеются существенные преимущества по сравнению с западными и азиатскими компаниями в плане лучшего знания специфики ведения бизнеса, понимания политической обстановки в сопредельных государствах, подготовки необходимых кадров, а также наличия собственных высококвалифицированных специалистов. Все это наряду с общностью истории и культуры, членством в одних и тех же сообществах и объединениях дает им больше шансов закрепиться в соседних государствах.

Одновременно нужно понимать, что конечными получателями прибылей являются транснациональные компании, поскольку именно они в силу исторических особенностей формирования южноафриканской горнорудной отрасли (подробнее см.: [30]) составляют ядро предприятий, выходящих на региональные и/или международные рынки. Несмотря на проводимые южноафриканским правительством реформы, кардинальных изменений, чтобы повлиять на эту ситуацию пока не происходит.

REFERENCES

1. Cyril Ramaphosa: South Africa's future lies in Africa. *Eyewitness News*. 07.10.2019. <https://ewn.co.za/2019/10/07/cyril-ramaphosa-south-africa-s-future-lies-in-africa> (accessed 21.09.2020)
2. South Africa: Intra-Africa trade and tariff profile. 2019. <https://www.tralac.org/resources/our-resources/13142-south-africa-intra-africa-trade-and-tariff-profile.html> (accessed 21.12.2020)
3. South Africa: Intra-Africa trade and tariff profile. 2019. <https://www.tralac.org/resources/our-resources/13142-south-africa-intra-africa-trade-and-tariff-profile.html> (accessed 21.12.2020)
4. Tin Statistics and Information. 2020. <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2020/mcs2020-tin.pdf> (accessed 15.11.2020)
5. Critical Mineral Resources of the United States - Economic and Environmental Geology and Prospects for Future Supply. 2017. Reston, Virginia. <https://pubs.usgs.gov/pp/1802/e/pp1802e.pdf> (accessed 10.11.2020)
6. Mineral occurrence in Tanzania. 2019. <https://www.tanzaniainvest.com/mining> (accessed 25.11.2020)
7. Katsouris C. Africa's oil and gas potential. *Energy Intelligence*. <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Africa/16111katsouris.pdf> (accessed 12.05.2020)
8. Mozambique. Analysis - Energy Sector Highlights. July, 2020. <https://www.cia.gov/international/analysis/country/MOZ> (accessed 28.01.2021)
9. ARM Copper. <https://www.arm.co.za/b/copper.php> (accessed 22.12.2020)
10. Murray & Roberts. Overview. <http://www.murrob.com/abt-overview.asp> (accessed 08.12.2020)
11. Anglo American Platinum opens its platinum group metal smelter at Unki mine in Zimbabwe. 16.05.2019. <https://www.angloamericanplatinum.com/media/press-releases/2019/16-05-2019.aspx> (accessed 18.12.2020)
12. Mimoso Platinum Mine. <https://www.nsenerybusiness.com/projects/mimosa-platinum-mine/> (accessed 12.12.2020)

³ Согласно Конституции Анголы, природные ресурсы являются собственностью государства, которое определяет, как и кем они будут использоваться (*прим. авт.*).

13. Nyaungwa M. De Beers speaks on Zim invitation to explore for diamonds again. *Rough&Polished*. 24.12.2018. <https://www.rough-polished.com/en/exclusive/112597.html> (accessed 28.09.2020)
14. Mozambique imports by country. (accessed 21.12.2020)
15. Bilateral relations between South Africa and Mozambique. <http://www.dirco.gov.za/maputo/bilateral.html> (accessed 03.12.2020)
16. South32. Mozal Aluminium. <https://www.south32.net/our-business/southern-africa/mozal-aluminium> (accessed 30.11.2020)
17. ROMPCO. Overview. <https://www.rompco.co.za/content/overview> (accessed 02.11.2020)
18. Fonseca L. Mozambique set to become gas-exporting giant. *African Business*. 11.03.2020. <https://africanbusinessmagazine.com/sectors/energy/mozambique-set-to-become-gas-exporting-giant/> (accessed 22.12.2020)
19. Tanzania urges South Africa to increase investments: presidency. *Xinhuanet*. 16.08.2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/16/c_138312139.htm (accessed 14.12.2020)
20. AngloGold Ashanti. Geita gold mine. <http://www.geitamine.com/en.html#about> (accessed 05.12.2020)
21. South Africa and Tanzania to work on Intra-Africa trade. 12.05.2017. <http://thediplomaticsociety.com/archive/archive/2156-south-africa-and-tanzania-to-work-on-intra-africa-trade> (accessed 15.12.2020)
22. Besharati N.A., Mthembu-Salter G. Eyes on the prize: South African business in the DRC. November, 2016. https://media.africaportal.org/documents/saia_spi_38_besharati_mthembu-salter_20161125.pdf (accessed 12.11.2020)
23. The Observatory of Economic Complexity (OEC)/ <https://oec.world/en/profile/country/cod> (accessed 29.10.2020)
24. Mechanism in place to repatriate \$252m from DRC - AngloGold. *Mining Weekly*. 11.05.2020. https://www.miningweekly.com/article/mechanism-in-place-to-repatriate-252m-from-drc-anglogold-2020-05-11/rep_id:3650 (accessed 03.11.2020)
25. AngloGold Ashanti. Continental Africa. <https://www.anglogoldashanti.com/continental-africa/> (accessed 09.11.2020)
26. Minopex celebrates a phenomenal 2018. *Mining Review Africa*. 11.12.2018. <https://www.miningreview.com/top-stories/minopex-2018/> (accessed 07.11.2020)
27. 3 reasons for South Africa to reject Grand Inga 3 project. *ESI Africa Africa's Power Journal*. 13.11.2018. <https://www.esi-africa.com/industry-sectors/business-and-markets/3-reasons-for-south-africa-to-reject-grand-inga-3-project/> (accessed 03.10.2020)
28. Why wind and solar would offer the DRC and South Africa better energy deals than Inga 3. 23.07.2020. <https://theconversation.com/why-wind-and-solar-would-offer-the-drc-and-south-africa-better-energy-deals-than-inga-3-142411> (accessed 28.01.2021)
29. Trans Hex Group. Operations. <https://www.transhex.co.za/operations/> (accessed 19.12.2020)
30. Obratsova M.G. Mining companies of South Africa: features of development. *Aziya i Afrika segodnya*. № 10. (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750000868-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Образцова Маргарита Геннадьевна, соискатель Института Африки РАН, Москва, Россия.

Margarita G. Obratsova, Applicant, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.11.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 03.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
25.12.2020

COVID-19 в Азии / COVID-19 in Asia

DOI: 10.31857/S032150750014002-4

Original article / Оригинальная статья

South Korea trade during COVID-19 pandemic: perspectives on value chains and US-CHINA trade war

© Irina A. Korgun^a, 2021

^a Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1496-4375. irinakorgun@yandex.ru

Abstract. This paper analyzes South Korea's foreign trade during the first half of 2020. The goal is to highlight an early effect of the COVID-19 pandemic on the geographical and structural patterns of Korea's export and import. This analysis is done in order to investigate whether there is a trend towards re-structuring of Korea's value chains away from China. The need to diversify production links and increase cooperation with other countries in Asia was widely discussed in Korea during the pandemic as the country experienced a shortage of supplies and factory closure as a consequence of China's lockdown. This research looks for early signs of transformation in terms of geography and composition of traded products and places those signs into the context of global and regional value chains and the US-China trade war. Given Korea's strategic alliance with the US and economic importance of both the US and China for its export-driven economy, Korean companies have to make choices about how their value chains will look like in the near future.

The paper finds evidences that point into the direction of growing linkages between Korea and South-East Asian economies in the first half of 2020. But contrary to expectations, overall trade ties with China remain quite strong. It is likely that in the following years Korean businesses will follow a two-track approach: those that aim to sell to Chinese domestic consumers will keep their production in China while those companies that export from China to the US and EU will continue to diversify their manufacturing base in order to keep access to advanced markets.

Keywords: South Korea, global value chains (GVCs), trade, investment, US-China trade war, COVID-19

For citation: Korgun I.A. South Korea trade during COVID-19 pandemic: perspectives on value chains and US-CHINA trade war. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 36-43. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750014002-4

Внешняя торговля Южной Кореи в период пандемии COVID-19: перспективы реструктуризации добавленной стоимости и американо-китайская торговая война

© Коргун И.А.^a, 2021

^a Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1496-4375; irinakorgun@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются данные о торговле Республики Корея в первом полугодии 2020 г. с целью выявления первых признаков реструктуризации цепочек добавленной стоимости (GVCs) компаниями страны на фоне пандемии COVID-19.

Статья обращает внимание, что компании, ориентированные на внутренний китайский рынок, скорее всего, останутся в Поднебесной, тогда как те, которые использовали Китай как площадку для экспорта в США и ЕС, будут продолжать диверсификацию производственной базы, чтобы сохранить доступ на рынки развитых стран.

Ключевые слова: Южная Корея, глобальные цепочки добавленной стоимости, торговля, инвестиции, торговая война между США и Китаем, пандемия COVID-19

Для цитирования: Коргун И.А. Внешняя торговля Южной Кореи в период пандемии COVID-19: перспективы реструктуризации добавленной стоимости и американо-китайская торговая война. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 36-43. DOI: 10.31857/S032150750014002-4

INTRODUCTION

International trade was one of the most affected spheres of economic activity during first COVID-19. By estimates of the World Trade Organization due to various restrictions volumes of international shipments declined as much as 50% globally and created risks for countries with a high reliance on foreign trade for economic growth [1].

South Korea is one of such countries: foreign trade makes up over 70% of the country's GDP with the share of export approaching 40%. So global trade disruptions caused by COVID-19 affected it in the form of supply and demand shocks. In addition, like many other companies across the world, Korean business started to consider a possibility of re-structuring their value chains. Built for cost efficiency and optimized for global distribution, global value chains (GVCs) were prepared neither for China's lockdown nor for a severe trade contraction. In the wake of the pandemic, a discussion about lowering dependence on China that is central to the current configuration of global production and enhancing resilience emerged.

By analyzing trade and investment data for the first half of 2020, this research aims to capture changing patterns of Korea's trade that would point in the direction of structural changes in its value chains. More specifically, the paper looks for early signs of transformation in terms of geography and composition of traded products in both export and import and places them into the context of global and regional value chains and the US-China trade war. Given Korea's strategic alliance with the US and economic importance of both the US and China for its export-driven economy, Korean companies have to make choices about how their value chains will look like in the near future.

For analysis, the paper relies on export and import data published by the Korea International Trade Association (KITA) and Korea's Industrial Statistics Analytics System (ISTANS) that published statistics on trade in parts and components that account for a large share of Korea's trade within value-chains. The trade data are further matched by the statistics on outward foreign direct investment (OFDI) by a Korean private sector published by the Korean Export-Import Bank. As of September 2020, trade data for the first half of the year and OFDI for the first quarter were released which allows to construct an outline of ongoing changes.

COVID-19 AND ITS IMPACT ON GLOBAL VALUE CHAINS (GVCs)

COVID-19 pandemic has three essential features that differentiate it from other crises that world have previously experienced. Firstly, it is a truly global phenomenon spreading practically to every country. According to the estimates by the pandemic center at the Johns Hopkins University in the US [2] more than 5 bln people were affected by lockdowns and various restrictions during the initial stages of the pandemic with more than one million people have died as of September 2020.

Secondly, the pandemic had a multi-dimensional and long-lasting effect in most national economies, including Korea: they were hit by demand and supply shocks simultaneously [3; 4]. Many aspects of life have undergone changes: starting from the way people interact with each other, to the way they shop, to how governments make policies in order to fight pandemic and revitalize economies.

Third, the pandemic turned out to be highly contagious not just in terms of health but also in the sense of global economy. COVID-19 has exposed vulnerabilities of the global supply chains to disruptions, particularly excessive reliance on China. High inter-connectivity between countries through GVCs, as much efficient and beneficial as it proved to be for cost optimization for global businesses, appeared to have a low resilience in the face of a severe global disruption. As OECD economist S.Miroudot [5] has pointed out, the COVID-19 crisis initiated a debate about the future of global value chains (GVCs), 'examining whether excessive globalisation of production has not created new economic vulnerabilities.'

Changes brought about by the pandemic were further aggravated by the US-China trade war. Javorcik [6] argues that US-China disagreements and COVID-related disruption of production will make global community to reconsider the shape of global value chains, particularly from a point of "an excessive reliance on China for supplies." The US Trade Representative Robert Lighthizer wrote that "businesses have been rethinking the way that overextended, overseas supply lines expose them to unacceptable risk" [7]. There is no doubt that countries will have to minimize risks associated with reliance on 'a particular producer or a particular geographic location' [6]. As a result, more changes in GVCs will come in the next five years [8]. World is moving to a new model entirely shaped by competing forces ranging from US-China trade tensions to COVID-19 and others.

Changes caused by the COVID-19 pandemic will result in a very different supply chain landscape that is impacted as much by specific sector issues, geopolitics, sustainability concerns and the desire to bring essential production onshore as it is by labor costs and tax incentives. Expected shifts will be both significant and, in many cases, long-term. The decade to 2030 is likely to be a decade of profound transformation for international production [9].

KOREA'S PLACE IN GVCs

Countries participate in GVCs in different ways, some are more engaged in simple manufacturing production chains, whereas others export commodities or raw materials for further processing or produce innovative services that are being increasingly traded and embodied in manufactured good [10]. Korea is the country that

belongs to the later group. Over last 20 years, Korea has evolved as an important player in complex global value chains, producing innovative goods and services used by other regional economies to make final goods. Its contribution to the expansion of GVCs worldwide was predominantly through a combination of two factors: an increase in its share of world trade and GVC intensification [10, p. 26]. Today, Korea's role is defined by its place as a regional hub that sources out various intermediate products to China and other countries for the final production or assembly.

The following data illustrate Korea's essential part in the international production network. Its GVC participation index is higher than average for both developed and developing countries: 51.7% versus 41.4% both for developed and developing countries [11]. The WTO estimates that Korea's share of the foreign value added in exports of computer and electronic products and chemical stands at over 35%, in automobile sector it is more than 27% [11]. Services, that make up an essential part of value chains, add more than 30% of Korea's export value added, of which 22% are domestic services and 12% are foreign services. These numbers characterize Korea as one of the most active participants of Global Value Chains. From this point of view, China's significance for Korea is very high because China is the largest foreign services provider to Korea in terms of exports of manufacturers.

To elaborate on the issue further, a few examples about Korea's role in the ICT sector networks and links to China will be relevant. Korea is a major supplier of inputs to China in traditional ICT networks. And China serves as a key link in Korea's access to American and European markets. In addition to China, Korea has built extended links with other countries like Slovakia or Vietnam that play a role of complementary access point to European and the US consumers. The integration of China, Eastern European countries, in recent years Vietnam and South-East Asian countries into the global economy created huge new product and labor markets. This allowed Korean firms to expand their output and access cheap labor facilitating their relocation of production facilities across the world [11].

Close production links with China through global value chains and risks they represent for Korea's manufacturing and their ability to fulfill their obligations as responsible actors of value chains has spurred discussion inside a country on strategies to mitigate those risks. Naturally, diversification of production links away from China has come into focus. In the following sections, the paper will look whether there are signs of divergence from China.

KOREAN FOREIGN TRADE DURING THE FIRST PHASE OF COVID-19

Korea publishes very detailed data on trade and statistics for the first half of 2020 has been released that provides a snapshot of the effect of the coronavirus pandemic. First, let's consider an overall effect on trade balance by looking at export and import flows. COVID-19 pandemic had a similar effect on both exports and imports. For 7 months of 2020 Korean export contracted 10.6% and import fell by 9.5% (see *Table 1*). If they decline by a similar percentage it means that export goes down more in the US dollar terms because it makes up a bigger share of Korea's economy. As *Table 1* shows, the decline was strongest in April and May with rates for exports falling to minus 25.6% and minus 23.8% and for imports to minus 15.8% and minus 21% respectively.

If export declines more this directs to the fact that recession in some of Korea's trading partners was more serious than in Korea itself. Indeed, if GDP rates for the first half of the year are compared, Korean economy did better during first two quarters of 2020 than other OECD countries and the overall contraction for 2020 is expected to be smaller than in other countries. For example, in Korea it will be somewhere between 2-3% while in Japan 6-7%, in Germany 6-7% and France around 12% [13]. Because recessions were worse in other countries, so the compression of export was greater than decline in imports.

Table 1. Korean export and import in January-July 2020, value (\$US) and growth rate (%)

	Export Value	Growth rate, %	Import Value	Growth rate, %
January	43110611,00	-6.6	42737862,00	-5.3
February	40920095,00	3.6	37019905,00	1,00
March	46216741,00	-1.7	41845893,00	-0.3
April	36303992,00	-25.6	37912177,00	-15.8
May	34845742,00	-23.8	34459992,00	-21,00
June	39233902,00	-10.8	35613225,00	-11.2
July	42827385,00	-7.1	38693491,00	-11.6
Total	283 458 469	-10.6	268 282 544	-9.5

Source: created by author from: [12].

Positive trade balance has been a salient feature of the Korean economy for the past several decades and maintaining it is one of the main objectives of the Korean government's trade policy. As of July 2020, since the beginning of the year trade surplus declined by 27% compared to the same period in 2019 but overall remained positive and quite large. It went down from \$20.9 bln for 7 months of 2019 to \$15.2 bln for 7 months of 2020. There was a moment in April when trade balance turned negative (the trade balance for April was minus \$1.6 bln) as export were declining faster than imports but it quickly rebounded back already in May as the pace imports contraction accelerated (see *Table 1*).

Sharp import contraction by 21% in May indicates that economic slowdown started in Korea economy as well. With industrial production decreasing due to partial quarantines and temporary factory closures dropped the demand for inputs. Another important factor has been lower prices for oil. Korea is a net importer of energy and oil and natural gas make up a considerable part of its spending.

Overall, Korea's import of oil and natural gas in US dollars were down 35.5% and 12.6% respectively in 2020. However, contrary to the expectation that lower energy prices are good for Korea, it poses certain risks for industries that use oil in their production cycles. Oil refinery is a strong industry in Korea, which is one of the major producers of various plastics and other materials that go into production of consumer and industrial goods. Lower prices for oil would mean that Korean producers will have to lower prices for their products and export numbers will be affected. In fact, decline in exports of various petroleum products experienced a more pronounced decline contracting by 37.7% in USD terms over 7 months of 2020 [12].

Looking at the nuanced data for Korea's export during the first seven months of 2020, one can say that a 10.6%-decline in exports is spread unevenly across product categories. For example, among 7 major export categories, the biggest decline was observed in oil-based products, car industry was the second hardest hit industry. Export of automobiles and parts and components for them declined 23.9% and 28.3% respectively. Export of steel was down 19.5% and export of ships by 7.9%. Semiconductor industry has had a smaller negative impact, its export fell just 0.3%. These results are somewhat predictable. People were driving less during the pandemic and holding off big purchases like automobiles, so export has contracted. On the other hand, modest decrease in semiconductor industry reflects that Asia, the primary destination for these exports, was recovering quicker from the contraction than the rest of the world.

Korea is essentially a diversified industrial exporter and many sectors were hit due to a sharp demand contraction in overseas markets, but some industries have found a momentum for growth. According to the data from Industrial Statistics Analytical System that publishes very detailed information on the performance of Korean industry, pharmaceutical sector enjoyed a remarkable growth.

Table 2. Growth of Korea's exports of some product categories in 2020, %

	Jan.20	Feb.20	Mar.20	Apr.20	May.20	Jun.20	Jul.20	Q1*	Q2*
Farmaceuticals	62.84	29.31	41.76	14.35	84.15	50.75	65.62	43.36	46.20
Home appliances	74.51	119.76	121.3	97.71	83.57	89.75	73.41	104.8	89.94
Fine chemicals	-8.09	12	22.05	17.09	9.24	25.20	19.31	8.95	16.89
Manufacturing total	-6.61	3.64	-1.77	-25.62	-23.75	-10.82	-7	-1.85	-20.30

* Q1 and Q2 stands for quarter 1 of 2020 and quarter 2 of 2020. *Source:* created by author from: [14].

As shown in *Table 2*, in the first and second quarters of 2020 its export grew by 43.36% and 46.20% respectively compared to last year 11.89% and 7.42% respectively.

Exports of fine chemicals grew by 8.95% in the first quarter of 2020 and 16.89% in the second quarter. This is somewhat natural given that they are used as starting materials for pharmaceuticals and biopharmaceuticals. Home appliances was another big export item during first two quarters of 2020, recording 104.79% and 89.94% growth. Under quarantine people stayed home and needed more machines to occupy themselves. So, the major point there is a tremendous variation across different product categories in response to COVID-19.

Let's see the other side of the balance sheet and look at how industrial imports have been affected. Compression of Korean imports have been only slightly smaller compared to exports. It happened during the second quarter of 2020. But the compression tends to be concentrated in some specific areas.

As was mentioned earlier, imports of crude oils have contracted: people are driving a lot less, they use their cars less. Another indirect confirmation of a decreased traffic volume serves the number of car accidents. According to the data for the first six month of 2020, there were 10% less people who died as a result of the car accidents [15]. So, Korea was using less oil plus the price went down quite a lot. Because Korea's spending on oil

fell it helped to keep the overall trade balance positive. Also, it was natural to observe steel imports to decrease because sectors like auto-manufacturing and ship building needed less inputs.

Other categories that saw a contraction of imports were LCD displays (-21% in Q1 and -23% in Q2), aircrafts (-22% in Q1 and -34.5% in Q2), steel (-21% in Q1 and -28% in Q2), various industrial machinery (-6.7% in Q1 and -10.653% in Q2) [13]. This is a good indication of the whole market. People were holding on purchase of things like displays probably reluctant to go to retailers and worried about their incomes. Also, demand for clothes and shoes drove import down. Because at home consumers did not need clothes as much as they would under normal circumstances, it influenced the overall import statistics.

But on the other side, Korean imports of communication equipment like cell phones, pharmaceutical remained steady. Import of computers picked up in the second quarter reflecting Asia's recovery. Import of cars held steady at 5.99% in the second quarter although a bit lower than same period last year when it was 15.34%. This is an indication that domestic market was not affected as much by the pandemic. So, this kind of crisis created some opportunities for particular industries but serious problems for some others.

Effect of COVID-19 on trade with partners has been uneven. Korea exports a lot to China and countries like Vietnam and Malaysia where its companies have production facilities. China, the US, Vietnam, are Korea's three biggest trade partners. Export to them fell by 5.1%, 4.3%, 7.2% respectively which is quite modest compared to other countries. For example, export to India and Singapore went down by 34.5% and 20.2%, export to Australia fell by 31.1% [12].

Among 20 major trade partners, only Malaysia, Germany and Turkey remained positive with growth rate of 8.6%, 1.8% and 2% respectively. In case of Germany, increase was mainly due to strong demand for medical goods. Korean exports of products under category 30 according to HS 2-digit classification grew 268% for 7 months of 2020 [12]. Items with positive rate exported to Malaysia during first 7 months of 2020 were ships, electrical machinery and rubber, other industrial inputs like steel, plastics etc. were down up to 40% and more in some cases.

On the import side, contraction in China and the US was quite modest, import from Vietnam grew slightly by 0.3%. Import from Singapore and Germany were also positive recording 27% and 4.9% increase respectively. Again, in case of Germany, imports of premium cars remained positive at 17.6%, as well as various machinery and chemical products. Overall, import data are better than export data, this reflects that Korean economy avoided a deep recession.

US-CHINA TRADE WAR AND RESTRUCTURING OF VALUE CHAINS

One of the themes that defined discussion about trade during the pandemic has been restructuring of value chains. Resilience and bringing value chains closer to home in order to avoid disruptions has been one of the major themes. Additional pressures for Korea are presented by the US-China trade war: China is the biggest trading partner but with the US Korea shares both economic interests and strategic goals.

As discussed above, there are different types of value chains in which Korea participates. One type is represented by manufacturing capacity that moved to China to take advantage of lower labor costs in order to export from China. The other type of value chains was built by companies that moved to China in order to sell to local market. These companies assemble in China and sell into Chinese market. As Chinese market is starting to grow again after the pandemic it is unlikely that companies oriented to Chinese market will be moving out of China. For them, US sanctions do not present high risks because their products are not aimed for the US market. Companies that do their final assembly in China and then export to the US represent a different story.

Close production links between Korea and China can be demonstrated the following data. In 2019 Korea exported to China 77.4% of various inputs and imported 61.6%, among exported inputs more than 40% was accounted by parts and components. This a high rate of dependence. Electronic industry is particularly exhibited to China. According to KITA [12], in 2019 48.8% of exports of semiconductors was accounted by China.

Looking at statistics for trade in electronic components during first seven month of 2020 and putting it into the context of trade patten observed in recent years is one way to understand re-shaping of value chains. Given their central role in industrial links between the two countries changes in trade pattern will be reflective of restructuring in those value chains that are oriented to exporting outside china. Since 2001 and till 2019, export of electronic components from Korea to China were growing quite rapidly with exception of 2001, 2011 and 2016 (see *Figure 1*). But since 2019 and till July 2020 we see a continuous declining trend in the volume of Korean export to China (see *Figure 2*). Korea was shipping less inputs to China for final assembly. In 2019 export of electronic components fell to the level of 2013 and will be even lower at the end of 2020.

A similar picture is found in import: since June 2019 inflow of electronic components from china to Korea started to slowdown. In the last quarter of 2019 imports contracted almost 23% [13]. So, in the pandemic we can observe changes in Korea's trade with China trade that started before.

It is curious to see that at the same time trade in electronic components between Korea and Malaysia showed a sustained growth in recent years. Of course, the total volume is still below trade volume with China, but the overall trend is positive and remained positive during COVID-19 pandemic. In addition, Korean companies see opportunities from Vietnam-EU FTA for deeper cooperation with Vietnam. In recent year trade in electronic component with Vietnam was growing (see *Figure 2*). There was a sharp contraction in April but in June growth rated returned to positive numbers.

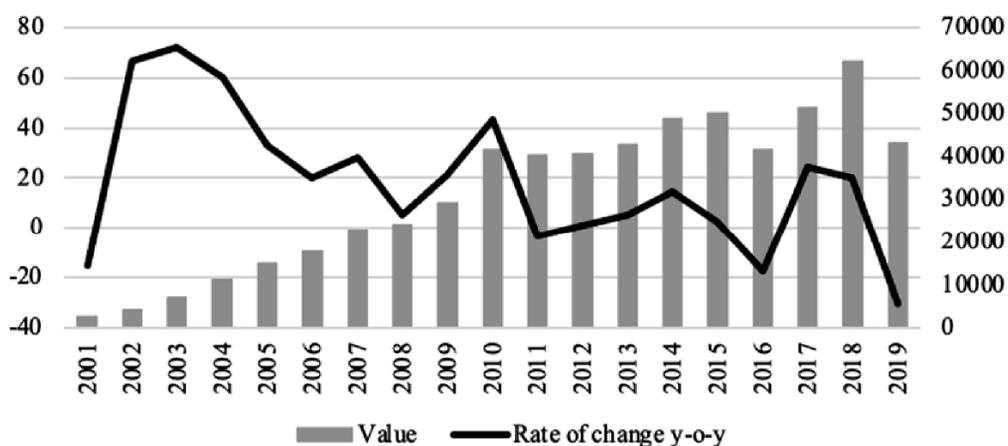

Figure 1. Export of electronic components to China, value (\$US) and growth rates (%), 2001-2019.

Source: author calculation based on: [14].

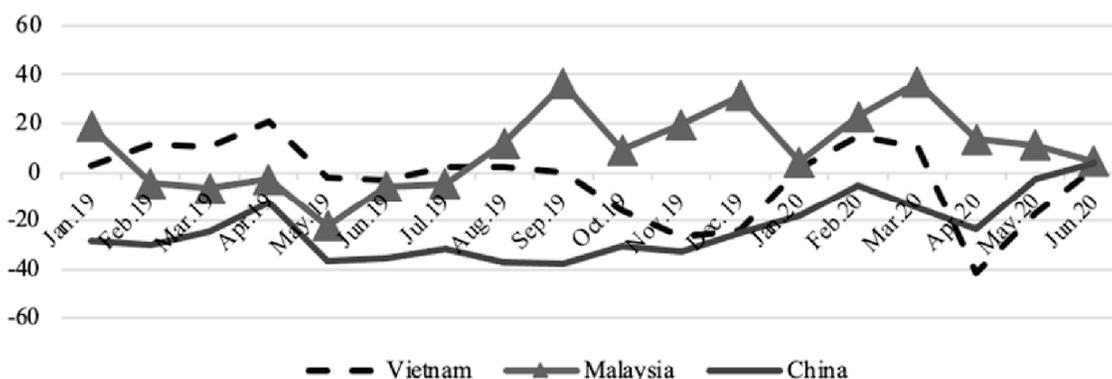

Figure 2. Rate of growth of export of electronic components from Korea to China, Vietnam and Malaysia in Jan 2019 - June 2020, %. Source: author calculation based on: [14].

Another way to look at the value chains is through data on investment. China was an important destination for Korea's OFDI as manufacturing sector was actively expanding its production capacity along with distribution network in different geographical locations. In 2019, Korea's overall OFDI increased 14% reaching a record number for the country [16]. Korean business invested into Asia \$19.98 bln, or 73.1% of the total OFDI in that year, reflecting a sustained interest in the region and opportunities it can provide (see *Table 3*).

The highest increase 86% was to Singapore. It comes on the backdrop of investment to Hong Kong following mass protests and uncertainty about the future of the autonomous region complicated by its exclusion from the special treatment by the US Administration. As Hong Kong status of a key access point to the western market diminished, Korean companies invested into Singapore that provides well-developed infrastructure in terms of transportation and financial logistics.

Investment to Japan has dropped 8.4%. But as a matter of fact, Korean investment to Japan has always been much lower than the amount Korean companies sent to China, Vietnam or Singapore since 2015 [16]. Interestingly, despite sluggish export, OFDI to China were up 20.7% and reached a record volume of \$5.7 bln or double their value in 2015. Manufacturing sector was the driving force of Korean OFDI to China. In 2019 Korean companies invested into China's production sphere 22.8% more than the 2018. In Asia, Vietnam has been another important recipient of Korean capital. Worldwide, Korean companies were investing more to the US, investment grew 176%.

Results for the first quarter of 2020 capture a massive decrease of OFDI to all major recipients with the only exception of India and Indonesia. Investment to Singapore 20%, China 56%, Vietnam 16%, Hong Kong were down

20%, 56%, 16% and 74% respectively (see *Table 3*). With the exception of Hong Kong, much of the decrease was accounted for by low economic and production activity during lockdowns. Manufacturing OFDI to Indonesia were up almost \$150 (see *Table 3*). So, COVID-19 pandemic has seemingly reinforced a diversification trend by diverting attention to new destinations like India and Indonesia.

Table 3. Korean OFDI to Asian countries, 2020, \$ mln

Country	2017	2018	2019	2019 Q1	2020 Q1	Change Q1 2019/Q1 2020
1. Korean OFDI to Asian countries, 2020, \$ mln						
China	3,213	4,801	5,794	1,693	743	-56.1%
Vietnam	1,985	3,323	4,473	944	793	-16.0%
Singapore	1,063	1,627	3,026	1,076	856	-20.4%
Hong Kong	3,360	3,619	2,755	752	195	-74.1%
India	516	1,072	447	73	251	244.6%
Indonesia	677	603	963	224	230	2.7%
Asia Total	13,359	17,525	19,978	5,275	3,561	-32.5%
2. Manufacturing OFDI 2020, \$ mln						
China	2,406	4,404	5,406	1,648	637	-61.4%
Vietnam	1,408	2,057	2,550	626	545	-13.0%
USA	1,079	1,495	4,134	1,474	348	-76.4%
Indonesia	200	200	466	72	181	149.6%
Total	8,850	16,121	18,335	5,819	2,596	-55.4%

Source: author calculation based on: [16].

So, from the emerging investment pattern several things come to light. Korean companies are not withdrawing their investment from China massively just yet. Recently, there was an uptick in how much volume companies invested to China's manufacturing market. This could mean that China remains lucrative as far as it remains one of the few places in the world with positive economic growth. But at the same time, there are signs that Korean companies take notice of various restrictions on sourcing components from China and start to diversify their manufacturing base first of all by increasing outreach to Vietnam, Malaysia. There is a clear move out of Hong Kong.

If a short answer was to be given whether there is a massive re-structuring of the value chains in terms of lessening dependence on China, it would be negative. First of all, it is not easy to stop all production in China and move it out of the country simply because of China's huge place and expertise as a manufacturer of hyper-specialized products that make up a specific feature of value chains. China is the only country that can produce in all 666 sub-categories (based on the United Nations classification) in the manufacturing sector.

Secondly, it would take several years to completely substitute Chinese companies. But this is not desirable, and business-wise may not be logical given the potential of China's internal market. Also, this would contradict to the diversification logic. As Miroudot [5] points out "firms that have diversified suppliers and a production network across different countries can adjust their production when a disaster occurs in one place". To put it differently, supply chains are the way they are today for very good reasons. Sourcing internationally, including China, creates flexibilities and resilience.

But there are small shifts in some Korean value chains out of China to lower wage countries mostly in south East Asia - Vietnam and Malaysia and Indonesia. A real-life example of this move is Samsung. At the beginning of august Samsung announced closure of its largest foreign laptop plant in China. This is a signal that those Korean companies that have their consumer base in the US and Europe, like Samsung does, will have to adapt to new realities.

It is highly likely that Korean companies will consider a "China+1", or in other words a two-track strategy. In essence the two-track strategy implies that there will be a division whether the value-added produced in Korea will be consumed in China or in third countries. In the first case, production facilities will be kept in China, in the second case, there will be a continuing trend towards diversification. The amount of production that can be affected by the need to diversify can be somewhere between 20-30%. This is a share of products that was exported by Korean companies from China after final assembly to the rest of the world. Another important aspect that needs to be mentioned is the future of R&D centers that Korean companies established in China. Recent measures introduced by the US Administration make them consider moving some research activity to countries like India.

CONCLUSIONS

To sum up, COVID-19 pandemic has caused serious disruption in trade for Korea whose economic dynamism is highly reliant on foreign markets. But there were some opportunities for growth that the country could use. Amidst signs of recovery there is a visible trend towards diversification of certain value chains. Korean tech companies are re-locating some parts of their production facilities from China to South East Asia. This is done as a precautionary measure in order to keep access to the US and EU markets in the wake of growing tensions between the US and China and partial economic decoupling. The re-location trend will likely to continue with countries like Vietnam, Malaysia and India becoming important manufacturing places for Korean corporations. But this will not lead to Korean companies leaving China completely, they will likely to continue cooperation with China in sectors that are oriented towards China's domestic market.

There are many unknown factors that can additionally impact future of GVCs. Slow progress of trade liberalization, rising protectionism and economic and geopolitical confrontations cannot be predicted now. Depending on how these factors will play out, Korea's role in global GVCs can transform at even greater degree in the coming years.

REFERENCES

1. WTO (April 8, 2020). Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy. https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (accessed 15.08.2020)
2. Johns Hopkins University (2020). Coronavirus research center. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed 10.09.2020)
3. Rowe N. (2020). Relative supply shocks, Unobtainium, Walras' Law, and the Coronavirus. *Worthwhile Canadian Initiative blog*, 30 March. https://worthwhile.typepad.com/worthwhile_canadian_initi/2020/03/relative-supply-shocks-unobtainium-walras-law-and-the-coronavirus.html (accessed 04.06.2020)
4. Brinca P., Duarte J.B., Miguel Faria e Castro M. (2020). Is the COVID-19 Pandemic a Supply or a Demand Shock? St. Louis Fed. No. 31, May 20. <https://research.stlouisfed.org/publications/economic-synopses/2020/05/20/is-the-covid-19-pandemic-a-supply-or-a-demand-shock> (accessed 27.08.2020)
5. Miroudot S. (2020). Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. VoxEU, CEPR. <https://voxeu.org/article/resilience-versus-robustness-global-value-chains> (accessed 15.08.2020)
6. Javorcik, B (2020). Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world. *COVID-19 and Trade Policy, Why Turning Inward Won't Work*. Editors. Baldwin R., Evenett S. VoxEU.org eBook, CEPR Press, 2020.
7. Baldwin R., Freeman R. (22 May 2020). Trade conflict in the age of Covid-19. *VoxEU.org*. <https://voxeu.org/article/trade-conflict-age-covid-19> (accessed 29.08.2020)
8. Baker McKenzie (2020). Major Global Supply Chains Reorg Underway, Accelerated Further by COVID-19. August 18. <https://www.bakermckenzie.com/en/newsroom/2020/08/reimagining-supply-chains> (accessed 09.09.2020)
9. Zhan J., Bolwijn R., Casella B., Santos-Paulino A.U. (13 August 2020) Global value chain transformation to 2030: Overall direction and policy implications. *VoxEU.org*. <https://voxeu.org/article/global-value-chain-transformation-decade-ahead> (accessed 29.08.2020)
10. World Bank (2019). Technological innovation, supply chain trade, and workers in a globalized world. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/384161555079173489/pdf/Global-Value-Chain-Development-Report-2019-Technological-Innovation-Supply-Chain-Trade-and-Workers-in-a-Globalized-World.pdf> (accessed 15.08.2020)
11. WTO (2020). Republic of Korea. Trade in Value Added and Global Value Chains. https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/KR_e.pdf (accessed 24.08.2020)
12. Korea International Trade Association (KITA, 2020). <https://www.kita.net> (accessed 02.09.2020)
13. OECD (2020). 2020 Projected change in GDP. <http://www.oecd.org/economic-outlook/june-2020/> (accessed 30.09.2020)
14. Industrial Statistics Analytics System (ISTANS, 2020). <https://istans.or.kr/su/newSuTab.do?scode=S105> (accessed 02.09.2020)
15. Ministry of Land, Infrastructure and Transport (2020) Statistics on Road Accidents (in Kor.) http://www.molit.go.kr/USR/NEWS/m_71/dtl.jsp?lcmspage=1&id=95084301 (accessed 02.10.2020)
16. Korea Export-Import Bank (2020). <https://stats.koreaexim.go.kr> (accessed 02.09.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коргун Ирина Александровна, кандидат экономических наук, ст.н.с., и.о. зав. Центра российской стратегии в Азии, Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Irina A. Korgun, PhD (World Economy), Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
04.11.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.11.2020

Принята к публикации (Accepted)
05.12.2020

Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19

© Ушаков Д.В.^а, 2021

^а Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3666-1778. ushakovdmittii@mail.ru

Резюме. В статье анализируются меры, принятые монгольскими властями для предотвращения COVID-19. Анализ основан на материалах монгольских и российских СМИ. Рассматриваются меры государственной санитарно-социальной поддержки, политические предпочтения, экономические последствия карантина, а также распространенные в обществе заблуждения об истинных причинах низкой заболеваемости. В ходе исследования был использован принцип единства логического и исторического, то есть события, происходящие в Монголии, описаны в каждом разделе в хронологическом порядке.

Монголии относительно долго удавалось предотвратить распространение пандемии COVID-19 за счёт своевременного ограничения въезда в страну, установления строгого контроля за въезжающими, и выявления тех, кто с ними контактировал. Введение строгих мер наблюдения и самоизоляции позволило предотвратить летальные исходы и распространение инфекции внутри страны. Позитивными оказались следующие меры: соблюдение населением ограничительного режима, сокращение массовых мероприятий, внедрение и развитие дистанционных форм обучения. Строгое соблюдение санитарно-карантинных правил осуществлялось в соответствии с рекомендациями ВОЗ. Ситуация жесткой самоизоляции, негативно сказалась на экономическом положении страны, пострадали: туристическая отрасль, внешняя торговля, образование и культура. Успех мер по борьбе с пандемией зависел от внешнеполитической и внутривнутриполитической стабильности. Закупка, поставка вакцин и сама процедура вакцинации населения решались в сложных социально-экономических и политических условиях.

Положительным примером для других стран является традиционная монгольская философия равновесия, позволившая задержать распространение болезни в Монголии, изучить мировой опыт и определить дальнейшие шаги в борьбе с распространением COVID-19 исходя из внутренних условий (общего количества населения, состояния системы здравоохранения, и внешней, внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации).

Ключевые слова: Монголия, COVID-19, мифы, условия, миграция, образование, экономика, политика, вакцины

Для цитирования: Ушаков Д.В. Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 44-50. DOI: 10.31857/S032150750013959-6

Mongolia. Social measures to counter the spread of COVID-19

© Dmitriy V. Ushakov^а, 2021

^а Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3666-1778. ushakovdmittii@mail.ru

Abstract. The article analyzes the measures taken by the Mongolian authorities to prevent the COVID-19. The analysis is based on materials from Mongolian and Russian media. The article discusses the measures of state sanitary and social support, political preferences, economic consequences of the quarantine, and common misconceptions in society about the true causes of low morbidity.

The principle of the unity of the logical and the historical was used in this article, i.e. the events taking place in Mongolia are described in each section in chronological order. Mongolia managed to prevent the spread of the disease by timely restricting entry into the country, establishing strict control over visitors and timely identification of those in contact with them. The introduction of strict measures of observation and self-isolation made it possible to prevent deaths and internal infections.

The following measures turned out to be positive: observance of the restrictive regime by the population, reduction of mass events, introduction and development of distance learning forms. Strict adherence to the sanitary and quarantine rules were carried out in accordance with WHO recommendations. The situation of tough self-isolation, negatively affected the economic situation of the country, suffered: the tourism industry, foreign trade, education and culture. The success of measures against the pandemic depended on foreign policy and domestic political stability. Procurement, delivery of vaccines and the very procedure of vaccination of the population were resolved in difficult socio-economic conditions.

A positive example for other countries is the traditional Mongolian philosophy of balance, which made it possible to delay the spread of the disease in Mongolia, study world experience and determine the next steps in the fight against the spread of COVID-19.

Keywords: Mongolia, COVID-19, myths, conditions, migration, education, economy, politics, vaccines

For citation: Ushakov D.V. Mongolia. Social measures to counter the spread of COVID-19. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 44-50. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013959-6

ВВЕДЕНИЕ

Весь 2020 год мир потрясал вирус *COVID-19*. Борьба с этой болезнью сложная и многоплановая. Разные страны, находясь в различных ситуациях, вынуждены бороться с этой единой бедой. Изучение опыта преодоления ситуации «вызова»: исходных предпосылок, моделей работы, способов, методов и, в конечном итоге, результатов, является важным стимулом для решения, в целом, поставленной задачи - сохранения жизни людей разных стран.

Монголия оказалась страной с достаточно малым числом людей, подвергшихся заражению, и относительно значительным количеством выздоровевших¹.

Несомненно, опыт каждой страны в чём-то уникальный, однако, поскольку угроза распространения вируса как вызова была единой, следует обратить внимание на изначальные условия и предпринимаемые руководством действия. Сегодня трудно сказать, правильной ли была данная стратегия, или - нет, поскольку процесс ещё не окончен, но уже имеющийся опыт следует изучать (подробнее см.: [1-7]).

В качестве эмпирического материала автором были выбраны статьи из разных интернет-источников, интервью и беседы со знакомыми и коллегами, непосредственно живущими в Монголии, способными подтвердить или опровергнуть малодостоверную информацию².

МИФЫ, УСЛОВИЯ И РЕШЕНИЯ

В начале января 1920 г. Минздрав Монголии впервые предупредил общественность об опасности распространения *COVID-19*. Достаточно большое количество людей посещали Китай до начала распространения вируса, так же, как и значительное количество китайских граждан бывали в Монголии. Например, из Улан-Батора осуществлялись авиарейсы в г. Ухань, где впервые был обнаружен вирус.

Среди населения Монголии возникли как обоснованные опасения о развитии ситуации, так и некоторые мифы. Мифы касались веры в малонаселённость страны, в резко-континентальный климат, природосообразность жизни и экологичность продуктов питания. Распространению вируса, как показывает практика других стран, эти факторы не мешали. Такие ошибочные версии распространялись, в основном, по Интернету и спутниковому телевидению. В этой связи по инициативе Национального центра общественного здравоохранения в Улан-Баторе была открыта специальная круглосуточная горячая линия по вопросам, связанным с *COVID-19*.

27 января правительство Монголии объявило о закрытии образовательных учреждений. Тогда же в Монголии призвали регулярно обрабатывать руки дезинфицирующими средствами, носить маски, соблюдать дистанцию и, в целом, соблюдать все меры, рекомендуемые Минздравом страны.

Через три дня после вспышки коронавируса в китайской провинции Хубэй монгольский Кабинет министров провел специальное заседание, на котором было решено:

1. Закрыть для посещения университеты, перевести их на удалённый режим работы.
2. Ограничить передвижение транспортных средств из-за рубежа (пока, кроме железнодорожных и воздушных путей сообщений).
3. Запретить публичные мероприятия.
4. Выделить средства на медицинское оборудование и персонал³.

Уже в январе от Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) были получены большинство наборов для тестирования. С января начали выборочно проводить скрининг пациентов с пневмонией на *COVID-19*, но вирус тогда не был выявлен. В начале февраля руководством страны было принято решение о приостановлении мероприятий, посвященных празднованию традиционного Нового года («*Цагаан сар*»), очень значимого для жителей Монголии.

Монгольские власти руководствовались и следовали рекомендациям ВОЗ. Обратим внимание, что эти меры не вызвали особых протестов со стороны простых граждан, а скорее - их понимание. Возможно, это связано с тем, что население Монголии неоднократно переживало эпидемии чумы. Многолетний опыт борьбы с этой болезнью, методы, разработанные совместно с советскими эпидемиологами, были восприняты монгольским народом как приемлемые и необходимые в современных условиях.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ОГРАНИЧЕНИЯ

С 27 января Монголия закрыла границы и начала организовывать вывозные авиарейсы, а также доставку своих граждан через пограничные пункты «Кяхта-Алтанбулаг» (на границе с Россией) и «Эрлян-Замын-Ууд»

¹ К середине февраля 2021 г. выявлено 2444 зараженных, 1777 вылечившихся, 665 - в активном состоянии, смертельных случаев - 2 (прим. авт.).

² Выражаю искреннюю благодарность моим коллегам - к.и.н. В.И.Терентьеву и д.филос.н. Д.В.Виннику - за помощь в работе над статьей.

³ Самараджива И. Как Монголия не допустила локальную передачу коронавируса? <https://news.myseldon.com/ru/news/index/230015942> (accessed 19.05.2020)

(на границе с КНР). 1 февраля на родину вернули и изолировали 31 студента из Уханя, были изолированы даже члены летного экипажа. Карантин был продлен с 14 до 21 дня. Благодаря этому не произошло местной передачи вируса.

В начале февраля были закрыты пограничные переходы с Китаем, а затем полностью запрещены въезд и выезд из страны. В течение февраля Монголия основательно готовилась к возможной вспышке: закупились маски, тестовые наборы и средства индивидуальной защиты; проводился осмотр больниц, продовольственных рынков и уборка городов.

После введения режима повышенной готовности банки и государственные органы перешли на укороченный рабочий день, почти во всех организациях без исключения проверяют температуру посетителей. Полиция начала более жестко контролировать соблюдение режима ношения масок. За их отсутствие или неправильное ношение штраф составлял около 150 тыс. тугриков (прим. 4000 руб. - Д.У.). Поиском нарушителей были заняты 7000 патрулей, которые работали во всех районах столицы. С 23 февраля по 3 марта были ограничены не только международные, но и междугородные поездки.

10 марта в Монголии был зарегистрирован первый случай заболевания *COVID-19*. Заболевшим оказался гражданин Франции, прибывший 2 марта из Москвы, и работавший в южном аймаке (районе) Дорноговь. Было проведено расследование его контактов, что позволило выявить 120 человек-контакторов. Работавшие с этим французом в офисе были изолированы, затем весь аймак был объявлен карантинной зоной, были прерваны транспортные сообщения (движение поездов, машин), и закрыты магазины. Дезактивации подверглось 9,2 млн кв. м в 6000 точках, в некоторых местах дезактивацию проводили дважды⁴. Такие меры были приняты с одной лишь целью - не допустить распространения вируса. Иностранного пациента был вылечен.

С марта по май руководство Монголии старается как можно быстрее вывезти своих граждан из-за границы, увеличивает число спецрейсов, обращается за содействием к государствам, откуда собирается эвакуировать людей. Появляется общественное движение «За монголов, оказавшихся за границей».

Всех прибывших из-за рубежа размещали в изоляторе на обязательный 21-дневный карантин. «Карантин длится не 14, как это принято во многих странах, а 21 день, и это связано с тем, что в отдельных случаях симптомы *COVID-19* проявляются на 18-й день. ... Пациент оплачивает стоимость проживания в карантине с питанием из расчета 50 тыс. тугриков (\$17,5) в сутки...»⁵. Еще 14 дней карантин должен соблюдаться в домашних условиях, т.е. весь период изоляции длится 35 дней, а за время пребывания в обсервации придется заплатить 40 тыс. рублей. Всего в Монголии работало около 60 обсерваций.

Въезжать в страну разрешалось шести категориям граждан: людям с проблемами здоровья; беременным; семьям с малолетними детьми; гражданам старше 60 лет; студентам, не достигшим 18-летнего возраста; людям с ограниченными финансовыми возможностями.

Основной проблемой возвращения граждан Монголии из-за рубежа была их относительно большая численность. На начало ноября Монголия «эвакуировала в общей сложности 26335 своих граждан из более чем 80 государств - сообщалось в официальном заявлении Государственной комиссии по чрезвычайным ситуациям Монголии.

В конце октября вновь были закрыты погранично-пропускные пункты (ППП) «Ташанта - Цагаанур» (в Республику Алтай) и «Хандагайты - Боршоо» (в Республику Тыва) из-за того, что водители из России оказались зараженными вирусом⁶.

В начале ноября правительство Монголии решило закрыть зону свободной торговли «Алтанбулаг» у границы с Бурятией (ППП «Кяхта - Алтанбулаг») с 16 ноября 2020 по 15 января 2021 гг., а также ряд других ППП на монголо-российской границе на неопределенный срок: «Тэс», «Арцуурь», «Ульхан», «Эрэнцав» и «Боршоо». Планировалось открывать ППП «Цагааннуур» в аймаке Баян-Улгий только во вторую и четвертую недели каждого месяца для импорта топлива. В другом пункте - «Алтанбулаг» - планируется создание специальной перевалочной зоны для грузов из России, обсуждался вопрос о перевозке грузов по железной дороге⁷.

Принятие такого решения напрямую связано с ростом заболеваемости *COVID-19* в Кяхтинском районе Республики Бурятия. Власти Монголии, опасаясь второй волны распространения коронавируса, вновь стали ужесточать меры по соблюдению режима ношения масок и самоизоляции.

МЕРОПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

В марте 2020 г. Министерством образования, культуры, науки и спорта был издан приказ А/43 «О принятии оперативных мер», который предписывал: детским садам и школам проводить уроки дистанционно, используя

⁴ Жаргалсайхан Д. Статус «на мели» и возможности Монгольского государства. <https://www.jargaldefacto.com/article/status-na-meli-i-vozmognosti-mongoliskogo-gosudarstva> (accessed 16.09.2020)

⁵ Монхцэцэг Б. Долгий путь домой: монголы возвращаются на родину во время пандемии. *REGNUM*. <https://regnum.ru/news/society/3048333.html> (accessed 28.08.2020)

⁶ Монголия закрыла два пограничных перехода с Россией. <https://regnum.ru/news/society/3103902.html> (accessed 30.10.2020)

⁷ Монголия закрывает зону свободной торговли «Алтанбулаг». <http://asiais.ru/society/33875.html> (accessed 3.11.2020)

каналы кабельного телевидения. Расписание занятий размещалось на официальном сайте Министерства. За педагогическим составом должна была сохраняться полная заработная плата с возможностью выплаты премий. ВУЗам предписывалось проводить занятия в удаленном режиме, как, впрочем, вступительные и выпускные экзамены. Запрещалась работа спортивных секций, кружков, соревнования переносились. Учреждениям культуры и искусства предписывалось отменить все культурные мероприятия.

В условиях карантина обучение было переведено в дистанционный режим сначала на месяц, а затем продлено до конца 2019-2020 учебного года. Следует заметить, что еще с 2013 г. в учреждениях начального и среднего уровня образования программы обучения стали адаптироваться под электронный и дистанционный формат. Была разработана информационная образовательная система www.esis.edu.mn, представляющая собой единый информационный портал. Поэтому переход на дистанционное обучение не был абсолютно новым.

Для учащихся монгольских школ оперативно были организованы видеоуроки, транслируемые по 14 наиболее просматриваемым каналам два раза в день и проводимые ведущими педагогами страны... Также здесь были размещены учебники по всем предметам, ежедневно публиковались сведения о состоянии мировой образовательной системы в связи с распространением вируса⁸. Большая работа была проведена по подготовке телевизионных уроков и дистанционных учебных программ. Преподаватели вузов записывали лекции и семинарские занятия и размещали их на «YouTube» и на сайтах вузов, выполненные работы студенты отправляли преподавателям через различные интернет-сервисы.

Поступление в вузы в июле-августе осуществлялось дистанционно. Следует отметить, что в первую волну распространения COVID-19 образовательные и религиозные учреждения, бары и детские развлекательные центры были закрыты для посетителей, тогда как торговые центры, рестораны, заведения фастфуда работали в обычном режиме. Детям (до 12 лет) и покупателям с детьми был запрещен вход в магазины.

В ответ на протесты воспитателей частных детских садов о невыплате зарплат в августе Министерством образования, культуры и спорта приняло решение оплачивать посещение частных детских садов 5087 детей из государственных бюджетных средств.

11 ноября 2020 г. стало известно о первых случаях заражений, имевших источник внутри Монголии. Государственная комиссия по чрезвычайным ситуациям распорядилась приостановить работу детских садов, школ и вузов на три дня; на следующий день режим продлили до 17 ноября. Въезд/выезд из Улан-Батора был закрыт, массовые мероприятия отменили, общественный транспорт работает только по 3 часа утром и вечером. Через некоторое время были выявлены случаи заражения в Селенгинском, Дархан-Ууле, Дорноговь аймаках и введен режим чрезвычайной ситуации.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ

Еще в начале 2020 г. личный пример отношения к самоизоляции показал президент Монголии. 27 февраля Х.Баттулга посетил Китай с однодневным визитом для переговоров с председателем КНР и вручения китайскому лидеру сертификата на передачу Китаю 30 тыс. баранов⁹. Уже на следующий день по возвращении он сам и все сопровождавшие его чиновники сдали анализы и отправились на 14-дневную изоляцию в медучреждения.

В марте Роспотребнадзор сообщал, что Россия направила Монголии тест-системы для выявления коронавируса. По сообщению ТАСС (со ссылкой на китайское агентство *Sinhua*, 23.04.2020), Монголия направила мясо и мясосопродукты на общую сумму \$1 млн в качестве гуманитарной помощи в Иркутскую область и в Республику Бурятия. С монгольской стороны была организована акция, когда простые люди и молодежь передали российским семьям маски.

17 апреля Государственная чрезвычайная комиссия решила смягчить некоторые ограничения. С 20 апреля возобновили деятельность фитнес-центры, сауны и турбазы. 7 мая были проведены масштабные карантинные учения на случай, если в стране будет введено чрезвычайное положение. В мае Монголия провела учения по изоляции части Улан-Батора на сутки, чтобы в случае реальной угрозы эти действия удалось провести быстро. В учениях было задействовано 3,5 тыс. представителей власти, учения повлияли на будни 150 тыс. человек.

24 июня прошли выборы в высший законодательный орган страны - в Великий Государственный Хурал. Президент Х.Баттулга предлагал перенести парламентские выборы на неопределенный срок из-за пандемии, однако премьер-министр Х.Ухнаагийн заявил, что её уровень в стране не достиг такого уровня, чтобы их переносить.

Летом практически во всех общественных местах работали посты проверок температуры, действовал режим ношения масок. Этот режим труднее выдерживался в сельской местности, но для городов в общественных местах он был обязателен. Традиционный летний праздник - «Наадам», посвященный Дню скотовода и Дню провозглашения независимости Монголии, в Улан-Баторе прошел с 11 по 15 июля. Его проводили, как обычно, с выступле-

⁸ Якименко А. Монголия: лучшая в мире реакция на COVID-19. С. 46. <https://ggraen.livejournal.com/137108.html> (accessed 28.07.2020)

⁹ Батцэнэг Г. В Китай доставлены 30 тысяч овец из Монголии *МОНЦАМЭ*. 22.10.2020. <https://montsame.mn/ru/read/240468> (accessed 23.10.2020)

нием борцов, скачками на лошадях, стрельбой из лука и национальной игрой в кости, но не на традиционном месте и без массовых зрителей.

В августе в Монголии более остро встала проблема нехватки инфекционных больниц и обсерваторов для прибывающих из-за границы. Особую озабоченность в это время вызывала нехватка подготовленных медработников, потребность в перепрофилировании больниц. В ожидании второй волны эпидемии эти вопросы обретали все большее политическое значение.

15 октября в Монголии прошли выборы в органы местного самоуправления. В предвыборной кампании кандидатов от Монгольской народной и Демократической партий присутствовала тема ситуации с распространением коронавируса. Политическая риторика активно апеллировала к мероприятиям по борьбе с инфекцией. Например, в ноябре предложение президента о поддержке домохозяйств в размере 1млн тугр. для покупки продуктов питания от отечественных производителей и удовлетворения наиболее острых нужд было отклонено Кабинетом министров как популистское. Контраргументом явилось предложение направить эти средства на закупку вакцин.

Правительство предложило освободить от штрафов и пени оплату подоходного налога. В случаях снижения арендной платы торговым компаниям, школам, детским садам и пр., арендодателям предусматривались налоговые льготы. Таможенным органам было предписано освободить от пошлин импорт круп, растительного масла, семян, кормов. Все эти меры предписаны до 1 июля 2021 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВВЕДЕНИЯ КАРАНТИНА

Экономика Монголии во многом зависит от экспорта, поэтому страна испытала сильный экономический удар. В первую очередь пострадали добывающая промышленность и туристическая отрасль. Призыв правительства к населению развивать внутренний туризм хоть и был воспринят позитивно, но не мог восполнить убытки от снижения внешнего туризма. Сократились объемы поставок в Китай нефтепродуктов и угля.

Еще 27 марта правительство Монголии на внеочередном заседании обсудило меры по преодолению экономического кризиса, вызванного эпидемией коронавируса. По итогам заседания премьер-министр Х.Ухнаагийн обратился к жителям страны: «Выделено 17 млрд тугриков для дезинфекции по всей стране. Также решено повторно выделить 150 млрд тугриков (примерно 4,4 млрд руб.) для покупки необходимых медицинского оборудования и защитных костюмов. Также решено принять меры по преодолению экономических трудностей». Согласно его заявлению, с 1 апреля до 1 октября аннулировались выплаты по социальному страхованию всех хозяйствующих субъектов, в течение 6 месяцев из зарплат граждан не взимается подоходный налог. На этом же заседании правительства было решено, что до октября 2020 г. ежемесячное детское пособие, сумма, которого составляет 20 тыс. тугриков, увеличивается в полтора раза¹⁰.

Вопрос с посещением страны иностранцами для важных деловых встреч, также оставался сложным. Решение стало следующим: «Иностранцам с деловыми и служебными целями выдадут визы сроком на 30 дней. После приезда гости должны быть изолированы на 21 день, после истечения срока изоляции они могут работать на территории Монголии. Также они смогут продлить визу на 30 дней. До полета в Монголию они должны сдавать анализы на коронавирус», - заявил начальник консульского отдела МИД Л.Монхтушиг¹¹.

Меры по закрытию границ сократили долю экспорта и импорта в экономике страны. Главный специалист Всемирного банка по Монголии Жан-Паскаль Нгану оценил сокращение экономики Монголии в первой половине 2020 г. примерно на 10%, заметив, что «... то, в какой степени можно будет контролировать эпидемию, окажет значительное влияние на будущее экономики страны. Прогнозируется, что экономика Монголии вырастет на 5% в течение следующих двух лет», и призвал активнее проводить реформы по рекомендациям этой организации¹².

Одной из знаковых тенденций за время борьбы с пандемией в стране стало существенно более высокое использование электронных платежей. Молодые люди предпочитают использовать QR-коды первой монгольской платежной системы «*MonPay*», и другие приложения. Некоторые жители сократили использование наличных денег, следуя рекомендациям ВОЗ.

ВАКЦИНЫ И ПОИСКИ ВЫХОДА ИЗ КАРАНТИНА

Важную роль в поставках вакцин в Монголию всегда играл Детский фонд ООН (ДФ ООН). Именно эта организация предоставляет вакцины для Монголии по более низкой цене, вызывает доверие монгольского руководства. Еще в 2000 г. был принят Закон об иммунизации, согласно которому правительство выделяет бюджет на

¹⁰ Монгольские компании освобождаются от оплаты подоходного налога. *REGNUM*. 27.03.2020. <https://regnum.ru/news/economy/2897701.html> (accessed 27.03.2020)

¹¹ Монголия частично разрешит иностранцам въезд в страну. *REGNUM*. 27.03.2020. <https://regnum.ru/news/polit/3084172.html> (accessed 7.10.2020)

¹² Всемирный банк прогнозирует сокращение экономики Монголии на 2,4%. *REGNUM*. 07.10.2020. <https://regnum.ru/news/economy/2897701.html> (accessed 29.09.2020)

вакцинацию всех детей в возрасте 0-15 лет, может заказывать вакцины, сертифицированные ВОЗ, только в Детском фонде ООН¹³.

20 июля 2020 г. Монголия подала заявку на вступление в международную программу равного доступа к вакцине *COVAX*, инициированную ВОЗ и ДФ ООН. Рабочую группу по поставке вакцин в Монголию возглавляют министры финансов и иностранных дел. Согласно плану рабочей группы, на средства ВБ планируется закупить вакцины для 60% населения. В первую очередь, предусматривалась вакцинация медработников, полицейских, сотрудников госучреждений, людей преклонного возраста и с хроническими заболеваниями.

С 11 ноября въезд/выезд из Улан-Батора были закрыты. Закрылись учреждения культуры и образования, увеселительные заведения. Ограничены массовые мероприятия, общественный транспорт работает только утром и вечером по 3 часа. Подобные меры стали следствием повторного заражения водителя международного транспорта после 21 дня изоляции. Через некоторое время были выявлены случаи заражения в Улан-Баторе, в аймаках Сэлэнгэ, Дархан-Уул, Дорноговь, Орхон аймаках. В последних случаях источники заражения не были установлены, поэтому был введен режим чрезвычайной ситуации.

С середины ноября 2020 г. количество заразившихся возросло. Правительство незамедлительно приняло меры по изоляции не только отдельных граждан, но и подъездов домов. С 11 ноября введен жесткий карантин, который продлился до 1 декабря, а затем с 23 декабря 2020 г. до 6 января 2021 г. Согласно данным Национальной торгово-промышленной палаты, 54% монгольских предприятий остались без доходов. Президент Х.Баттулга внес в парламент проект постановления о предоставлении финансовой поддержки в размере 1 млн тугриков (*прим.* 27000 руб. - Д.У.) каждой семье (200 тыс. - наличными, 800 тыс. - в виде ваучера) из средств, выведенных с оффшорных счетов.

19 января в социальных сетях распространяли видео, в котором роженица вместе с ребенком были признаны зараженными коронавирусом и перевезены из роддома в госпиталь без теплой верхней одежды и обуви. Это привело на следующий день к массовому митингу и протестам, после чего министры здравоохранения и чрезвычайных отношений и председатель правительства подали в отставку. Великий Государственный Хурал принял отставку правительства. Празднования Нового года по лунному календарю были отменены уже новым кабинетом министром, в стране вновь был введен режим жесткого карантина.

Выходом из сложившейся ситуации руководству страны видится в финансовой помощи Всемирного банка, разных зарубежных стран (Индии, Японии, Китая, США, Великобритании, России), и поставках вакцин *Pfizer*, *AstraZeneca*, *Moderna* и Спутник-V.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшим фактором, повлиявшим на малое количество зараженных в Монголии, явилось своевременное (даже упреждающее) закрытие границ, жесткие меры по обсервации вновь прибывающих из-за границы, выявление контактеров.

Значимым фактором предотвращения распространения вируса явилась изоляция даже потенциально зараженных. Однако эта мера реализовывалась частично за личный счёт тех, кто был в группе подозреваемых в носительстве вируса, т.е. фактически государство переложило финансовые тяготы на этих людей и их родственников.

Жесткие меры по переводу учреждений образования на дистанционное обучение также были своевременными, однако они усложнили проблему доступности и качества образования. Тем не менее, опыт развития новых телевизионных и онлайн-образовательных технологий следует признать позитивным.

Принятые меры были вполне закономерным и адекватным решением в сложной (отчасти исторически сложившейся) экономической и политической ситуации, поэтому следование рекомендациям ВОЗ было глубоко осознанным и на данном этапе дающим значимый результат.

Позитивным примером для России является «философия равновесия», когда принятие жестких решений позволяет минимизировать будущие человеческие потери, но при разумном применении этих мер. В тактике применения и степени жесткости - много спорных моментов, но опыт Монголии, хоть и уникален, но все же - поучителен. Тем не менее, внутренняя передача вируса все-таки произошла, даже при условии закрытых границ и соблюдения всего сложного комплекса санитарно-эпидемиологических мер.

Благодаря тому, что Монголия сумела отсрочить распространение заболевания по стране, правительство и Государственная чрезвычайная комиссия в определенной мере смогли учесть и аккумулировать мировой опыт борьбы с новой коронавирусной инфекцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриттов И.В. Вьетнам в противостоянии COVID-19: факторы успеха. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 7. DOI: 10.31857/S032150750010102-4

¹³ Zhargalsajhan D. Vaccine and Mongolia (In Mongol.). <http://jargaldefacto.com/article/waktsin-ba-mongol> (accessed 08.10.2020)

2. Денисова Т.С., Костелянец С.В. COVID-19 в Нигерии: вызовы и прогнозы. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 8. DOI: 10.31857/S032150750010447-3
3. Воронцов А.В. Борьба с коронавирусом на Корейском полуострове. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 9. DOI: 10.31857/S032150750010857-4
4. Тему А.Т., Никольская М.В. Пандемия COVID-19 в Восточной Африке: анализ и перспективы. *Азия и Африка сегодня* 2020, № 9. DOI: 10.31857/S032150750010856-3; Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 10. DOI: 10.31857/S032150750011106-8
5. Соломатин М.С. Опыт зарубежных стран в контексте мероприятий для снижения экономических последствий от пандемии коронавируса. *Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки*. М., 2020.
6. Терентьев В.И., Каминскене Л.В. Особенности дистанционного обучения в российской школе за рубежом (на примере Монголии). *Школа будущего*. 2020, № 4.

REFERENCES

1. Brittov I.V. 2020. Vietnam's stand-off with coronavirus: success factors. *Aziya i Afrika segodnya*. № 7. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010102-4
2. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2020. COVID-19 pandemic in Nigeria: challenges and forecasts. *Aziya i Afrika segodnya*. № 8. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010447-3
3. Vorontsov A.V. 2020. The Korean peninsula fight against coronavirus. *Aziya i Afrika segodnya*. № 9. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010857-4
4. Temu A.-M.T., Nikolskaya M.V. 2020. COVID-19 pandemic in East Africa: analysis and prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. № 9. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010856-34; Belov A.V., Tikhotskaya I.S. The first wave of COVID-19 pandemic in Japan: social and economic considerations (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750011106-8
5. Solomatina M.S. 2020. The experience of foreign countries in measures to reduce the economic consequences of the coronavirus pandemic. *Current trends and innovations in the development of Russian science*. Moscow. (In Russ.)
6. Terentyev V.I., Kaminskene L.V. Features of distance learning in a Russian school abroad (for example Mongolia). *School of the future*. № 4. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ушаков Дмитрий Викторович, кандидат философских наук, ст.н.с. Института философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия.

Dmitriy V. Ushakov, PhD (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
04.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
10.01.2021

DOI: 10.31857/S032150750012472-1

Оригинальная статья / Original article

Ливийский хаос и угроза безопасности странам Европы и Африки

© Махмутова М.И.^а, 2021

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9681-7071. makhmutova.maria@yandex.ru

Резюме. В статье исследуется негативное влияние ливийского кризиса на страны Европы и Африки. Отмечается, что основная проблема, с которой сталкивается ЕС, - это нелегальная миграция африканцев. В рамках ЕС были разработаны многочисленные программы, однако потоки беженцы не уменьшились. Это связано с тем, что африканские мигранты стали гибнуть привычные маршруты на земле, а для преодоления вод Средиземного моря - использовать вместо больших кораблей мелкие суда. Единственный положительный результат был достигнут на данном направлении благодаря методам итальянской дипломатии. Рим самостоятельно установил контакты с шейхами различных племен на юге Ливии, которые в обмен на финансовую помощь согласились воспрепятствовать миграционным потокам. Однако эта идея перестала работать после того, как Италия прекратила выплаты городам Фецана.

После падения режима М.Каддафи хаос в Ливии оказывает негативное влияние на национальную безопасность соседних стран. Египет был вынужден полагаться на Ливийскую национальную армию и помогать ей всеми возможными усилиями, чтобы воспрепятствовать распространению идеологии организации «Братьев-мусульман», представители которой глубоко проникли во властные структуры в Триполи. Алжир занял нейтральную позицию и предпочел решать проблему безопасности путем укрепления своих восточных границ. Тунис оказался между молотом и наковальней, поскольку светские силы выступают за нейтралитет в ливийском конфликте, а исламистские партии стремятся оказать поддержку Триполи и Мисурате. В свою очередь, Чад и Нигер столкнулись с очень сложной ситуацией, поскольку центральные власти этих стран контролируют только столицу и ряд крупных городов, соответственно, их пористая граница с Ливией способствует расцвету контрабандной торговли и проникновению боевиков.

Ключевые слова: Ливия, ЕС, Африка, нестабильность, миграция, контрабанда

Для цитирования: Махмутова М.И. Ливийский хаос и угроза безопасности странам Европы и Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 51-56. DOI: 10.31857/S032150750012472-1

Chaos in Libya and the security threat to Europe and Africa

© Maria I. Makhmutova^a, 2021

^a Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9681-7071. makhmutova.maria@yandex.ru

Abstract. The paper examines the negative impact of the Libyan crisis on European and African countries. It is noted that the main problem facing the EU is the illegal migration of Africans, which does not decrease even with the implementation of joint missions and programs. Programs within the EU have practically not brought a positive result, since the flows of illegal migrants have practically not decreased, since African refugees began to go around their usual routes. The most positive steps were taken by Rome to establish contacts with tribal sheikhs in southern Libya, who in exchange for money agreed to impede migration flows. However, this idea stopped working after Italy stopped payments to the cities of Fezzan.

In turn, chaos in Libya plays out in different ways on its neighbors, especially, has a strong impact on their national security. Egypt was forced to rely on the Libyan National Army and help it with all possible efforts. This is due to the fact that he fears the spread of the ideology of the Muslim Brotherhood, who hold power in Tripoli. Algeria has taken a neutral position and wants to participate exclusively on the diplomatic track. At the same time, the Libyan conflict split the political parties in Tunisia, since Al-Nahda decided to help the Government of National Accord, and the secular forces want to maintain neutrality. Chad and Niger found themselves in a difficult situation, since the state controls only the capital and major cities.

Keywords: Libya, EU, Africa, instability, migration, smuggling

For citation: Makhmutova M.I. Libyan chaos and the security threat to Europe and Africa. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 51-56. (In Russ/). DOI: 10.31857/S032150750012472-1

ВВЕДЕНИЕ

После падения режима М.Каддафи в Ливии в 2011 г. страна стала представлять собой единое образование только на карте. В этом государстве формально выделяют два политических центра - Правительство национального согласия (ПНС) во главе с Ф.Сарраджем в Триполи и Палату представителей в Тобруке (на востоке страны), поддерживаемую Ливийской национальной армией (ЛНА) под руководством маршала Х.Хафтара. Однако на земле власть принадлежит исключительно полевым командирам и шейхам племен из-за отсутствия сильной государственной структуры. Наиболее сложной ситуация остается в пустынных регионах, где радикальные организации получили полную свободу для маневра. В связи с тем, что экстремизм, облеченный в исламистскую обертку, присутствует повсеместно в Ливии, постоянно возникает проблема его распространения на соседние страны и регионы [1, с. 5].

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЕС

В 2011 г. военная кампания НАТО в Ливии привела к уничтожению режима М.Каддафи, однако западные страны не смогли принять никаких мер по восстановлению государства. В результате, сами страны Европейского Союза столкнулись со множеством негативных последствий.

Наиболее острой угрозой для них остается нелегальный поток африканских мигрантов, использующих Ливию как транзитный пункт. Согласно официальным данным, на конец 2019 г. в этой стране было зарегистрировано свыше 650 тыс. беженцев. В отчете Международной организации по миграции (ИОМ) значатся выходцы из Нигера, Чада, Египта, Судана и Нигерии [2, р. 4]. Однако эти цифры могут быть далеки от реальных показателей, а количество нелегальных мигрантов превышать 1 млн человек [3, р. 86].

Понимая угрозу наплыва беженцев, в 2013 г. Евросоюз начал Миссию по приграничной помощи в Ливии. В ее рамках европейский и ливийский контингенты должны были вместе контролировать миграционные потоки на западе, востоке и юге страны. Цель Миссии заключалась в подрыве организованных преступных сетей, занимающихся переправкой мигрантов, торговлей людьми и террористической преступностью. В силу ограниченного результата она была сокращена и переведена в Тунис в 2014 г. Через четыре года центральный штаб вновь вернулся в Триполи [4, р. 796]. Но реальных успехов Брюссель добиться не смог.

Помимо этого, в 2011 г. Брюссель начал модернизировать свою политику в отношении стран южнее Ливии, запустив программу «Стратегия безопасности и развития Сахеля» [5]. Брюссель поставил 4 основные задачи: 1) развитие экономики и сокращение бедности; 2) тесное региональное сотрудничество; 3) сотрудничество в области безопасности и развития; 4) поощрение экономического развития Сахеля. В 2012 г. по просьбе Нигера была начата миссия ЕС, нацеленная на усиление государственных институтов и военного потенциала страны. Через два года цели Миссии были скорректированы; в результате, ее главной задачей стало предотвращение незаконной миграции из Нигера в Ливию.

Аналогичная Миссия была запущена в Мали в 2015 г., на практике ее целью оказалось укрепление системы безопасности страны, границ государства и контроль за миграционными потоками. Данные Международной организации по миграции о резком сокращении африканских беженцев в результате работы Миссии были раскритикованы, поскольку общий объем их потока из Ливии не снизился. Мигранты стали огибать привычные маршруты и использовать обходной путь через южные регионы Алжира.

По причине малой эффективности коллективных программ ЕС по борьбе с нелегальной миграцией, Италия стала примером государства, которое самостоятельно приступило к решению этой проблемы. В 2017 г. министр внутренних дел Италии М.Миннити заявил о том, что Рим заключил сделки с племенами на юге Ливии, чтобы они сдерживали миграцию из Чада, Мали и Нигера. Он посетил 14 городов, преимущественно на юге страны, предложив им внушительные денежные средства (сумма не разглашалась) в обмен на противодействие нелегальной миграции. Рим добился определенных успехов, но на практике сокращение потоков беженцев удалось достичь путем агрессивных мер, приводивших к их гибели [6, р. 2250]. Сделки Италии с шейхами племен и полевыми командирами не имели долгосрочного характера и зависели от наличия или отсутствия финансовой подпитки.

Наиболее популяризированной операцией по борьбе с нелегальной миграцией с 2015 г. стала «София» (*Operation Sophia- EU NAVFOR Med*). Несмотря на длительные переговоры с ПНС, власти Триполи отказались разрешить Брюсселю действовать в пределах 12-мильной ливийской границы. Тогда военно-морская операция была разделена на три основные фазы: 1) оценка сетей контрабанды и торговли людьми в Средиземноморье, 2) поиск и отвод подозрительных судов, 3) обезвреживание судов и задержка контрабандистов. Ввиду ограниченного результата, с 2016 г. были добавлены две дополнительные задачи: подготовка

ливийской береговой охраны и контроль за соблюдением эмбарго ООН на поставки вооружения в Ливию морским путем [7, р. 7].

В 2016 г. Лондон обрушился с резкой критикой на «Софию». В Палате лордов отмечали, что целями операции стали мелкие мишени, и она не способна разрушить сети контрабандистов [8]. Вскоре на саммите в Варшаве страны НАТО санкционировали операцию «Морской страж» (*Sea Guardian*) для помощи «Софии» по мониторингу миграционных потоков. Однако, когда в 2020 г. после конференции в Берлине по Ливии вновь встал вопрос о ее продлении, с резкой критикой выступила Австрия, которая указала на бессмысленность операции [9, с. 312].

В свете увеличения потока нелегального оружия в Ливию на фоне очередного витка гражданской войны (2019-2020 гг.), странам ЕС нужны были инструменты для пресечения этого. В силу неоднозначного отношения европейских стран к «Софии» Брюссель не мог ее должным образом трансформировать и с подачи Берлина решил санкционировать операцию «Ирины» (*EUNAVFOR MED - IRINI*) [10, р. 189]. Она использует наземные, морские и воздушные силы для пресечения контрабанды оружия. В рамках операции осуществляется инспекция судов в открытом море около ливийского побережья.

В целом, осуществляемые странами ЕС усилия по противодействию миграционным потокам оказались абсолютно неэффективными. В первую очередь, проблема кроется в самих африканских странах, где царит нестабильная политическая и экономическая ситуация, которая подталкивает людей идти на поиски лучшей жизни в Европе. Ливийская береговая охрана не в состоянии сдерживать мигрантов. К тому же ее представители нередко сами имеют контакты с контрабандистами и получают свою долю от переправки беженцев.

УГРОЗЫ ДЛЯ СТРАН-СОСЕДЕЙ ЛИВИИ

Североафриканские и сахельские государства, граничащие с Ливией, рассматривают постоянную нестабильность и гражданские войны внутри нее как угрозу национальной безопасности. Как отмечает российский ученый К.М.Труевцев, после падения режима М.Каддафи Ливия превратилась в эпицентр исламистского терроризма в Африке [11, с. 16]. Кризис не решается уже длительное время, и страны-соседи самостоятельно ищут методы противодействия вызовам, не прибегая к коллективным методам.

Стремясь остановить распространение экстремизма, Каир установил тесные контакты с маршалом ЛНА Х.Хафтаром и Палатой представителей в Тобруке [14, с. 10]. Это обусловлено близким географическим положением, неприятием идеологии организации «Братьев-мусульман», схожестью военного принципа в принятии решений и общими взглядами на региональные угрозы. Для Египта одним из самых опасных сценариев является распространение влияния «Братьев-мусульман» в соседней стране, поскольку они несут угрозу существованию сложившейся политической элиты страны.

В данной связи после начала операции ЛНА в 2019 г. президент Египта А.Ф. ас-Сиси стал первым политическим лидером, который поддержал маршала и пригласил его в столицу. За время кампании восточному правительству Ливии не раз была предоставлена площадка в Каире для проведения консультаций и конференций с племенами. Кроме того, А.Ф.ас-Сиси старался убедить президента США Д.Трампа поддержать Х.Хафтара. По ряду сообщений, Египет не раз предоставлял ЛНА вооружения, танки, самолеты, а также становился транзитным пунктом в переправке вооружений из ОАЭ в Ливию [12].

Проигрывая войну с Х.Хафтаром, в конце 2019 г. ПНС обратилось за помощью к Анкаре и подписало с ней соглашение о военном сотрудничестве [13]. После этого стали поступать неоднократные сообщения об отправке турецких военных и сирийских боевиков в Триполи. Тогда Египет усилил пограничный контроль на пористой границе с Ливией, сконцентрировав там дополнительные военные силы. Вскоре ПНС и Турция подписали меморандум по морским зонам, что стало подспорьем для Анкары начать разведку газовых месторождений в восточной части Средиземноморья, а это поставило под вопрос будущее «Газового форума»¹.

Египет, хотя и негласно, изначально делало ставку на военное решение конфликта в Ливии. Когда ситуация на фронте резко изменилась и во второй половине 2020 г. ополчения, лояльные ПНС, уже подошли к Сирту, Каир был готов направить свой военный контингент в Ливию в том случае, если они начнут продвигаться дальше линии Сирт-Джужфра. Понимая неспособность ЛНА вновь продвинуться к Триполи и видя установившийся военный баланс, Египет решил поддержать хрупкое перемирие и стал одной из площадок для переговоров между конфликтующими сторонами.

¹ Газовый форум восточного Средиземноморья - региональная энергетическая организация, созданная в 2019 г. В неё входят Кипр, Греция, Израиль, Италия, Иордания, Палестина и Египет. Эти страны разделили между собой участки разведки и добычи голубого топлива в восточной части Средиземного моря (*прим. авт.*).

Другой региональный актер - Алжир всегда старался сохранять нейтралитет между обеими сторонами конфликта в Ливии. Он попытался усилить безопасность на восточной и южной границах в связи с постоянной контрабандой оружия, наркотиков и людей из Мали и Нигера в Ливию. Для Алжира дополнительную угрозу представляют те граждане страны, которые добровольно уезжали в Ливию и воевали в рядах террористических организаций, а потом вернулись на родину. Ответные меры для нивелирования вызовов руководство Алжира стало принимать после выборов в конце 2019 г., пережив масштабный уровень протестов.

Новый президент А.Тebbун отказался вступать в коалицию с Анкарой, несмотря на высокий уровень инвестиционного партнерства между странами. В начале 2020 г. Алжир организовал конференцию с участием стран-соседей Ливии (Египет, Тунис, Судан, Мали, Чад, Нигер) на уровне министров иностранных дел с целью выявления их позиций по поводу ситуации в Ливии. Все участники высказались против турецкой интервенции и заявили о необходимости решения конфликта мирными способами.

Понимая неспособность создания эффективного механизма коллективными методами, Алжир установил прямой контакт с ключевыми участниками конфликта. Министр иностранных дел С.Букадум провел личные встречи с Х.Хафтаром в Ар-Раджме и главой ПНС Ф.Сарраджем в Триполи, а затем предложил ливийским племенам принять Алжир в качестве нейтрального медиатора. Однако на этом поприще Алжир не преуспел, поскольку основные рычаги влияния на переговоры после установившегося перемирия перешли к Миссии ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ) (*United Nations Support Mission in Libya - UNSMIL*).

У Туниса имеются ограниченные возможности для обеспечения своей безопасности. В связи с географической близостью к Ливии руководство страны вынуждено постоянно контактировать с членами ПНС для снижения угроз на границе. Главным вызовом для Туниса остается терроризм. Когда в 2014 г. ИГИЛ объявил о создании своего Ливийского вилаята, многие молодые граждане Туниса присоединились к этой группировке. После разгрома ИГИЛ тогдашний президент Б.К.Эс-Севси издал указ об амнистии, и многие боевики вернулись на родину. Вскоре они начали создавать «спящие ячейки», и не единожды совершали террористические атаки.

Вызовом для Туниса стала также неопределенность на западе Ливии после начала наступления ЛНА на Триполи. В 2019 г. руководство страны согласилось предоставить убежище некоторым членам ПНС, бежавшим из столицы ввиду наступления ЛНА, и не стало раскрывать их имена. К началу 2020 г. президент Турции и эмир Катара в ходе своих визитов в Тунис стали прощупывать возможность использования этой страны в качестве транзитного пункта для поставки оружия ПНС, но получили отказ от главы государства К.Саида.

Однако в стране сильное влияние имеет партия «Ан-Нахда», ответвление «Братьев-мусульман». Тенденции 2020 г. продемонстрировали готовность ее руководителя Р.Ганнуши действовать не в рамках национальной безопасности, а в интересах исламистской организации. Без согласия главы государства он укрепил связи с Анкарой и выразил готовность выполнить ранее озвученные ее руководством просьбы. Это привело к острому противостоянию между светскими силами и «Ан-Нахдой», а затем и формированию нового правительства, без представителей партий, по требованию противников «Братьев-мусульман». Тунис, не обладая мощными ресурсами и достаточным влиянием в регионе, не может решительным образом ответить на вызовы и вынужден подстраиваться с учетом новых тенденций.

В Судане контрабандисты, используя неконтролируемую ситуацию на юге Ливии, осуществляют незаконные поставки оружия, алкоголя и наркотиков между странами. Эффективных шагов по противодействию этим явлениям, фактически, не осуществлялось, несмотря на громкие заявления руководителя сил оперативной поддержки генерала-лейтенанта М.Д.Хеметти и выделения Хартуму финансовых средств от Евросоюза. Контрабанда находится под контролем джанджавидов², некоторых полицейских и военных.

Помимо этого, в течение нескольких лет наемники из Судана пополняют ряды ЛНА, они участвуют в военных кампаниях преимущественно на юге страны. Это обусловлено их внешней схожестью (темной кожей) с местным населением. На север Ливии их не переправляют, поскольку там население негативно относится к темнокожим народам. В 2019 г. пока основные части ЛНА были направлены к подступам Триполи, суданцы приняли участие в кампании на юге страны - в Мурзуке и Убари.

В Чаде центральная власть слабо контролирует территорию и границы государства. Выходцы из Чада нередко зарабатывают на жизнь тем, что становятся наемниками в Ливии. Две страны разделяет горная цепь Тибести, где осуществляется добыча золота. Регулярная армия Чада периодически вынуждена защищать районы их добычи от повстанческих группировок, особенно от Совета военного командования по спасению республики. Боевики нередко проникают на юг Ливии, подвергая разбою небольшие города. Снизить их активность главе ЛНА и руководству в Нджамене проблематично, потому что повстанцы хоро-

² Джанджавиды - самостоятельные суданские военизированные ополчения (*прим. авт.*).

шо знают проходы в горной цепи. Так, хаос в Ливии стал еще одной площадкой активности для чадских боевиков, которых власти страны не в состоянии взять под контроль.

В свою очередь, Нигер стал транзитным пунктом для мигрантов и беженцев. Западные страны разместили здесь свои военные базы для сдерживания терроризма и миграционного потока, среди них Франция (базы в гг. Ниамей, Диффа, Мадама, Арлит), США (базы в гг. Ниамей, Агадес, Арлит), Италия (база в Мадаме) и Германия (база в Ниамее). Евросоюз неоднократно выделял крупные финансовые средства для реализации программ по укреплению полицейских служб и армии в Нигере. В 2017 г. власти страны смогли произвести аресты ряда контрабандистов, но особых результатов не добились, поскольку переправка мигрантов - основной доход для племен туарегов и тубу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, страны-соседи Ливии в силу разной внутренней ситуации и отличающегося военного потенциала не могут создавать операции, нацеленные хотя бы на локализацию ливийского хаоса. Египет и Тунис оказались втянуты в ливийскую проблему. Алжир, видя нарастание региональных амбиций Турции, Египта, ОАЭ, предпочел дистанцироваться и действовать исключительно дипломатическими методами. Такие страны, как Судан, Чад и Нигер, не в состоянии никак реагировать на вызовы и вынуждены мириться с текущей ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинин Ю.Н. Ливия: Исламский фактор после Каддафи. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 4, с. 2-8. DOI: 10.31857/S032150750004376-5
2. Libya's Migrant Report. 2020. Round 28. October - December 2019. Displacement Tracking Matrix. IOM. 25 p.
3. Perrin D. 2019. From one Libya to Another: The Unexpected Place of Law in Approaching Migration. *Afriche e Orienti*, № 3, pp. 76-94. DOI: 10.23810/1345.PERRIN
4. Cuttitta P. 2017. Delocalization, Humanitarianism, and Human Rights: The Mediterranean Border between Exclusion and Inclusion. *Antipode*, № 50:3, pp. 783-803. DOI: 10.1111/anti.12337
5. Strategy for Security and Development in the Sahel. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/strategy_for_security_and_development_in_the_sahel_en_1.pdf (accessed 28.10.2020)
6. Baldwin-Edwards M., Lutterbeck D. 2019. Coping with the Libyan migration crisis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45:12, p. 2241-2257. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1468391
7. Ruxandra-Laura B., Stenberg M., Riddervold M. 2020. Copying in EU security and defence policies: the case of EUNAVFOR MED Operation Sophia. *European Security*, № 5, pp. 1-19. DOI: 10.1080/09662839.2020.1845657
8. Operation Sophia, the EU's naval mission in the Mediterranean: an impossible challenge. <https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldcom/144/144.pdf> (accessed 28.10.2020)
9. Багинский К.Е. Итоги Берлинской конференции по Ливии: последствия для России. *Modern Science*. 2020, № 4(1), с. 311-315.
10. Crăișor-Constantin I. 2020. The Libyan Conflict and Its destabilising Impact on North Africa. *Strategic Impact*, № 2, pp. 182-196.
11. Труевцев К.М. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье. *Азия и Африка сегодня*. 2016, № 10, с. 12-20.
12. Egyptian tanks for the first time officially appear in the possession of Haftar's militia. <https://www.alaraby.co.uk/-الديابات-ظهور-المصرية-لأول-مرة-رسمياً-بحوزة-مليشيات-حفتر> (In Arab.). (accessed 28.10.2020)
13. Full text of new Turkey, Libya sweeping security, military cooperation deal revealed. <https://www.nordicmonitor.com/2019/12/full-text-of-new-turkey-libya-sweeping-security-military-cooperation-deal-revealed/> (accessed 28.10.2020)
14. Васильев А.М., Исаев Л.М., Ткаченко А.А., Кукушкин В.Ю., Жерлицына Н.А. Ситуация в Ливии и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 6, с. 4-13. DOI: 10.31857/S032150750009872-1

REFERENCES

1. Zinin M.Y. 2019. Libya: Islamic Factor after Qaddafi. *Aziya i Afrika segodnya*. № 4. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750004376-5
2. Libya's Migrant Report. 2020. Round 28. October - December 2019. Displacement Tracking Matrix. IOM. 25 p.
3. Perrin D. 2019. From one Libya to Another: The Unexpected Place of Law in Approaching Migration. *Afriche e Orienti*, № 3, pp. 76-94. DOI: 10.23810/1345.PERRIN
4. Cuttitta P. 2017. Delocalization, Humanitarianism, and Human Rights: The Mediterranean Border between Exclusion and Inclusion. *Antipode*, № 50:3, pp. 783-803. DOI: 10.1111/anti.12337
5. Strategy for Security and Development in the Sahel. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/strategy_for_security_and_development_in_the_sahel_en_1.pdf (accessed 28.10.2020)
6. Baldwin-Edwards M., Lutterbeck D. 2019. Coping with the Libyan migration crisis. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45:12, p. 2241-2257. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1468391

7. Ruxandra-Laura B., Stenberg M., Riddervold M. 2020. Copying in EU security and defence policies: the case of EUNAVFOR MED Operation Sophia. *European Security*, № 5, pp. 1-19. DOI: 10.1080/09662839.2020.1845657
8. Operation Sophia, the EU's naval mission in the Mediterranean: an impossible challenge. <https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldsecom/144/144.pdf> (accessed 28.10.2020)
9. Baginsky K.E. 2020. Results of the Berlin Conference on Libya: Implications for Russia. *Modern Science*. № 4. (In Russ.)
10. Crăișor-Constantin I. 2020. The Libyan Conflict and Its destabilising Impact on North Africa. *Strategic Impact*, № 2, pp. 182-196.
11. Truevtsev K.M. 2016. The breakup of Libya as a factor of tension in Africa and the Mediterranean. *Aziya i Afrika segodnya*. № 10. (In Russ.)
12. Egyptian tanks for the first time officially appear in the possession of Haftar's militia. (In Arab.). <https://www.alaraby.co.uk/ظهور-الدبابات-المصرية-لأول-مرة-رسمياً-بحوزة-مليشيات-حقتز> (accessed 28.10.2020)
12. Full text of new Turkey, Libya sweeping security, military cooperation deal revealed. <https://www.nordicmonitor.com/2019/12/full-text-of-new-turkey-libya-sweeping-security-military-cooperation-deal-revealed/> (accessed 28.10.2020)
- 13 Full text of Turkey-Libya maritime agreement revealed. <https://www.nordicmonitor.com/2019/12/the-full-text-of-turkey-libya-maritime-agreement-revealed/> (accessed 28.10.2020)
14. Vasiliev A.M., Isaev L.M., Tkachenko A.A. Kukushkin V.Yu., Zherlitsyna N.A. 2020. The Situation in Libya and Russia's Interests. *Aziya i Afrika segodnya*. № 6, (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750009872-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Махмутова Мария Игоревна, соискатель, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maria I. Makhmutova, Applicant, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
16.12.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 27.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
11.01.2021

Углеводородная отрасль Курдского региона Ирака

© Чубуков М.Ю.^а, 2021^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
chubukov_94@mail.ru

Резюме. Курдский регион Ирака на протяжении многих лет оставался одним из неизведанных районов в мировой углеводородной промышленности. Создание благоприятных условий для привлечения международных компаний в нефтегазовый сектор региона определило его экономическое развитие. Открытие новых месторождений нефти и газа расширило экспортные возможности региона и укрепило его политические позиции. Закрепление возможности торговли и прямого лицензирования соглашений о добыче с иностранными компаниями в собственном законодательстве на фоне размытой федеральной конституции в этих вопросах позволило утвердить самостоятельную экономическую политику региона в законотворческой сфере.

Занятие курдами богатого нефтью региона Киркук в 2014 г. сгладило экономические проблемы, вызванные активизацией ИГИЛ, увеличением военных расходов, притоком беженцев и падением цен на нефть. После референдума о независимости Курдского региона Ирака в сентябре 2017 г. отношения с его ближайшими соседями осложнились. Киркук перешел под контроль иракской армии с помощью проиранских отрядов, а курдское правительство потеряло контроль над значительными нефтяными месторождениями, приносящими половину его доходов. Некоторые компании заморозили свои проекты или покинули регион, особенно те, чьи лицензионные участки находились на спорных территориях. Остальные игроки продолжили наращивать добычу на разрабатываемых месторождениях.

Наличие долгов перед ними со стороны курдского правительства препятствует этому процессу и замедляет доступ к международному рынку газа. Бюджетные договоренности, согласованные с 2018 г. и соблюдаемые с переменным успехом, позволяют говорить о заинтересованности Багдада и Эрбиля в мирном разрешении противоречий. Территориальные споры с Ираком и отсутствие четкой правовой базы негативно сказываются на доверии крупных компаний к долгосрочным проектам. Перспективы ввода газовой сети параллельно с нефтепроводом обеспечат региону дополнительные финансовые вливания, укрепив его экономическую независимость и геэкономическое значение.

Ключевые слова: Курдский регион Ирака, Курдское региональное правительство, Ирак, Киркук, нефть, газ

Для цитирования: Чубуков М.Ю. Углеводородная отрасль курдского региона Ирака. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 57-63. DOI: 10.31857/S032150750013960-8

Hydrocarbon industry in the Kurdish region of Iraq

© Maxim Y. Chubukov^a, 2021^a Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
chubukov_94@mail.ru

Abstract. The Kurdish region of Iraq has been an unexplored area in the global hydrocarbon industry for many years. The creation of favorable conditions for attracting international companies to the oil and gas sector of the region has determined its economic development. The discovery of new oil and gas deposits has expanded its export opportunities and strengthened its political position. Fixing the possibility of trade and licensing with foreign actors in its own legislation against the background of the blurred Federal Constitution in these matters, allowed to approve an independent economic policy of the region in the law-making field.

The occupation of the oil-rich region of Kirkuk by the Kurds in 2014 smoothed the economic problems caused by the activation of ISIS, increased military spending, the influx of refugees and falling oil prices. After the Referendum on the independence of the Kurdish region of Iraq in September 2017, relations with its closest neighbors became more complicated. Kirkuk was taken over by the Iraqi army with the help of Pro-Iranian detachments, and the Kurdish government lost control of significant oil fields that brought in half of its revenue. Some companies froze their projects or left the region, especially those whose license blocks were located in disputed areas. Other players continued to increase production at the fields being developed.

The presence of debts owed to them by the Kurdish government hinders this process and slows down access to the international gas market. Budget agreements agreed from 2018 and observed with varying success allow us to talk about the interest of Baghdad and Erbil in a peaceful solution to the contradictions. Territorial disputes with Iraq and the lack of a clear legal framework negatively affect the confidence of large companies in long-term projects. The prospects for commissioning the gas network in parallel with the oil pipeline will provide the region with additional financial injections, strengthening its economic independence and strengthening its geo-economic significance.

Keywords: Kurdistan Region of Iraq, Kurdistan Regional Government, Iraq, Kirkuk, oil, gas

For citation: Chubukov M.Yu. Hydrocarbon industry in the Kurdish region of Iraq. *Aziyzi Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 57-63. DOI: 10.31857/S032150750013960-8

ВВЕДЕНИЕ

Активная разработка нефти в Курдском регионе Ирака (КРИ) начинается с 2005 г., вскоре после падения режима Саддама Хусейна, препятствовавшего до этой поры подобным действиям. Масштабная добыча углеродов послужила толчком для развития региональной промышленности в данном секторе.

Возрастающая самостоятельность местных властей в принятии экономических решений в будущем может превратить КРИ в значимого экспортера нефти на уровне Азербайджана и Омана. Принятые Курдским региональным правительством (КРП) законы позволяют проводить нефтяную политику независимо от Багдада, заключать договоры по разведке и добыче ископаемых ресурсов с иностранными компаниями. После постройки в 2014 г. собственного трубопровода КРИ смог самостоятельно экспортировать нефть в Турцию.

Состоявшийся в сентябре 2017 г., референдум о независимости Курдского региона Ирака, с одной стороны, привлек международное внимание к курдской проблеме, но осложнил ситуацию в регионе. Экономические трудности, вызванные падением в 2014 г. цен на нефть, усилились с разрастанием ИГИЛ и притоком беженцев. Положение усугубилось вследствие наступления иракской армии после плебисцита, закончившимся переходом ряда областей и контроля над значимым нефтеносным районом Киркука под управление Багдада. Крупные нефтяные компании, заключившие договор с Курдским региональным правительством (КРП) попали под санкции Ирака, заморозили свои проекты или вовсе отказались от дальнейших разработок, оказались заложниками политических обстоятельств, вызванных правовым дуализмом и территориальными спорами.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: ЗАКОН О НЕФТИ И ГАЗЕ

Разделение курдского народа началось с окончанием Первой мировой войны и было вызвано желанием Великобритании закрепить за собой перспективный в нефтеносном плане Мосульский вилайет (админ. единица Османской Империи). Первое месторождение на территории компактного проживания курдов было открыто еще в 1927 г. в Киркуке. На тот момент оно стало одним из крупнейших в мире. В период с 1920-х до начала 1990-х гг. было исследовано несколько месторождений, но разработок на них не осуществлялось.

После войны в Персидском заливе 1990-1991 гг. Курдский регион Ирака фактически получил независимость в принятии внутренних решений. В 1994-1996 гг. для местных нужд велись небольшие разработки месторождения *Taq Taq*, открытого в 1978 г. [1, р. 13] в районе Эрбиля, Сулеймании и Киркука. Возможность работы международных компаний в регионе тормозилась из-за санкций со стороны ООН по отношению к Ираку. Курды, в свою очередь, не располагали финансовыми и техническими ресурсами для разработки залежей в своей области.

Существенные изменения начались после 2004 г., с приходом в КРИ начали внедряться различных нефтяных компаний, заинтересованных в этом перспективном регионе. Для регулирования взаимоотношений в данном секторе в 2006 г. Курдским региональным правительством создается Министерство природных ресурсов, аналогично федеральному министерству нефти в Багдаде. Появление подобного института, занявшегося стратегическим планированием, выдачей лицензий и управлением доходов, благоприятно сказалось на экономическом климате региона. С его участием, следуя известной геологической структуре, регион был разделен на разведочные блоки.

С принятием в 2007 г. Закона о нефти и газе была образована Курдистанская национальная нефтяная компании (КНОС), а вместе с ней - подразделения Курдистанской разведывательно-добывающей компании (КЕРСО) и Курдской нефтяной маркетинговой организации (КОМО) [2]. В сущности, вся работа по выдаче лицензий, регулированию и стратегии продолжает координироваться из министерства природных ресурсов. В дополнение к существовавшим в Ираке двум федеральным нефтяным компаниям (Северной и Южной), задействованным в отрасли, появились субъекты представляющие интересы курдского правительства.

С этого периода начинается активное внедрение зарубежных нефтяных компаний в регион. Первой вошедшей в КРИ была турецкая *Genel*, специально созданная для работы в регионе и подписавшая в 2002 г. контракт о разделе продукции на месторождении *Taq Taq* [3]. Произошло это еще до ввода американского контингента и свержения Саддама Хусейна. С той поры интерес к региону, на территории которого не проводилось геологоразведочных работ на протяжении нескольких десятилетий, со стороны международных нефтяных компаний неуклонно возрастал.

Следом за *Genel* в 2004 г. контракт с КРИ подписывает норвежская *DNO*. В 2006 г. она открывает месторождение *Tawke* на северо-западе Иракского Курдистана в вилайете Дохук близ границы с Турцией и в 2007 г. вводит его в эксплуатацию, начав с 2009 г. экспорт автоцистернами [4]. В последующие годы в отрасль войдет еще ряд иностранных компаний, принявших на себя значительные политические риски в отсутствие официальных соглашений между Багдадом и Эрбилем.

Принятие Закона о нефти и газе в КРИ в дальнейшем способствовало проведению успешной инвестиционной политики и привлечению крупных нефтяных компаний. Прямым творцом независимого курдско-

го углеводородного сектора признается Ашти Хаврами, занявший пост министра природных ресурсов с момента создания этого учреждения [5].

После подписания контракта на шесть разведочных блоков в ноябре 2011 г., *Exxon Mobile* стала первой компанией, получившей лицензии на разведку и добычу как в Ираке (Западная Курна-1), так и в КРИ. Стоит отметить, что часть взятых блоков находилась на спорных территориях. В 2012 г. к добыче в регионе присоединились такие крупные ТНК, как *Total*, *Chevron*, Газпром и государственная компания ОАЭ *TAQA*. Таким образом, к концу 2012 г. почти все блоки КРИ, кроме труднодоступных горных областей с меньшей перспективностью, были заняты.

Успешным открытиям месторождений способствовало быстрое лицензирование и профессиональный уровень исследований. До 2005 г. было пробурено 20 разведывательных скважин, а с 2005 по 2015 еще 140, этот период сопровождается достаточно высоким показателем коммерческого соотношения успеха в 55-60%, в последующие годы значительно снизившись [6, р. 28]. Багдад не признает сделки, заключенные с Эрбилем, но остановить разработку и добычу не может.

ЗАПАСЫ И ЭКСПОРТ

Ирак - один из мировых лидеров по запасу и экспорту нефти, второй производитель в ОПЕК после Саудовской Аравии и 5-й по запасам в мире (149 млрд барр.). Экономика Ирака сильно зависит от углеводородного сектора, государственный бюджет на 90% формируется от продаж нефти. Ее добыча в Ираке выросла до 4,6 млн барр. в день в 2019 г., показав самый высокий результат прироста среди стран-экспортеров нефти по сравнению с предыдущим годом [7, pp. 28-29].

Показатели общих запасов нефти в КРИ значительно отличаются в различных источниках публикации. На сайте Министерства природных ресурсов Курдистана дана информация о 45 млрд барр. предполагаемых запасов нефти в регионе [8]. Вероятнее всего, она основана на оценочных данных разведки Геологической службы США от 2000 г. о нефтяных месторождениях, находящихся в горной системе Загрос на северо-востоке Ирака. Большая часть которых приходится на территорию КРИ.

Международное энергетическое агентство (IEA) в 2016 г. приводит данные о наличии 4 млрд барр. доказанных запасов нефти, а в 2019 г., ссылаясь на независимую исследовательскую компанию *Rystad Energy*, уже только 3 млрд барр. нефти [9]. Снижение показателей, возможно, связано с потерей в конце 2017 г. контроля над Киркуком. Из отчетов добывающих компаний и открытых источников, доказанные запасы нефти можно оценить в 8,1 млрд барр., а обнаруженные условные ресурсы - в 6,7 млрд барр., что в сумме составляет 12,8 млрд барр. [6, р. 30]. В зависимости от дополнительных исследований и пересмотров объемов добычи, может происходить как рост, так и списание оценочных запасов. Производственный потенциал КРИ сравним с такими странами экспортёрами, как Азербайджан (7 млрд барр.), Оман (5,4), Египет (3,3), Йемен (3), Сирия (2,5 млрд барр.) [10, р. 14].

Главным потребителем иракской нефти в последние годы выступает азиатский рынок. Крупнейшие импортёры - Китай и Индия, на них приходится 54% поставок произведенного углеводорода Ирака [9]. Из портов Персидского залива нефть поставляется в эти страны напрямую через Аравийское море и Индийский океан. В свою очередь, основными покупателями нефти из КРИ являются европейские государства, транспортирующие ее из Средиземноморского турецкого порта Джейхан, куда нефть поступает по трубопроводу, тянущемуся вдоль южной границы Турции.

Израиль одним из первых начал регулярно приобретать курдскую нефть из Джейхана с лета 2014 г., когда трубопровод был запущен [11]. В отсутствие дипломатических отношений между Израилем и Ираком, последний не в состоянии организовать судебных разбирательств по отношению к Израилю, поэтому для усложнения осуществления торговли, подал иски на судоходные компании [12]. Помимо этого, Багдад обратил в суд на Анкару в Международную торговую палату о невыполнение условий транспортировки между двумя государствами по Турецко-Иракскому договору от 1973 г., где учтено, что одной из сторон соглашения является Министерство нефти Республики Ирак.

Несмотря на закрытие Ираком международного авиасообщения с городами КРИ в конце 2017 г. и перекрытие Турцией и Ираном наземных пропускных пунктов, европейские клиенты продолжали транспортировать недорогую курдскую нефть. В октябре 2017 г. Греция ежедневно импортировала 148,3 тыс. барр.; Израиль 33,2; Испания 32,4; Хорватия 32,1; ОАЭ 32,6 (вероятно, для хранения в Фуджейре и реэкспорт); Польша 27,8; Кипр 22; Италия 17,1 тыс. барр. [6, р. 30]. А общий объем экспорта составил 345,5 тыс. барр. в день. Ноябрьский экспорт снизился до 269 тыс. барр. в сутки. Декабрьский остался на этом же уровне. Годом ранее КРИ прокачивало 588 тыс. барр. (или седьмую часть экспорта Ирака) и намеревалось увеличить объемы [13]. Невзирая на трансграничные ограничения со стороны Турции, она не перекрыла поставки нефти через свою территорию.

Федеральная конституция Ирака в полном объеме не раскрывает точных правил транспортировки ресурсов отдельными регионами, а затянутое принятие федерального закона о нефти позволило курдам закрепить эти возможности в собственном законодательстве. Постройка и запуск независимого трубопровода на территории КРИ в 2014 г. упростили доставку сырой нефти на экспортный рынок через Турцию в обход центрального правительства и открыли возможность для независимой экономической политики региона.

КИРКУК - ЗАВЕТНЫЙ «ГРААЛЬ МЕЖДУРЕЧЬЯ»

Киркук - один из старейших и наиболее важных нефтеносных районов Ирака. На протяжении второй половины XX в. большая часть нефти страны поступала именно отсюда. В 1970-1980-х гг. на него приходилось 2/3 добываемой нефти [14]. Долгие годы Киркук был краеугольным камнем противостояния курдов и арабов. Во время нахождения у власти Саддама Хусейна в город, преимущественно населенный курдами, переселяли арабов, с целью изменения этнодемографической картины вилайета.

С принятием конституции Ирака в 2005 г. и закреплением курдской автономии в ее тогдашних границах, будущее вилайета Киркука должно было решиться на референдуме, запланированном на 2007 г., но в итоге так и не состоявшемся. Киркук оставался под контролем Багдада до 2014 г., когда в ходе наступления ИГ иракские войска отступили из города, а на их место пришли отряды пешмерга (курдская регулярная армия). Под управлением курдов произошло наращивание добычи и в 2016 г. месторождения Киркука приносили уже половину доходов Курдского регионального правительства.

Проведенный в 2017 г. референдум о независимости КРИ был воспринят Багдадом как стремление к нарушению территориальной целостности Ирака и к возможному отделению курдского региона из состава государства, что послужило толчком для начала военной операции по возвращению Киркука. В октябре 2017 г. вооруженные силы Ирака совместно с шиитской милицией, поддерживаемые проиранскими силами, заняли район Киркука и его нефтеносные месторождения. КРИ потерял доступ к его ресурсам. По оценкам, добыча снизилась с 790 тыс. до 350 тыс. барр. в сутки [15]. Правительство КРИ перестало публиковать отчеты годом ранее - тогда, в ноябре 2016 г., экспорт, по их данным, был на уровне 588 тыс. барр., еще 64 тыс. использовалось для местных нужд, и, таким образом, общие объемы добычи доходили до 652 тыс. барр. в сутки [13].

Ключевым вопросом в этой ситуации было будущее купола Хурмала - северной части геологического строения нефтяного бассейна Киркука. Судя по данным открытых источников, оно представляет собой наиболее крупное месторождение, оставшееся под управлением курдов, при этом в непосредственной близости от мест столкновения с иракскими войсками. Хурмала используется как одна из точек давления Багдада на курдов. Именно с этого месторождения начинается новый трубопровод Киркук-Джейхан проложенный по территории КРИ к турецкой границе. И в настоящее время являющейся единственной нефте-транспортной сетью связывающей Ирак и Турцию, ввиду разрушения первого нефтепровода Киркук-Джейхан проложенного при режиме Баас через территории северо-востока Ирака и район Мосула, где с 2014 по 2017 гг. находились боевики ИГИЛ.

Помимо угрозы прямого захвата, иракская сторона применяет в действие правовую подоснову, используя решения судов или федерального парламента. Так, Совет представителей Ирака в начале 2018 г. проголосовал за вывод Хурмалы из-под управления курдской компании *KAR Group* обратно к иракской государственной Северной нефтяной компании. В дополнение к этому, парламент поручил Центральному банку Ирака отследить финансовые средства, приходящие от экспорта нефти из КРИ, и составить отчет с наименованиями банков за пределами Ирака, где они хранятся [16]. Весной 2019 г. Северная нефтяная компания подала иск с требованием реализации решения парламента [17]. В свою очередь, курды заявляют, что Хурмала находится в пределах официальных границ КРИ.

KAR Group контролировала киркукские месторождения с 2014 г., после вывода вооруженных сил Ирака. Управление над Хурмалой ей было передано ранее, в 2009 г. В то время, практически бездействовавшее месторождение было введено в эксплуатацию, и первая добытая нефть направилась на перерабатывающий завод вблизи Эрбиля [18]. Из месторождения Хурмала в 2017 г. извлекалось 115 тыс. барр. в сутки, что было сравнимо с добычей на месторождении *Tawke* близ границы с Турцией в 110 тыс. барр. в сутки [15]. Остальные месторождения вне спорных территорий Киркука давали значительно меньшие показатели производств. В результате потерь ключевых резервуаров Киркука (*Avana Dome, Bai Hassan, Jambur, Khabbaz*), в СМИ публикуются сведения о значительном наращивании объемов в 2019 г. на куполе Хурмала - до 200 тыс. барр. ежедневно. Общий подъем производства в КРИ, как полагают, дошел до 450 тыс. - 500 тыс. барр. в сутки [19].

Киркук можно сравнить с «Граалем междуручья» наполненным нефтью, выступающий одновременно причиной противоречий и местом примирения, борьба за обладание которым продолжается последние десятилетия, он то переходит к одной стороне, то к другой. Наступление иракских сил осенью 2017 г. шло по всей линии соприкосновения с курдами, но наиболее значимые потери - именно районы Киркука, ввиду их огромного ресурсного потенциала. Контроль над Хурмалой, приносящей почти половину нынешних доходов КРИ и конечной частью линии курдской нефтепроводной сети у северной границы, ведущей в турецкий город Фешхабур - важнейшие территориально-стратегические опоры самостоятельной экономической политики КРИ.

Видимо, в настоящее время, стороны предпочитают разделить сферы влияния в районе Киркука: Хурмала остается у курдов, южные месторождения под контролем иракских сил. Нахождение Киркука в составе КРИ на протяжении этих лет переориентировало основную повестку к этим районам, отдалив от других менее существенных месторождений на спорных территориях и от нерешенных вопросов по контрактам международных нефтяных компаний, задействованных в регионе.

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ И КОМПАНИИ

Месторождения в КРИ можно разделить на разведанные, где уже ведется активная добыча, и перспективные, где продолжается разведка, а их, в свою очередь, на преимущественно нефтяные и преимущественно газовые. В регионе задействовано несколько десятков международных нефтегазовых игроков.

Как видно из *таблицы*, на такие компании, как *Genel Energy* (Турция/Британия), *DNO* (Норвегия), *Gulf Keystone petroleum* (Британия), *TAQA* (ОАЭ), *Shamara* (Канада), Газпром (Россия), *HKN* (США) приходится большая часть нефтедобычи в КРИ. Практически в каждой выданной лицензии присутствует участие КРП с 20-25%-ной долей. В отличие от большинства резервуаров, на ведущем месторождении Хурмала, приносящем большую часть нефти в КРИ, полное обслуживание осуществляет курдская частная компания *KAR Group*.

Таблица. Нефтедобывающие компании в КРИ
Table. Oil producing companies in KRI

Месторождение	Компании и их доли	Добыча нефти за сутки в барр. (на конец 2019 г.)
<i>Khurmala (Куркук)</i>	<i>KAR OIL & Gas 100%</i>	180000
<i>Tawke с Peshabir</i>	<i>DNO 75%, Genel Energy 25%</i>	150000
<i>Shaikan</i>	<i>Gulf Keystone petroleum 75%, Texas Keystone 5%, MOL (20%)</i>	55000
<i>Atrush</i>	<i>TAQA 47.4%, Shamara 27.6%, KRI 25%</i>	50000
<i>Sarqala</i>	<i>WesternZagros 40%, Gazprom Neft 40%, KRI 20%</i>	35000
<i>Khor Mor</i>	<i>Pearl Petroleum 100% (Dana Gas 35%, Crescent 35%, OMV 10%, MOL 10%, Rwest 10%)</i>	20000
<i>Sarsang (Swara Tika)</i>	<i>HKN 62%, KRG 20%, Total 18%</i>	20000
<i>Taq Taq</i>	<i>TTPCO 100% (Genel 45%, Addax 55%)</i>	18000
<i>Demir Dagh</i>	<i>Oryx Petroleum</i>	10000
<i>Simirt</i>	<i>Hunt Oil</i>	6000

Составлена автором по отчетам и данным компаний.

Наиболее перспективными, недавно открытыми месторождениями являются *Shaikan* и *Atrush*, их доли в общем объеме добычи в КРИ значительно выросли за последние годы. К 2019 г. их связали собственными трубопроводами с основной экспортной линией в Турцию. Блок *Atrush* введен в эксплуатацию в 2017 г., *Shaikan* в 2013 г.; оба месторождения обладают значительным потенциалом роста. В ближайшие годы на них планируется увеличение добычи до 100 тыс. барр. нефти в сутки посредством поэтапных инвестиционных программ. По данным компаний и отчетам, общие показатели добычи к концу 2019 г. в КРИ приблизились к 544 тыс. барр. в сутки.

Помимо нефти, в регионе присутствуют значительные залежи природного газа. *Pearl Petroleum*, консорциум из 5 международных компаний и крупнейший частный газовый инвестор, задействованный в КРИ, владеет месторождениями *Chemchemical* и *Khor Mor* с запасами в несколько трлн куб. футов. На последнем производится большая часть газа, обеспечивающая регион [20]. Подписано соглашение с КРП о дополнительных продажах газа и расширении производства на *Khor Mor* с нынешних 400 млн куб. футов в сутки до 650 - к 2022 г. и 900 млн куб. футов - к 2023 г. [21, р. 9]. В то же время, на протяжении двух лет продолжаются переговоры между *Genel* и КРП о начале работ на перспективных месторождениях газа *Bina Bawi* и *Miran* [22]. Ввод *Bina Bawi* имеет первоочередную позицию. Газ может быть использован как для удовлетворения внутреннего спроса, так и для отправки на внешние рынки.

В 2013 г. было заключено соглашение о поставках газа в Турцию [23]. Для этого необходимо построить дополнительные газовые коммуникационные ветки к турецкой границе. После передачи в 2017 г. основной доли в 60% от *KAR Group* в экспортном нефтепроводе региона Роснефти, российская компания решила реализовать этот инфраструктурный проект газовой сети в 30 млрд куб. м в год [24]. Роснефть внесла значительные инвестиции для занятия ключевой роли в секторе добычи и транспортировки углеводорода в КРИ и продолжает разведку на ряде блоков. Природный газ в будущем может быть направлен и на потребителей внутри Ирака подверженным перебоям в поставках электроэнергии.

Турция в настоящее время выступает единственным практическим путем выхода газа КРИ в Европу и на международный рынок. Иран обеспечивается собственным газом, а транспортировка через Сирию до урегулирования обстановки в этом государстве невозможна. Промедления со стороны курдов и отсутствие экономической стабильности, может подрывать уверенность Турции относительно того, будет ли КРП надежным поставщиком. В условиях полной зависимости газового рынка страны от импорта Турция стремится диверсифицировать поставки.

Если в марте 2019 г. Россия занимала 1-е место по экспорту газа в Турцию с 33%, то в начале 2020 г. эта доля снизилась до 10%, а ее лидирующее положение занял Азербайджан, чьи поставки возросли до 22% благодаря открытию Трансанатолийского трубопровода. Следом расположился Иран с 14%. Значительно возрос объем закупок Турцией сжиженного природного газа из Катара - до 20%, Алжира до 14% и США до 9%, впервые в истории превысив в сумме трубопроводные поставки [25].

В случае своевременных выплат задолженностей Курдского регионального правительства (КРП) перед компаниями, задействованными в разработках ожидается поступательное увеличение добычи и экспорта углеводородов. Планировавшееся расширение максимальной пропускной способности нового трубопровода Киркук-Джейхан с 700 тыс. барр. нефти до 1 млн произошло в ноябре 2019 г. при участии Роснефти. Строительство современных и расширение имеющихся нефтеперерабатывающих заводов предоставит рабочие места, обеспечит внутренний спрос на собственный бензин и дизельное топливо. Эти преобразования могут быть замедлены в условиях экономического кризиса и падения цен на нефть

Растущие потребности в газе будут покрыты за счет ввода новых месторождений и увеличения добычи на имеющихся. Развитие газовой отрасли может выступить начальным драйвером в анонсированных КРП реформах по диверсификации и модернизации экономики. Включение Роснефти свидетельствует об увеличивающейся роли газа в будущей углеводородной политике региона

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Багдад с Эрбилем долгие годы пытается договориться о бюджетных выплатах взамен на переводы от экспорта нефти, но, прийти к долгосрочному результату так и не удается. Обе стороны обвиняют друг друга в невыполнениях условий сделок, отсутствии отчислений или ограниченных выплатах. Федеральный центр пытается удержать финансовые движения и нефтяные потоки под своим надзором, но курды этому сопротивляются. После постройки нового нефтепровода рычаги давления со стороны Ирака ослабли.

Проект бюджета Ирака в условиях постоянно меняющихся реалий регулярно пересматривался. Ранее, в начале 2014 г., КРП обязано было переводить Багдаду 400 тыс. барр. в сутки взамен на 17%-ное субсидирование от общего бюджета Ирака [26]. После перехода управления районов Киркука и его месторождений в июне 2014 г. стороны пришли к соглашению о переводе курдами 550 тыс. барр. правительству Ирака, в обмен на 17%-ную долю в бюджете на финансирование пешмерга и чиновников [27]. Эти договоренности также оказались недолговечными. В условиях начала независимого экспорта нефти курдами в обход Багдада Ирак снизил отчисления до 12,6%.

На протяжении последних лет после возвращения южных месторождений под контроль Багдада, с начала 2018 г., стороны пытаются прийти к соглашению по бюджетному вопросу на условиях отчисления КРИ 250 тыс. барр. нефти. В соответствии с законом о бюджете 2019 г., Ирак переводил финансирование на оплату заработных плат госслужащим. Курдское правительство, в свою очередь, произвело часть выплат, а остальные средства направило на погашение задолженностей перед нефтяными компаниями, этим же мотивируя отсутствие отчислений по договору с Багдадом.

Продажи нефти через Ирак обходятся на несколько долларов дороже за баррель, и в то же время КРП может продолжать поставлять оставшуюся добываемую нефть на экспорт и использовать извлекаемую прибыль. Задолженности перед компаниями до 20 млрд барр. значительно осложняет положение КРИ [28]. В апреле 2020 г. Ирак заявил о сокращении отчислений по причине нарастающего экономического кризиса и отсутствия переводов от КРП по соглашению от конца 2019 г., продлившего положение предыдущего договора [29].

По причине невозможности транспортировки нефти через Сирию, турецкий путь еще долгое время будет единственным вариантом доставки углеводородных ресурсов на европейский рынок.

Ввиду недееспособности старого нефтепровода Киркук-Джейхан (на территории федерального Ирака) разрушенного ИГИЛ Багдаду придется либо восстанавливать этот отрезок, где до сих пор существует опасность террористических актов, либо договариваться с курдами о возможности поставки нефти из южных месторождений Киркука по новому трубопроводу через их области, как это происходило ранее, когда они находились под управлением КРИ.

В условиях нарастающего финансового кризиса и перспектив постройки параллельной газовой сети уже существующей нефтяной, второй вариант экономически целесообразен для обеих сторон, но политически менее выгоден для Багдада.

REFERENCES

1. Schofield P, Taq Taq Field, Genel Energy International Ltd. Competent Person's Report as of February 28, 2017. <https://genelenergy.com/media/2039/genel-energy-cpr-report-taq-taq-field-feb-2017-final.pdf> (accessed 14.01.2020)
2. Oil and Gas Law, 2007. Oil and Gas law of the Kurdistan region-Iraq, No. 28, 2007. <http://previous.cabinet.gov.krd/page.aspx?L=12&s=000000&r=418&p=333&h=1&t=0> (accessed 27.01.2020)
3. Genel Energy. History. <https://www.genelenergy.com/about-us/history/> (accessed 25.04.2020).
4. DNO ASA. What we do. <https://www.dno.no/en/about-dno/campaign-stories/staying-ahead/> (accessed 15.04.2020)

5. Ashti Hawrami to serve as top energy official in the new KRG cabinet. Rudaw. <https://www.rudaw.net/english/business/15072019> (accessed 28.01.2020)
6. Mils Robin. A Rocky Road: Kurdish Oil & Independence. Baghdad: Iraq Oil Energy Institute 2018.
7. Annual Report 2019 OPEC. https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/AR%202019%20for%20web.pdf (accessed 17.05.2020)
8. Kurdistan Regional Government. Ministry of Natural Resources. <http://mnr.krg.org/index.php/en/oil> (accessed 10.05.2020)
9. Energy Information Administration, Country Analysis Brief, Iraq. April 28 2016; Energy Information Administration, Country Analysis Brief, Iraq. January 7 2019.
10. All reserves figures from BP Statistical Review of World Energy (2019), and include crude oil and other petroleum liquids. <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (accessed 19.05.2020)
11. Payne J. Israel accepts first delivery of disputed Kurdish pipeline oil. *Reuters*. 20.06.2014. <https://www.reuters.com/article/us-israel-iraq/israel-accepts-first-delivery-of-disputed-kurdish-pipeline-oil-idUSKBN0EV0X620140620> (accessed 17.05.2020)
12. Zhdannikov D. Exclusive: How Kurdistan bypassed Baghdad and sold oil on global markets. *Reuters*. 17.10.2015. <https://www.reuters.com/article/us-iraq-kurdistan-oil/exclusive-how-kurdistan-bypassed-baghdad-and-sold-oil-on-global-markets-idUSKCN0T61HH20151117> (accessed 10.05.2020)
13. Monthly Export Reports. KRG. November 2016. http://mnr.krg.org/images/monthlyreports/EXPORTs/MNR_November_2016_Export_Report.pdf (accessed 11.04.2020)
14. Mosaki, N.Z. 2005. Kurdistan: resources and politics. Part 2. 342 p. Moscow. (In Russ.)
15. Oil losses could bankrupt the Iraqi Kurds. *Oxford Analytica*. 31.10.2017. <https://dailybrief.oxan.com/Analysis/DB225469/Oil-losses-could-bankrupt-the-Iraqi-Kurds> (accessed 03.02.2020)
16. Rasheed Ah. Iraq bans Kurdish firm Kar Group from operating Kirkuk oilfields. *Reuters*. 8.01.2018. <https://www.reuters.com/article/mideast-crisis-iraq-kurd/update-1-iraq-bans-kurdish-firm-kar-group-from-operating-kirkuk-oilfields-idUSL8N1P31PS> (accessed 14.03.2020)
17. Iraq's North Oil Co. sues to take Khurmala back from KRG. Iraq Oil Report, 29.05.2019. <https://www.iraqoilreport.com/news/iraqs-north-oil-co-sues-to-take-khurmala-back-from-krg-41268/> (accessed 11.04.2020)
18. Husari R. Pumping Up Khurmala. Iraq Oil Forum. 11.08.2010. <https://www.iraqoilforum.com/?p=1994> (accessed 15.04.2020)
19. Dunkley C. KRG keeps registering growth. *Petroleum Economist*. 8.11.2019. <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/middle-east/2019/krg-keeps-registering-growth> (accessed 11.04.2020)
20. Khor Mor Gas Field Expansion, Kurdistan Region, Iraq. *Hydrocarbons Technology*. <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/khor-mor-gas-field-expansion/> (accessed 25.05.2020)
21. FY 2019-Financial Results. Dana Gas. 12.02.2020. <https://www.danagas.com/wp-content/uploads/2020/02/20200211-FY19-Investor-Presentation-Final.pdf> (accessed 27.05.2020)
22. Audited results for the year ended 31 December 2019. Genel Energy plc. 19.03.2020. <https://www.genelenergy.com/media/2378/genel-energy-fy-2019-results-final.pdf> (accessed 28.03.2020)
23. Bina Bawi Oil and Gas Field. *Hydrocarbons Technology*. <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/bina-bawi-oil-gas-field> (accessed 25.05.2020)
24. Rosneft and the Government of Kurdistan signed an agreement on the development of gas business in the Kurdish region of the Republic of Iraq. Rosneft. 25.03.2018. (In Russ.). <https://www.rosneft.ru/press/releases/item/191053/> (accessed 19.02.2020)
25. Azerbaijan and three other countries bypassed Russia in gas supplies to Turkey. *RBC*. 31.05.2020. (In Russ.). <https://www.rbc.ru/business/31/05/2020/5ed3f17f9a794765cbbcf2a8> (accessed 31.05.2020)
26. Knights Michael. Baghdad-KRG Negotiations: Closer Than Ever to a Fair Deal. The Washington Institute. 14.02.2014. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/baghdad-krg-negotiations-closer-than-ever-to-a-fair-deal> (accessed 03.02.2020)
27. Mushreq Abbas. Oil deal a sign of hope between Baghdad, Erbil. *Al-Monitor*. 05.12.2014. <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/12/iraq-kurdistan-oil-agreement-relations.html#> (accessed 07.02.2020)
28. Bilal Wahab. Corruption Remains the Second Insurgency of Iraq. Washington Institute. 2.02.2018. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/corruption-remains-the-second-insurgency-of-iraq> (accessed 21.03.2020)
29. Dana Taib Menmy. Iraq cuts federal budget from KRG, Kurds defy it as political. 05.05.2020. <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/05/iraq-kurdistan-budget-economy.html> (accessed 19.05.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чубуков Максим Юрьевич, аспирант Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maxim Y. Chubukov, Post-graduate student, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
14.11.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
10.01.2021

DOI: 10.31857/S032150750013962-0

Оригинальная статья / Original article

Культ даба как основная религия народа мосо в КНР

© Попова А.В.^а, П. Немова П.Н.^б, 2021

^{а,б} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

^а ORCID ID: 0000-0002-4601-0613. popovaav@mgpu.ru

^б ORCID ID: 0000-0001-8405-154X. nemovapn@mgpu.ru

Резюме. В статье дается краткая характеристика народа мосо, проживающего на юге Китая, в провинциях Юньнань и Сычуань, а также положение этой этнической группы в современном Китае. Основное внимание в исследовании уделяется их религии - шаманизму Даба, оказавшему влияние на все сферы жизни и культуры мосо. Даба - один из символов этого меньшинства, она по сей день способствует формированию их самобытности и культурного наследия. По мнению некоторых китайских исследователей, даба - примитивная религия, возникшая еще до нашей эры. Анализ научных и этнографических материалов убедительно доказывает, что даба отражает мировоззрение народа мосо, содержит их систему ценностей. В процессе развития из-за непосредственной близости Юньнана к Тибету, верования мосо вобрала в себя элементы тибетского буддизма. Однако даба как религия не перестала существовать, вместо этого она объединилась с буддизмом, чтобы служить народу мосо. В работе описываются духи и божества, которым поклоняются мосо, их место в религии даба и ее значение для жизни людей. Также рассказывается о посредниках между людьми и богами - шаманах даба, о ритуалах, которые они проводят, и об используемых ими ритуальных атрибутах. Несмотря на внешние факторы, религия даба по сей день сохраняет свою самобытность. На протяжении веков она служила объединению мосо, которые, в свою очередь, через каноны постоянно передают историю и культуру своим потомкам. Шаманизм даба имеет огромное влияние на мировоззрение и религиозные взгляды народа мосо, является уникальным примером древней религии и культурной ценностью Китая.

Ключевые слова: Китай, Юньнань, мосо, шаманизм, даба, национальные меньшинства

Для цитирования: Попова А.В., Немова П.Н. Культ даба как основная религия народа мосо в КНР. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 64-69. DOI: 10.31857/S032150750013962-0

The cult of Daba as the main religion of the Mosuo people in China

© Anastasiya V. Popova^а, Polina N. Nemova^б, 2021

^{а,б} Moscow City University, Moscow, Russia

^а ORCID ID: 0000-0002-4601-0613. popovaav@mgpu.ru

^б ORCID ID: 0000-0001-8405-154X. nemovapn@mgpu.ru

Abstract. The article presents a brief description of the Mosuo minority, living in southern China, in Yunnan and Sichuan provinces, and the position of the ethnic group in modern China. The research mainly focuses on their religion, Daba shamanism, which influenced all spheres of life and culture of the Mosuo.

Daba is one of the symbols of the Mosuo people, which to this day contributes to the formation of their identity and cultural heritage. According to some Chinese researchers, Daba is a primitive religion and originated before our era. It reflects the worldview this Mosuo minority and contains their value system. Over time, due to the close proximity of Yunnan province to the Tibetan Autonomous Region, the Mosuo beliefs have absorbed elements of Tibetan Buddhism. However, Daba, as a religion, did not cease to exist, instead, it united with buddhism to serve the Mosuo people.

The article describes what spirits and deities are worshiped by the Mosuo, their place in the Daba religion and significance for people's lives. It also tells us about the intermediaries between people and gods - shamans Daba, the rituals they perform and the ritual attributes they use. The Mosuo religion is unique, because it has not only survived to this day, but also has a great influence on the habits and customs of the Mosuo people. Despite external factors, the religion of Daba remains distinctive to this day. For centuries, it has served to unite the Mosuo, which, in turn, through the **canons**, continuously pass on their history and culture to their descendants. Consequently, Daba shamanism has a tremendous influence on the worldview and religious views of the Mosuo people. Thereby, Daba is undoubtedly a unique example of the ancient religion and a cultural value of China.

Keywords: China, Yunnan, Mosuo, shamanism, Daba, national minorities

For citation: Popova A.V., Nemova P.N. The cult of Daba as the main religion of the Mosuo people in China. *Aziya i Afrikja segpdnya*. 2021. № 2. Pp. 64-69. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013962-0

ВВЕДЕНИЕ

Китайская Народная Республика - многонациональная страна, где проживает 56 официально признанных национальностей. Основные критерии выделения этих национальностей - уникальность истории и культуры, психологические особенности, язык. Несмотря на то, что на протяжении многотысячелетней истории в Китае сформировались 3 основных религиозных течения - конфуцианство, даосизм и буддизм, малые народы Китая исповедуют и свои культы и верования, основанные на шаманизме.

В силу небольшого числа своих последователей такие культы не часто попадают под пристальное внимание ученых. В российской научной литературе ощущается явный дефицит информации о шаманизме в Китае. В предлагаемой статье мы попытаемся кратко осветить шаманизм *даба* - синкретическую религию, которую исповедует народ *мосо*, проживающий на границе провинций Юньнань и Сычуань (см. *карту*). Обладая своими уникальными чертами, шаманизм *даба* представляет собой интересный и, главное, актуальный объект для изучения.

На сегодняшний день памятники древних религий, безусловно, являются национальной ценностью Китая. Поскольку провинция Юньнань граничит с Вьетнамом, Мьянмой, Лаосом и Тибетом, культура местных народов подверглась влиянию извне. Однако благодаря тому, что район проживания *мосо* - это труднодоступная гористая местность, религия *даба* и по сей день остается образцом примитивной первобытной религии, содержащей систему ценностей и культурное наследие этого народа.

Авторы полагают, что именно религия народа мосо - ключевой фактор в развитии их уникальной культуры.

Карта. Провинции Юньнань и Сычуань на карте Китая.

Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:China_Yunnan.svg (accessed 20.12.2020)

Map. Yunnan and Sichuan provinces on the map of China.

НАРОД МОСО: ИСТОРИЯ И МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Мосо (摩梭族 - народность мосо; самоназвания: 纳 - на, 纳日 - нажи, 恒 - хэн, 玛沙 - маша) - малочисленный народ, который, по официальным данным, входит в состав народности *наси*, (одной из 56 в КНР). Согласно последней Всекитайской переписи населения 2010 г., численность *наси* насчитывает 326 тыс. человек [1], а *мосо* (на 2004 г.) - чуть более 40 тыс. [2, р. 40].

Древние мосо - потомки кочевого прото-цзянского народа, которые именовали себя «люди Маоню / люди яков» (牦牛羌 или 旄牛夷), т.к. основным видом хозяйственной деятельности у них было разведение яков. Этой версии придерживается китайский исследователь Ламу Гатуса. в статье «Народ мосо - не потомки монголов династии Юань», в которой он опровергает высказанную ранее китайскими историками Ван Дэсяном и Ло Жэньгуем версию о том, что люди мосо произошли от монголов.

Первое упоминание об этом народе встречается в исторической хронике «Хоу Ханьшу» («История Поздней Хань»), которая описывает период с 25 по 200 гг. н.э. Можно сделать вывод о том, что мосо как народность, возможно, начала формироваться ещё за несколько столетий до первого упоминания в письменных источниках [3].

У мосо есть свой родной древний язык, но он не подкреплён письменностью. Однако существует и современный язык - восточный диалект языка наси - *юннин на* [4, р. 3]. Мосо также знают тибетский язык и говорят на путунхуа¹.

Наиболее известным местом проживания мосо является прибрежная территория озера Лугу, которое находится на границе Нинлан-Ийского автономного уезда провинции Юньнань и уезда Яньюань провинции Сычуань.

Люди мосо до сих пор остаются непризнанной национальностью. Они определяют себя как самобытный народ, при этом были включены в состав национальности наси. Стеван Харрел в своей монографии, посвященной национальным меньшинствам юго-запада Китая, приводит следующие слова представителя народа мосо: «Мы - мосо. Мы были отлучены от древней истории и совершенно отличаемся от наси. <...> Но из-за ошибок, которые были допущены при процессе этнической идентификации в 1950-х годах, нас ошибочно объединили» (цит. по [5, р. 218]).

На протяжении многих лет представители этого народа пытались добиться окончательного решения вопроса о восстановлении исторического этнонима. Тем не менее, они так и не получили одобрения на получение официального этнического названия.

Ученые признают - число этнических групп в Китае со временем может возрасти, и что в будущем этнические границы могут сдвигаться, а названия национальных меньшинств - изменяться [6, р. 44], следовательно, мосо обладают потенциальной возможностью добиться идентификации в качестве отдельной нации в составе КНР. К примеру, Народное собрание провинции Юньнань в 1986 г. согласилось называть людей *на*, проживающих в районе Юннин, людьми мосо, но не этнической группой мосо [7, р. 375].

И хотя на сегодняшний день проблема этнической идентичности единственного в Китае матрилинейного общества так и не решена, однако этот факт не умаляет уникальности и самобытности культуры народа мосо. Важной составляющей их культуры являются религиозные верования, а конкретно - религия *даба*. Она - один из символов культуры народа мосо, который по сей день способствует сохранению их единства и служит многовековой связью между поколениями.

ДАБА - ТРАДИЦИОННАЯ РЕЛИГИЯ НАРОДА МОСО

Даба - это синкретическая религия народа мосо, основой которой послужил анимизм (вера в то, что всему присуща душа). С течением времени она обрела и черты шаманизма.

Само название религии - даба - произошло от сочетания двух иероглифов: «*да*» (纳) - означает «резать, рубить», «*ба*» (纳) - «след, оставленный на дереве после того, как его срубили». В сочетании название приобретает следующий смысл: «учение даба как инструмент для рубки деревьев, каждый его взмах оставляет на дереве след. Зарубка за зарубкой, сүтра (песнопение), прочитанная за сүтрой, и небо, земля, горы, воды и предки призрят человека, а демоны и злые духи один за другим будут отсечены от человека». Мудрец, который может просить богов благословлять и охранять людей, распутать сети демонов, которые те расставляют для живущих людей, и противостоять злу - это шаман-даба [8, р. 89].

В шаманизме-даба нет каких-либо систематизированных писаний, как и собственных религиозных организаций, монастырей. Существующий «Канон даба», или «Дабацзин» («大巴经»), насчитывал около 113 устных песнопений-сутр, но до нашего времени сохранилось лишь 67 [8, р. 90]. Случилось это из-за того, что каноны не записывались, а передавались из поколения в поколение посредством заучивания. В сутрах «Канона» описана система взглядов мосо на жизнь, которая отражает их мировоззрение, историю, нравы и привычки их предков.

Влияние религии даба на общественную, и, в особенности, на духовную жизнь народа очень значительно. «Невозможно обсуждать культуру мосо, не понимая учения даба», - говорил упоминавшийся выше Ламу Гатуса [9, р. 16]. Другой китайский ученый Ян Сюэчжэн, исследовавший район проживания мосо во

¹ Путунхуа - официальная стандартная норма китайского языка в КНР (прим. авт.).

второй половине XX в., в своей статье - «Сравнительное исследование религии даба и дунба» писал о том, что религия даба тесно связана с религией соседнего народа наси - дунба [10].

Для более глубоко понимания истоков религии даба рассмотрим ряд вопросов: во что верят последователи религии даба? Кому они поклоняются? Кто такие шаманы даба, чем они занимаются и какую роль сыграли в развитии религии даба?

ДУХИ БОЖЕСТВА ДАБА

Для первобытных предков мосо не было четкого представления о том, как зарождается жизнь, что происходит после смерти и о причинах буйств природных явлений [11]. Все это привело к формированию концепции духа и души - анимизму. Соответственно, появились такие аспекты веры мосо, как поклонение природе, душам предков, жертвоприношения, обряды при рождении, смерти и др.

Древние мосо, как и все первобытные люди, не могли понять непредсказуемость природы, поэтому воспринимали все очень абстрактно. В результате чего они начали почитать и поклоняться силам природы, создавать себе богов. Среди них были такие божества, как дух неба *Мугала*, дух ветра *Ханьгала*, дух гор *Жицзэгала*, дух воды *Чжигала*, дух земли *Дигала* и др. [11].

Главным же образом, древние мосо молились и приносили жертвы духам неба, земли, гор и воды, т.к. именно эти природные явления могли представлять для них наибольшую угрозу. Злые духи приносят людям бедствия и несчастья, а добрые ниспосылают избавление от них. Добрые духи - это и есть божества в представлении мосо.

В «Дабацзин» говорится, что после того, как Мулуабаду (прародитель даба, божество Ду) создал религию даба, появились три главных божества, а именно: Аижаньбала - покровитель семьи, Нилунунгала - покровитель скота, Цзижувала - покровитель урожая.

После появления этих трех богов возникли три группы богов, которые боролись с нечистой силой: упокаивавших, изгонявших и уничтожавших злых духов.

В связи с развитием мира и ростом стихийных бедствий, социальных проблем, «Дабацзин» описывает появление девять новых божеств, которые отвечали за: 1) победы и поражения; 2) проклятия и воздаяния по деяниям; 3) реки, озера и моря; 4) злых духов на небесах и под землей; 5) болезни пяти органов чувств; 6) злых духов загробного мира; 7) души людей; 8) добро и зло; 9) глупость и ум людей.

Если говорить о культе поклонения предкам, который встречается во многих ранних культурах, в частности, и у древних китайцев, то у мосо он также существует. Однако, в отличие от других культур, где объектом поклонения служат предки мужского пола, мосо поклоняются предкам женского пола. Или же ставят их в один ряд с предками мужского пола, что говорит об их равной значимости в уникальной культуре этого небольшого народа [8, р. 92].

Все упомянутые выше боги и злые духи - лишь малая часть того, во что верили мосо. Со временем знания об этих сущностях были утеряны или забыты. Однако, как пишет китайский исследователь Сун Даолин, известно, что у мосо был настолько богатый пантеон божеств, что, согласно древним сказаниям, они верили в «800 богов и 3000 злых духов» [12, р. 69]. Обладая таким количеством божеств, они должны были постоянно проводить различные церемонии, чтобы почтить их. Безусловно, для проведения церемоний нужны специально обученные люди - шаманы.

ШАМАНЫ ДАБА

Шаман даба выступает в роли посредника между добрыми божествами, людьми и нечистыми силами.

У мосо есть два вида шаманов: бича (比嗒 либо 毕嗒) и даба (达巴). Основные религиозные функции шаманов бича - приносить жертвы предкам, изгонять злых духов, болезни и напасти. Несмотря на это, шаманы бича имеют низкий статус, согласно которому им не дозволено возглавлять важные церемонии. У бича нет ритуальной одежды и инструментов, нет и канона. Однако есть собственный пантеон богов. Как раз на основе веры шаманов бича сформировалась религия даба.

Шаманы, которые просят богов о помощи в казни демонов и уничтожении их связи с живыми людьми, называются шаманами-даба [8, р. 89]. Обычно ими являются мужчины из простых, трудовых семей. Обладая знаниями об истории, культуре, географии, медицине своего народа, а также родословных основных племен и родов и путях их переселения, они не имеют специального костюма или жалования за свою работу. Китайский исследователь Ла Минцин называет их «непрофессиональными священниками-любителями» [13, р. 53].

Шаман-даба должен быть милосердным и сострадательным, не предаваться распитию алкогольных напитков в повседневной жизни, быть добросердечным, снисходительным к слабым людям. Что касается ри-

туальной составляющей, в каноне «Дабацзин» четко указано, что даба может проводить только ритуалы «земной жизни», т.е. служить живым. Ритуалами же «последующей жизни» занимались буддийские ламы.

Несмотря на такое четкое разделение обязанностей среди священнослужителей, в ходе своих исследований Ламу Гатуса обнаружил, что в реальной религиозной деятельности мосо некоторые церемонии могут быть проведены как шаманом даба, так и ламой. Исключением являются церемонии жертвоприношения предкам и похороны, их может осуществлять только даба [9, p. 17].

Фото 1. Шаман даба с религиозными атрибутами.

Источник: http://www.yncsp.cn/en/nd.jsp?id=29394#skeyword=摩梭&_np=0_35

Photo 1. Shaman daba with religious objects.

Фото 2. Флаг солнца и луны. Источник: [12, p. 67].
Photo 2. Flag of the sun and moon.

Как мы уже упоминали выше, шаманы даба - это простые люди, они ведут обычную жизнь, не носят ритуальных одежд. Однако для проведения ритуалов они облачаются в специально предназначенный праздничный костюм (см. *фото 1*). Одними из самых важных религиозных атрибутов, которые часто можно увидеть у шаманов даба, это - головной убор, который мосо называют *цзаэма* (扎俄马). Он состоит из пяти частей-лепестков и является аналогом короны Будды - пятилепестковый чодпан в ламаизме. Некоторые амулеты украшены бронзой, изображениями птиц и другими символами, являющимися древними религиозными реликвиями.

Неотъемлемым атрибутом культа даба также является флаг солнца и луны, который шаман-даба должен устанавливать поблизости во время проведения религиозных обрядов, занятий религиозной деятельностью. Этот флаг (см. *фото 2*) - один из важнейших символов даба, служит он для защиты от злых духов [12, p. 68].

Даба - несомненно, самая важная духовная составляющая жизни народа мосо. Однако из-за постоянного влияния экзогенной культуры, место традиционного вероучения даба в жизни народа ослабло. Наибольшее влияние на подобные изменения оказал тибетский буддизм, который проник на территорию проживания мосо в XVI в. [9, p. 16]. Благодаря зрелости тибетского буддизма, режиму теократии, с момента своего появления тибетский буддизм занял доминирующее положение в обществе народа.

Однако даба как религия не прекратила свое существование, вместо этого она объединилась с ним для службы миру людей. Также большое влияние на разрушение религиозной деятельности даба оказала «культурная революция», во время которой были запрещены религиозные практики малых народностей [9, p. 16]. В 2006 г. среди всех мосо было только два шамана-даба почтенного возраста, которые продолжали передавать каноны и обучать своих преемников: Дафа Лужо (р. 1933 г.) и Абу Гаожо (р. 1938 г. р.) [9, p. 17].

Но, невзирая на все кризисы, народу мосо удалось сохранить черты древней религии даба. В наше время все еще можно увидеть, как шаманы проводят специальные ритуалы перед началом строительства дома, а в домах алтарям даба отводят почетные места [5, p. 224]. Все это указывает на то, что люди мосо по сей день следуют культуре, существовавшему в их жизни веками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что религия даба стала неотделимой частью уникальной культуры народа мосо. Однако в этом заслуга не только самого народа. Согласно политической установке, данной председателем КНР Си Цзиньпином на Всекитайской рабочей конференции по вопросам религии, прошедшей 23-24 апреля 2016 г., необходимо «развивать религиозные теории в соответствии с особенностями китайского социализма, всесторонне повышать уровень религиозной работы в новой ситуации... Лучше организовывать и объединять массы верующих и людей всей страны» [14]. Благодаря этому, власти на местах стали обращать более пристальное внимание на проблемы мосо. А мосо начали самостоятельно изучать и перенимать культуру религии даба.

Религия даба безоговорочно занимает особое место в жизни и культуре народа мосо. И хотя, как считают некоторых китайские исследователи, даба - примитивная религия, зародившаяся еще до нашей эры (8, 13), именно она на протяжении веков служила для объединения мосо, которые, в свою очередь, через каноны непрерывно передавали потомкам свою историю и культуру. Следовательно, она оказывала глубокое влияние на мировоззренческие и религиозные взгляды людей мосо.

Благодаря такому пути, даба, бесспорно, является уникальным памятником древней религии и национальной ценностью Китая.

REFERENCES

1. Naxi Ethnicity. Overview. http://www.yn.gov.cn/yngk/lyyn/rwfq/201902/t20190227_150843.html (accessed 17.08.2020)
2. Liu Suihai. 2004. The Matriarchal Family of Mosuo and the Origin of Axia Marriage. *Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences)*, № 9, pp. 40-43 (In Chin.)
3. Shi Gao Feng. 1992. Mosuo People are not Descended from Mongolians in the Yuan Dynasty. Yunnan Academy of Social Sciences. <http://www.sky.yn.gov.cn/ztl/yq30zn/zgwj/mzwxs/02791932610375992560> (accessed 17.08.2020)
4. Lidz A. 2006. Synopsis of Yongning Na (mosuo) // *Proceedings of the 39th International Conference on Sino-Tibetan Languages and Linguistics*, University of Washington, Seattle.
5. Harrel Stevan. *Ways of Being Ethnic in Southwest China*. Seattle; London: University of Washington Press, 2001.
6. Friedrich P., Diamond N. *Encyclopedia of World Cultures, Russia and Eurasia, China*. New York, 1994, Vol. 5.
7. Y Chromosome, Mitochondrial DNA Polymorphism and the Ethnic Origin of Mosuo People in Ninglang, Yunnan Province (part C), 2003/08, 33 juan, № 4, pp. 375-384 (In Chin.)
8. Lamu Gatusa. 2018. Daba Religion of Mosuo People and Its Religious Characteristics. *The World Religious Cultures*, № 6, pp. 89-94 (In Chin.)
9. Chen Liu. 2012. Daba Religion of Mosuo People. *Ethnic today*, № 3, pp. 16-18 (In Chin.)
10. Yang Xuezheng. *Essays About Religion (A Comparative Research of the Daba and Dongba Religions)*. Kunming, Yunnan Peoples Press, 1986, pp. 103-197 (In Chin.)
11. Dongba Lijiang. The Doctrine and Religious Practices of Daba. <http://dongba.lijiang.com/content/?307.html> (accessed 17.08.2020)
12. Song Zhaolin. 2001. Daba Religion. *Southeast Culture (Folk Antiques)*, № 2, pp. 66-75. (In Chin.)
13. La Mingqing. Research on the Current Situation and Protection of the Oral Transmission of «Daba Scripture» by Na People. *Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences)*, 2011, № 12, pp. 52-56 (In Chin.)
14. Cui Dong. Xi Jinping attended the National Conference on Work Relating to Religious Affairs and delivered an important speech. *People's Daily Online*, 23.04.2016 (In Chin.). <http://politics.people.com.cn/n1/2016/0423/c1001-28299513.html> (accessed 17.08.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Попова Анастасия Викторовна, ст. преподаватель кафедры китайского языка Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Россия.

Anastasiya V. Popova, Senior Lecturer, Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russia.

Немова Полина Николаевна, студентка III курса кафедры китайского языка Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Россия.

Polina N. Nemova, Third-year student, Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
12.11.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
12.01.2021

DOI: 10.31857/S032150750013964-2

Рецензия / Review

Портрет современной Индии и ее лидера глазами российского индолога

© Кулик Л.В.^{a,b}, 2021

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

^b Институт исследований развивающихся рынков СКОЛКОВО, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2950-2499; lkulik@scp.ru

Рецензия на книгу: *Кашин В.П. Нарендра Моди. Лидер современной Индии*. М.: «ИКАР», 2020. 263 с.

Ключевые слова: В.П.Кашин, Индия, Нарендра Моди, Бхаратия джаната парти, политический портрет, политический процесс в Индии

Для цитирования: Кулик Л.В. Портрет современной Индии и ее лидера глазами российского индолога. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 2. С. 70-73. DOI: 10.31857/S032150750013964-2

The portrait of modern India and its leader through the eyes of the Russian indologist

© Kulik L.V.^{a,b}, 2021

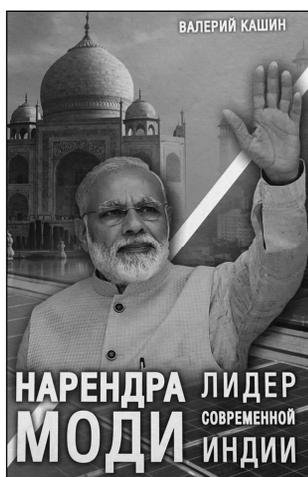
^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b SKOLKOVO Institute for Emerging Market Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2950-2499; lkulik@scp.ru

Review of the book: *Kashin V.P. Narendra Modi. The leader of modern India* (Moscow. 2020. 263 p.) (In Russ.)

Keywords: V.P.Kashin, India, Narendra Modi, Bharatiya Janata Party, political portrait, political process in India.

For citation: Kulik L.V. The portrait of modern India and its leader through the eyes of the Russian indologist. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 2. Pp. 70-73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750013964-2

Книга российского индолога, ведущего научного сотрудника ИВ РАН В.П.Кашина «Нарендра Моди. Лидер современной Индии» (М., издательство «ИКАР», 2020, 263 с.) о действующем премьер-министре Индии написана в жанре политического портрета. В исследовании отражена не только биография героя, яркого и неординарного индийского политического деятеля, но и проанализирован его длинный путь в политике, выявлены основные факторы формирования его личности и его взглядов. Одновременно в книге проявилось все разнообразие красок, характеризующих сегодняшнюю Индию, в особенности ее многомерный общественно-политический ландшафт.

Своевременность издания такой работы в России сложно переоценить. После повторной победы Бхаратия джаната парти (БДП), возглавляемой Н.Моди, на всеобщих парламентских выборах в Индии (в 2019 г. и ранее в 2014 г.), даже скептически настроенные наблюдатели в Индии и за рубежом были вынуждены признать, что фигура Н.Моди - не случайное явление в индийской политике. Более того, по мнению большинства наблюдателей, и с этим согласен В.П.Кашин, именно личность Н.Моди определила решение большинства индийских избирателей, голосовавших на выборах 2019 г. в пользу лидерства БДП на общенациональном уровне. Пути построения новой, сильной и развитой Индии сегодня во многом определяют программы и проекты, инициированные Н.Моди в первый и во второй срок его пребывания у руля много-миллионной страны.

Особое внимание привлекает Н.Моди как человек и политик в России в силу заметной активизации российско-индийского диалога после 2014 г. Накануне выборов 2019 г., результат которых ни для кого не был заранее очевиден, т.е. в чрезвычайно важный политический момент для индийского деятеля, стало известно о награждении Н.Моди высшей государственной наградой России - Орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Очевидно, что российское руководство серьезно нацелено на качественные изменения в российско-индийских отношениях, прежде всего в сфере инвестиций, экономики и торговли, с тем, чтобы сделать это направление соответствующим по своей наполненности привилегированному стратегическому партнерству двух стран в политической сфере. Личная вовлеченность и заинтересованность в таком сближении со стороны Н.Моди также не вызывают сомнений.

В этих условиях книга В.П.Кашина непременно найдет своего читателя в России не только из числа специалистов-индологов, но и среди более широкой аудитории, интересующейся современными международными отношениями и политикой, а также в деловых кругах, изучающих возможности развития бизнеса на индийском направлении.

Язык повествования в книге простой, ясный и динамичный. Автор собрал обширный фактический материал. Многие источники, использованные им, впервые цитируются в российском индологическом дискурсе. Книга четко структурирована, изложение носит хронологический характер, текст разбит на части и небольшие логические главы, что способствует его легкому восприятию.

Отдельно необходимо отметить качественное оформление издания, текст которого дополнен большим числом фотографий, иллюстрирующих путь Н.Моди, начиная с юношеских лет. Среди фотоматериалов - кадры, отражающие разнообразную деятельность индийского премьера, ориентированную как на внутреннюю аудиторию, так и его международные контакты, а также визиты в Россию.

Исследование В.П.Кашина охватывает все этапы впечатляющей карьеры индийского лидера - от разносчика чая в детские годы до генерального секретаря БДП, главного министра штата Гуджарат, главы правительства Индии с 26 мая 2014 г. Опираясь на первоисточники, свои личные наблюдения, а также многочисленные публикации зарубежных авторов, В.П.Кашин создает многогранный портрет Н.Моди - человека, политика, лидера.

В Гл. 1 «*От прачарака до главного министра*» автор рассматривает первый этап карьеры Н.Моди, анализирует среду, в которой он рос, набирался знаний и опыта. В.П.Кашин, являясь одним из немногих в России и в мире специалистов по индийскому национализму и политическому индуизму, близко знакомым с историей развития БДП и связанных с ней структур, прежде всего таких, как «Раштрия сваямсевак сангх» (Союз добровольных служителей нации - РСС), раскрывает нюансы работы Н.Моди в этих организациях, подробно прослеживая его путь от активиста-добровольца до функционера Бхаратия джаната парти. Автор справедливо полагает, что под влиянием РСС сформировался характер и методы работы нынешнего премьер-министра Индии, являющегося выдающимся представителем сложной структуры РСС, охватившей всю Индию разветвленной сетью многочисленных ячеек и организаций.

Эта глава в целом и, в частности, исследование окружения Н.Моди, которое способствовало становлению политика, является большим достоинством работы В.П.Кашина.

В условиях, когда вопросы, связанные с темой политического индуизма, привлекают повышенное внимание как в самой Индии, так и на Западе, часто вызывая гипертрофированные оценки и предвзятые интерпретации тенденций современной индийской политики, взвешенный анализ нашим индологом внутренней логики, мотивации и процесса формирования взглядов Н.Моди, одного из наиболее ярких представителей этой части индийского идейного спектра, также представляют особый интерес и ценность.

Индийский лидер обладает политическим чутьем, на протяжении многих лет поддерживающим его связь с массовым избирателем. Несмотря на наметившийся раскол среди индийских элит по вопросу о формах и методах укрепления индуистской составляющей индийской государственности, большому числу индийцев, принадлежащих к среднему классу, импонирует этот курс. В умеренном индуизме они видят платформу для объединения и сплоченности большей части индийского общества в условиях его бесконечного многообразия и сложности.

В этом же кроется и основное противоречие вокруг данного вопроса: требует ли индуизм государственной поддержки, или он столь синкретичен, что не предполагает подобного содействия и не нуждается в нем. В этой связи было бы интересно проанализировать, в какой степени идеологический курс Н.Моди на модернизацию страны с одновременным возвращением к ее индуистским истокам является отражением настроений большинства индийцев, а в какой - Н.Моди и его соратники по БДП сами формируют такие взгляды среди представителей самых разных слоев индийского общества. Возможно, такой анализ выходил бы за рамки задач, поставленных В.П.Кашиным при работе над книгой, однако он был бы весьма уместен именно в таком издании.

В Гл. 2 «*От главного министра до премьер-министра*» анализируется разносторонняя деятельность Н.Моди на посту главного министра родного для него штата Гуджарат и его нелегкий путь к победе на об-

щенациональных выборах 2014 г. Именно Гуджарат стал для Н.Моди пробным плацдармом, где за 12 лет ему удалось путем последовательных и разнообразных преобразований достичь «экономического чуда», обеспечить активное развитие внешнеторговых связей региона с зарубежными странами, включая Россию. Особое место в этой главе занимает описание атмосферы начала предвыборной борьбы и закулисная сторона выборов, традиционные и современные методы политической агитации, включая активное использование мессенджеров и социальных сетей, в чем БДП образца 2014 г. стала успешным первопроходцем.

В Гл. 3 «*На посту премьер-министра Индии*» автор сосредоточил внимание на деятельности Н.Моди, нового премьер-министра Индии, после победы 24 мая 2014 г. В этом разделе подробно рассказывается про формирование первого кабинета министров под его руководством, про усилия премьера и, в целом, БДП по централизации власти в стране с целью более эффективной реализации важнейших реформ, необходимость которых давно назрела и на которые не решались предшествующие правительства во главе с Индийским национальным конгрессом (ИНК).

Речь идет как о многочисленных социально ориентированных программах, таких как «Чистая Индия», «Цифровая Индия», «Сохраните дочь, обучите дочь», «Народное богатство», «Всеобщее образование», программа единой цифровой идентификации граждан, так и о болезненных нововведениях, таких, как демонетизация (одномоментное изъятие из оборота крупных купюр с целью борьбы с теневой экономикой).

Несмотря на, казалось бы, существенные показатели роста экономики Индии (средний темп роста ВВП Индии в 2010-2013 гг. составлял 6,39%) Н.Моди досталось тяжелое наследство и многочисленные вызовы, прежде всего связанные с необходимостью быстрого создания миллионов новых рабочих мест для трудоспособной молодежи и сохранением социальной стабильности в таких отраслях, как сельское хозяйство и малый бизнес. Поэтому многие программы, продвигающиеся правительством Н.Моди, направлены именно на эти цели. Среди них кампании - «Делай в Индии», «Квалифицированная Индия» и меры, направленные на поддержку молодежных стартапов.

Интересная тема, на наш взгляд, которую обошел вниманием автор книги, - это отношения БДП и ее руководства с крупным индийским бизнесом и влиятельным корпоративным сектором. С одной стороны, эти связи традиционно были и остаются весьма тесными, с другой - несмотря на протекционизм, преобладающий в Индии, и особенно в подходах БДП в отношении индийского капитала, правительству Н.Моди при реализации своей экономической политики неминуемо приходится наступать на его интересы. Это проявляется, к примеру, в постепенном повышении налоговой нагрузки на крупных индийских предпринимателей.

Удастся ли Н.Моди сохранить баланс в этих отношениях, при этом сокращая социальное неравенство и повышая благосостояние большинства индийцев? Вопрос, на который можно будет ответить лишь спустя несколько лет, когда о результатах работы Н.Моди на посту премьер-министра Индии эксперты сделают выводы по совокупности всех данных.

В этой же главе автор подробно анализирует российско-индийские отношения. В ней есть и отдельный раздел, посвященный внешней политике Индии в эпоху Н.Моди, однако В.П.Кашин крайне лаконичен и не отвечает на многие вопросы относительно нюансов внешнеполитической деятельности индийского премьера, которой он уделяет значительную часть своего внимания и времени.

Один из наиболее актуальных аспектов внешней политики Индии - сложный поиск баланса в отношениях с Китаем. Хотя автор достаточно подробно рассказывает об их истории и нюансах расстановки сил в треугольнике Индия-Пакистан-Китай, значительная часть важных событий между Индией и Китаем остается за рамками анализа, поскольку в книге практически не рассматривается второй срок правления Н.Моди, начавшийся в 2019 г.

То же самое можно сказать и о такой острой проблеме внутренней политики в Индии как межконфессиональные отношения и положении индийских мусульман. Освещая историю вопроса, автор одновременно лишен возможности проанализировать этот аспект в политике второго правительства Н.Моди и современные события, в частности, изменение статуса Кашмира и принятые в 2019 г. поправки к законодательству о гражданстве, повлекшие за собой резкое обострение в Индии мусульманского вопроса.

Возвращаясь к теме внешней политики, в целом, можно было бы существенно расширить этот раздел или даже посвятить ей отдельную главу. В этом есть не только исследовательская потребность, но и конкретный политический и практический интерес: ведь на русском языке в настоящее время практически отсутствуют крупные экспертные работы, анализирующие все грани внешнеполитической доктрины Н.Моди.

Такая публикация могла бы в некоторой степени заполнить этот пробел, поскольку именно при Н.Моди во внешней политике Индии появились или значительно окрепли многие новые направления, включая, например, развитие флота, активизацию политики в зоне Индийского океана и Азиатско-Тихоокеанского региона, и многие другие.

Тема внутривластной борьбы занимает в книге В.П.Кашина центральное место и вновь возникает в связи с анализом предвыборной кампании 2019 г., в результате успешного проведения которой БДП одержала триумфальную победу на вторых общенациональных выборах подряд. Такие результаты стали выражением кредита доверия Н.Моди со стороны индийцев и важным мандатом на продолжение реформ, начатых в 2014 г.

Дополнительно можно было бы поставить и другие вопросы, которые содействовали бы лучшему пониманию контекста, в котором живет и работает сегодняшний индийский лидер. К примеру - в какой степени политическим успехам Н.Моди способствует наблюдающаяся в настоящее время идеологическая деградация ИНК? И - какова вероятность долгосрочного сохранения гегемонии БДП в индийском политическом пространстве, которое всегда отличала не только преемственность, но также исключительная многомерность?

С момента второй победы БДП в мае 2019 г. прошло уже более чем полтора года, за которые в Индии случилось много важных событий. Н.Моди продолжает курс на решительные реформы, несмотря на экстраординарные по сложности условия, в которых ему приходится работать. Весьма уместным дополнением издания, которого не хватает читателю, стало бы более подробное заключение, связующее основное содержание книги с настоящим моментом.

Необходимо отметить, что автор не скрывает симпатии к своему герою, от чего книга местами носит не всегда обоснованный комплиментарный характер по отношению к главному действующему лицу. При этом бесспорным остается тот факт, что фигура Н.Моди, несмотря на всю противоречивость его личности, стала объединяющим фактором для чрезвычайно фрагментированного индийского общества.

О сегодняшней Индии невозможно судить, не зная особенностей политической карьеры и личных качеств ее лидера, уже дважды одержавшего крупные политические победы и подтвердившего свою незаурядную популярность. Исследование В.П.Кашина о премьер-министре Индии Н.Моди является важнейшим элементом к современному портрету этого государства и будет познавательно для широкого круга читателей, интересующихся Индией, регионом Южной Азии и международными отношениями, в целом.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кулик Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, н.с., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; руководитель направления по исследованиям Индии, Институт исследований развивающихся рынков СКОЛКОВО, Москва, Россия.

Lydia V. Kulik, PhD (History), Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Head of India Studies, SKOLKOVO Institute for Emerging Market Studies. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
21.11.2020

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.12.2020

Принята к публикации (Accepted)
26.12.2020

«Хубара рус»: традиции солидарности и поддержки

Наши военные специалисты в горячих точках арабского мира имели совершенно особые, товарищеские отношения с местными коллегами.

«Хубара рус» («Специалисты из России») - так во многих арабских странах называли наших военных - советников, технических экспертов, летчиков, операторов средств ПВО, которые, начиная с 50-х годов прошлого века, выполняли свою нелегкую миссию в этом регионе мира.

Как правило, такое обращение имело весьма определенный - теплый, благожелательный оттенок.

Можно смело утверждать, что военная и военно-техническая помощь арабам оказывалась людьми, с большой симпатией относившимся к местному населению. Наши военные были готовы преодолевать тяготы непривычных климатических условий, а зачастую и многие другие трудности, исходя из того, что это их интернациональный, моральный долг.

Сегодня я достаточно часто встречаюсь с этими людьми, настоящими военными, - все они с огромным воодушевлением вспоминают время, проведенное в арабских странах. Ими высказывается мысль о том, что о нашей военной помощи арабам нельзя говорить только в терминах политики или в категориях продажи вооружений.

В отношениях по военной и военно-технической линии был внутренний стержень, благодаря которому миссия наших военных выглядела и воспринималась совершенно по-особому. Этот стержень - приверженность идее солидарности с народами, освобождавшимися в те годы от колониальной и полуколониальной зависимости, а затем установившими с нами тесные, в ряде случаев, партнерские отношения.

По-видимому, вполне закономерно, что формирование структур движения солидарности с народами Азии и Африки в нашей стране и масштабное направление в эти страны советских военных специалистов и военной техники происходило практически одновременно.

В этом году исполняется 70 лет со времени первого обращения от одного из государств арабского мира с просьбой об оказании военной и военно-технической помощи, направлении наших специалистов.

Руководители крупной египетской фирмы «Аль-Адамия» с «подачи» тогдашнего руководства страны обратились в середине 1951 года к торгпреду миссии СССР в Каире Алексеенко с предложением проработать вопрос поставок вооружений и предоставления специалистов для оснащения новым оружием двух механизированных дивизий.

Москву этот вопрос заинтересовал. Не случайно, информация об этом, сугубо предварительном, зондажном контакте была доложена высшему руководству СССР, лично И.В.Сталину.

Вследствие турбулентных событий в Египте реализация такого рода сделки произошла только через несколько лет, уже при новом руководстве, президенте Гамале Абдель Насере. В сентябре 1955 года стороны официально объявили о начале сотрудничества в военной и военно-технической сфере, а 21 октября этого же года в Александрию прибыл транспортный сухогруз «Краснодар» с военной техникой и вооружениями советского производства.

Попытки давления на СССР со стороны Великобритании и США особого впечатления на Москву не произвели, и с этого периода началась эра нашего серьезного военного и военно-технического присутствия в регионе Ближнего и Среднего Востока. Египтяне помогли нам расширить «географию» поставок вооружений арабам. Сделали они это по собственной инициативе. Узнав в начале 1956 года о том, что Дамаск обдумывает возможность получения вооружений из «восточного блока», Насер дал указание ознакомить сирийцев с образцами советской военной техники, которая была уже получена из СССР. Он лично порекомендовал находившимся с визитом в Каире членам делегации Комитета по международным делам парламента Сирии осмотреть советское вооружение, полученное египтянами.

В дальнейшем Насер пошел на то, чтобы разрешить производить сборку самолетов и обучение сирийских пилотов на авиационных объектах в Египте.

Примечательно, что Насер в беседах с сирийцами отмечал, что поступление советского оружия в Египет, как показал конкретный опыт взаимодействия с Москвой в сфере ВТС, отнюдь не привело к «проникновению в страну коммунистических идей», чего многие арабские руководители в ту пору опасались.

Восприятие египтянами взаимодействия с Москвой в военной и военно-технической сферах во многом было обусловлено тем положительным впечатлением, которое производили на египтян прибывающие советские специалисты и советники.

В этом плане приведу авторитетное свидетельство Героя Советского Союза, генерала армии Петра Николаевича Лашенко, близкого друга и сослуживца моего отца - Героя Советского Союза, генерал-полковника Г.В.Бакланова.

П.Н.Лашенко выполнял в конце 1960-х годов миссию Главного военного советника в Египте, он имел доверительные отношения с президентом Гамалем Абдель Насером. В ходе одной из бесед с президентом, рассказывал Петр Николаевич, он не смог удержаться и не задать вопрос, который его очень интересовал, - какие именно качества советского оружия являлись для Насера наиболее привлекательными.

На это президент дал очень примечательный ответ. «Для меня, - сказал он, - существенным является не только качество советского оружия, но и то, что я могу полностью доверять, полагаться на тех людей, которые это оружие поставляют в Египет и помогают осваивать». «В египетской армии, - заявил Насер, - хорошо помнят высокомерное поведение и снисходительные интонации английских офицеров, которые много лет находились в Египте в качестве военных советников. Советские военные специалисты совсем другие люди - они ведут себя как друзья, уважительно относятся к египтянам».

Можно утверждать, что предоставлявшаяся на протяжении длительного периода времени военная и военно-техническая помощь странам региона - это совершенно особый феномен, наше содействие в корне отличалось от ВТС арабов с другими странами.

Отличие заключалось, прежде всего, в том, что мотивация наших военных имела особый морально-этический компонент - готовность и умение на товарищеской основе, на принципах солидарности и интернационализма строить отношение со своими коллегами. Этот фактор особенно четко проявлялся в периоды наиболее масштабных операций, связанных с развертыванием и нахождением в арабских странах достаточно крупных соединений нашей армии.

Следует отметить, что за несколько десятилетий нашего взаимодействия с арабскими странами по военной и военно-технической линии было две такого рода операции наших вооруженных сил с участием не только советников и военспецов, но и наших боевых расчетов ПВО, летчиков, солдат, офицеров, генералов.

Первый раз это было в Египте в 1970-1972 годах, когда египетское небо защищала специально сформированная и полностью укомплектованная по штатам военного времени 18-я дивизия ПВО с численностью более 12 тыс. человек.

Второй раз это произошло уже в наши дни, после принятия в 2015 году решения об оказании российскими ВКС помощи Сирии в отражении нападения международных террористов.

В обоих случаях инициатива направления достаточно крупных контингентов наших военнослужащих исходила от высших руководителей этих стран - президента Египта Насера и президента Сирии Асада.

Насер свою просьбу обосновывал тем, что требовалось надежное прикрытие, как минимум, трех самых важных центров Египта - Каира, Александрии и Асуана от участвовавших в ту пору налетов израильских бомбардировщиков, которые осуществлялись вследствие резкого обострения отношений между Египтом и Израилем. Были нанесены удары по заводу в Абу-Заабале, где погибли 80 рабочих, были попытки нанести бомбовые удары по Хелуанскому металлургическому комбинату, который строился при техсодействии СССР.

В этих условиях в Москве было принято решение о направлении в Египет наших средств ПВО вместе с обслуживавшими их военнослужащими общей численностью порядка 30 тыс. человек. Боевые расчеты наших военных в Египте были размещены в пустыне, на определенном расстоянии от городов. Для них сооружались огромные бетонные казематы, способные выдержать прямое попадание 500-килограммовых бомб, с толщиной стен 4-5 метров.

Посол СССР В.М.Виноградов так характеризовал условия размещения наших военных: «Им приходилось нелегко. Бетонные казематы, врытые в голой пустыни, с низкими потолками, койки в три яруса, какой-то искусственный воздух, создаваемый кондиционерами - обстановка хуже, чем спартанская. Но, ни одной жалобы, просьбы об откомандировании. Долг есть долг. Его нужно выполнять»¹.

Еще сложнее и тяжелее условия были у тех, кому нужно было находиться на объектах боевого охранения. Там были землянки и сооружения без кондиционеров. Со всех сторон - каменистая или песчаная пустыня, температура зачастую превышала 50 градусов по Цельсию. К этому добавлялась опасность, исходившая от скорпионов и змей. Все эти тяготы наши люди стойко переносили.

Я в тот период находился в Египте в качестве секретаря советского посла, переводчика, а затем атташе посольства. В дополнение к служебным обязанностям у меня была еще и, как тогда это называли, общественная нагрузка - я возглавлял в масштабе всего Египта молодежную организацию, своеобразный «заграничный» аналог тогдашнего комсомола. В организацию входили и коллективы наших военных специалистов, где было много молодежи - переводчиков, младших офицеров, а после прибытия наших ракетчиков - также и солдат срочной службы из числа боевых расчетов ПВО.

Естественно, мне приходилось часто беседовать с этими ребятами, они также приезжали в Каир для встреч с нашими делегациями, в т.ч. молодежными и спортивными. Ребятам комсомольского возраста было немало. В одной только 18 дивизии ПВО, развернутой по канонам военного времени, среди 12 тыс. военнослужащих молодежь составляла примерно 40%.

Мне запомнилась встреча с нашими молодыми военными специалистами во время пребывания в Египте тогдашнего руководителя советского комсомола Евгения Михайловича Тяжельникова. Он интересовался, в частности, как складывались взаимоотношения наших молодых военных с их сверстниками из числа египтян.

¹ «Тогда, в Египте...». М., ИСАА МГУ им М.В.Ломоносова. 2001, с. 17.

Ребята рассказывали о том, что совместные сложные условия несения службы, отдаленность объектов ПВО от населенных пунктов делают особенно важным умение правильно выстроить отношения с теми, кто тебя окружает. И эта задача успешно решалась. Можно было говорить о том, что на местах возникали коллективы товарищей и единомышленников, с общим или во многом совпадающим подходом к возникавшим служебным и жизненным ситуациям.

Фундамент дружбы и взаимопонимания, заложенный в те годы, приносит свои плоды и сегодня, когда Египет является для нас, по существу, важнейшим партнером в регионе и, к тому же, фактическим кооператором в нашем движении к более тесным отношениям со странами Африканского континента.

Военное руководство сегодняшнего Египта, скорректировавшее развитие страны в период кризисного развития 2011-2013 гг., говоря о российско-египетских отношениях, всегда добрым словом вспоминает работу наших военных специалистов, помощь, которую наша страна оказала Египту в вопросах укрепления вооруженных сил.

Сегодня в Сирии наши военные осуществляют вторую наиболее крупную войсковую операцию в арабских странах. Она имеет антитеррористическую направленность, и основную роль играют подразделения военно-космических сил России. И вновь особое значение имеет фактор доверия, солидарного восприятия российскими и сирийскими военными поставленных перед ними задач.

Новым моментом сегодня является широкое участие наших военных в решении вопросов национального примирения в Сирии. С 2018 года в Сирии при группировке наших войск функционирует Центр по примирению враждующих сторон. Им осуществлена большая работа, связанная с поисками компромиссных решений, формированием новых, объединенных органов управления на местах, пользующихся доверием населения и способных достаточно энергично заниматься вопросами восстановления страны.

Такая работа в столь крупных масштабах проводится впервые в мире.

Мы можем говорить о формировании нового вида дипломатии - дипломатии примирения враждующих сторон, которую начинают вести сразу же после прекращения боестолкновений военные специалисты.

Помимо этого, наши военные оказывают огромную гуманитарную помощь населению. По данным Минобороны РФ, к началу 2021 года с территории иностранных государств в Сирию при содействии наших военных вернулись почти 900 тыс. человек, в места постоянного проживания возвратились 1,3 млн внутренних переселенцев. Наши военные помогли создать условия для налаживания работы 10 пунктов пропуска беженцев, в более чем 400 населенных пунктах, наименее пострадавших от военных действий, развернуты пункты приема и размещения беженцев на 1,5 млн мест².

Наши специалисты помогают оценивать состояние инфраструктуры, социально значимых объектов в различных провинциях Сирии. Их поддержка помогла сирийской стороне восстановить почти 1 тыс. образовательных и 250 медицинских учреждений, почти 5 тыс. жилых домов, осуществить ремонт мостов, автомобильных дорог, линий электропередач, объектов водоснабжения. В Сирии восстановлены уже почти 15 тыс. промышленных предприятия.

Российские военные осуществили в Сирии более 2,6 тыс. гуманитарных акций, сирийским гражданам были доставлены и распределены 4,6 тыс. т продовольствия, бутилированной воды и предметов первой необходимости. Сегодня нам важно сохранить этот потенциал дружеского, солидарного отношения.

Эти вопросы находятся в зоне особого внимания Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки. РКССАА имеет хорошо налаженные связи с ветеранскими организациями наших военных, которые выполняли свой воинский долг в Египте, Сирии, других арабских странах.

Большое внимание РКССАА уделяет вопросам обеспечения преемственности отношений дружбы и сотрудничества между нашей страной и арабскими государствами. Сегодня приоритет отдается поддержке наших партнерских связей с коллегами из Сирии, где продолжается антитеррористическая операция с участием наших ВКС. Ведется работа по установлению связей между Молодежной секцией РКССАА и представителями молодежных организаций в Сирии. Об этом шла речь на проведенной в феврале 2020 года в Москве, в посольстве Сирийской Арабской Республики встречи представителей Молодежной секции РКССАА с послом САР в Российской Федерации Риадом Хаддадом.

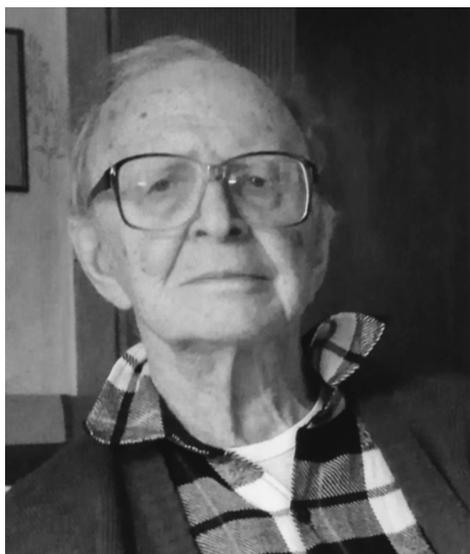
В настоящее время Россия продолжает выполнение своей миссии в Сирии, расширяет масштабы помощи странам Ближнего и Среднего Востока в военной и военно-технической сфере. Эффективность нашего сотрудничества будет во многом предопределяться факторами политико-психологического характера, умением организовать работу в духе партнерства и взаимного уважения. И здесь очень важно опираться на имеющийся у нас опыт и традиции дружеского взаимодействия с арабскими странами, в т.ч. в военной и военно-технической области.

Бакланов А.Г.,
вице-президент Российского комитета солидарности
и сотрудничества с народами Азии и Африки,
проф., руководитель секции изучения стран Ближнего Востока
и Северной Африки НИУ «Высшая школа экономики»

² Информационный бюллетень Центра по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев от 8 января 2021 г. - сайт Министерства обороны РФ.

К 90-летию Р.Г.Ланды

«Востоком необходимо заниматься, особенно сейчас»

Р.Г. Ланда у себя дома во время интервью,
09.03.2020.

Хотя после терактов в Лондоне 7 июля 2005 г.¹ в российских научных кругах интерес к интеграции и радикализации мусульманских общин в Великобритании и Европе начал понемногу расти, к осени 2007 г., мне, аспиранту кафедры Новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МПГУ, найти литературу и источники по этой проблематике все ещё было непросто, в т.ч. и онлайн.

Искать приходилось, прежде всего, среди англоязычных публикаций, поскольку русскоязычная историография состояла из считанных материалов непосредственно по теме. Из них наиболее ценными являлись, пожалуй, работы Роберта Григорьевича Ланды и Залмана Исааковича Левина (коллеги Р.Г.Ланды по Институту востоковедения).

...В октябре 2007 г. я принес Роберту Григорьевичу в Институт свежий номер журнала *Esquire*. В нем обнаружил статью из солидного британского периодического издания *The Prospect Magazine*, о существовании которого до тех пор не подозревал, о лондонских бомбистах и радикализации мусульманских общин. Роберт Григорьевич внимательно посмотрел на глянцевую обложку и спросил-констатировал: «Это что, Брэд Питт, что ли?»

Думаю, именно тогда я окончательно понял, как мне повезло с научным руководителем. Конечно, дело тут вовсе не в голливудском актере. Однако, на мой взгляд, именно такое внимание к деталям, к культурному и даже масскультурному контексту той или иной эпохи, не только научная эрудированность, но и осведомленность о самых разных вещах, людях, событиях и явлениях, является одной из наиболее характерных черт работ Роберта Григорьевича и очень важной частью его авторского стиля.

Наиболее полно эта черта раскрылась на страницах книги его воспоминаний «Нескончаем век минувший», изданной им в 2018 г. к 200-летию юбилею ИВ РАН. Актеры, спектакли, писатели и поэты, приметы времени - все это нашло отражение в мемуарах и наверняка вызовет интерес не только у тех, кто знаком с Робертом Григорьевичем, но и у всех, кому не безразлична история востоковедения нашей стране.

Книга вызывает желание задать вопросы автору. Наша беседа состоялась в начале марта 2020 г., за считанные дни до объявления о всемирной пандемии коронавируса.

Ниже - интервью с Р.Г.Ландой².

- Роберт Григорьевич, как появилась идея написать книгу воспоминаний?

- Я читал много мемуаров, воспоминаний разных. И поскольку меня стали как-то очень густо спрашивать про разные дела, какие у меня были в жизни, я решил, что смогу написать, как говорится, в литературном жанре. Но это была проба пера. Откровенно говоря, я не знал, что получится, и это был определенный риск. Могло получиться плохо, потому что я никогда не писал в жанре, свободном от всяких научных

¹ Серия взрывов в Лондоне (в поездах метро и автобусе), совершенных британскими исламскими фундаменталистами пакистанского происхождения как возмездие Великобритании за ее участие в антитеррористической кампании на Ближнем Востоке, начатой США после терактов «Аль-Каиды» в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Погибли 52 человека, ранения получили более 700. Эти атаки спровоцировали в британском обществе широкую дискуссию о радикализации и обособлении мусульманских общин в стране (прим. авт.).

² Роберт Григорьевич Ланда (р. 1931) - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня».

формул и тому подобного. Но вопросы коллег, их рассказы о своих делах, натолкнули меня на эту идею - написать от живых впечатлений жизни моей. Хотя прямо никто не советовал.

- Алжир был горячей темой в 1950-х годах, когда вы решили им заниматься, и позднее. Нет ли сейчас ощущения, что на фоне событий в Ливии, Сирии, Египте, арабо-израильского конфликта, происходящее в современном Алжире оказалось на периферии не только внимания массовых СМИ, но и востоковедения?

- Тут дело вот в чем: Алжир - нестандартная арабская страна, под очень сильным влиянием Франции даже сегодня. Думаю, и этот фактор влияет на то, что в Алжире относительно стабильная ситуация по сравнению с упомянутыми государствами. А раз стабильная, значит, для кого-то может и не такая интересная.

Многие алжирцы и по-арабски не всегда хорошо говорят и предпочитают французский язык. Для них французский, как для нас русский литературный. Они всегда оглядывались на Францию, даже когда воевали с Францией, Они всегда оглядывались на Францию больше, чем на другие арабские страны. Больше, чем на Лигу арабских государств, где их за это тоже критиковали, кстати. Говорили, что нужно больше быть, так сказать, арабами. Но в Алжире живут не столько арабы, сколько арабизированные берберы. И многие из них даже в арабских семьях сохраняют какие-то элементы берберской культуры и быта.

И в том числе поэтому, из-за большого влияния берберской культуры, алжирцы далеко не всегда ориентируются на общеарабские настроения и доминирующую политическую повестку. Хотя, например, что касается Израиля, - они абсолютно едины со всеми арабами. Тут Алжир не отличается ни от Сирии, ни даже от Палестины по накалу антиизраильских настроений. При этом евреи в Алжире есть, и какого-то особенно плохого отношения к ним я не встретил.

Однако в целом, алжирцы чувствуют свою какую-то особость и предпочитают не смешиваться с, так сказать, толпой общеарабской - «у нас свои дела, своя судьба, своя история». Поэтому в этот круговорот общеарабских событий их не так сильно затягивает. И, кстати говоря, поэтому они с нами в свое время установили гораздо более близкие отношения, чем другие арабы. А мы помогли им. Во время войны [за независимость] помогали вооружением, обучали у нас их кадры. Они нам за это благодарны и считают себя на особом положении до сих пор в отношениях с нами. Вот почему специфику Алжира необходимо учитывать [берясь за изучение этой страны].

С одной стороны, ждать от них каких-то общеарабских лозунгов не приходится. С другой, да, они солидарны по основным вопросам с арабами, с борьбой палестинцев. У себя палестинцев принимают и помогают им. Некоторые из них очень офранцузены: два слова по-арабски, три по-французски, смесь диалектов. А самое-то страшное для меня было, когда я попал в Кабилию. Это область Алжира, где доминирующее население - *кабилы*.

Я там бывал по большей части проездом, не особенно контактируя с местными. Но как-то раз, проезжая через эту область, разговорился с алжирцем, студентом университета. А в вагон сели двое кабилы и начали говорить между собой. Потом они выскочили, и мой собеседник меня спрашивает: «Вы поняли что-нибудь»? Я говорю, что ничего не понял. Он отвечает: «И я ничего не понял!»! Спрашиваю, почему же так. А это, говорит, особая область - Малая Кабилия, - где говорят на смеси арабского и алжирского. Причем диалектов, а не литературных. И тут уже сам черт не разберёт, конечно.

Различия в диалектах там очень сильные. Одно и то же слово в столице страны и на востоке будет звучать совершенно по-разному. Арабский же язык очень богат, в нем много синонимов. И далеко не в каждой стране знают все значения. Только свои, общеупотребимые. Поэтому, если хорошо знаешь арабский, можно по произношению понять, откуда человек. А для Алжира связующим звеном выступает французский язык. Потому что если ты не понимаешь диалект, то французский поймут все.

- Есть ощущение, что этому способствует и понимание в алжирском обществе, что если ты знаешь французский язык, можно и во Францию поехать при случае. К родственникам или просто в алжирскую общину.

- Конечно! У них ведь как - с определенного возраста, лет с 18-ти, едешь во Францию на заработки. Покрутятся там пару лет, а нередко и дольше, и возвращаются на родину. Я давно там не был и не знаю, сохранилась ли эта практика сейчас. Но вплоть до начала XXI века это было очень распространено. В алжирском обществе к этому нормальное отношение, никто не считает их предателями [несмотря на колониальную войну с Францией], даже с уважением говорят, что такой-то столько-то лет жил и работал в Париже. Такая школа жизни - знак качества. При этом, что ещё любопытно, очень многие возвращаются оттуда с французскими женами, на что далеко не каждый араб пойдет. Саудовец, например, почти наверняка предпочтет местную мусульманку, он боится, что европейка не будет его слушаться, будет возражать.

- То есть, они не заставляют европейек принимать ислам?

- В Алжире с этим по-разному. Как они договорятся между собой. Но, конечно, предпочитают, чтобы жена тоже становилась мусульманкой. К тому же это влияет и на ребенка. Кого из него делать, мусульманина или христианина, если родители принадлежат к разным конфессиям? Для алжирцев, как и для всех арабов, происхождение по отцу, традиции отца, почитание отца, это очень важно.

Что касается молодежи, которая приходит в востоковедение, то обычно её интересует Египет и Сирия. Хотя и какой-то отстраненности от Алжира я не замечал. Но и к самым популярным странам он тоже не относится. В том числе потому, что ни с кем сейчас не воюет. Ливия воюет. Сирия с турками даже воюет. Все эти страны в центре нашего интереса. Особенно нас интересует то, что Турция сейчас делает в Сирии и в Ливии, куда она давно хотела попасть. Еще со времен Каддафи. Но с Каддафи разговор был короткий. Он такое вмешательство никогда бы не одобрил. Поэтому все и сложилось так, как сложилось. Причем там сошлись интересы разных игроков геополитических. Запад очень старался от него избавиться, неудобным для них он был.

Что касается алжирцев, им, на мой взгляд, в гораздо большей степени, чем другим народам Ближнего Востока, свойственна честность. Они, как правило, честно говорят о своих взглядах, о своих позициях.

- Даже по новостям можно сделать такой вывод. У них обычно не подковерные политические интриги, не военный переворот, как нередко бывает на Востоке, а чаще уличные протесты.

- Да. Хотя там и перевороты тоже бывали. Тем более что Алжир с 1954 г., когда началась Алжирская революция, не перестает быть под армейским контролем. Даже когда революция закончилась, когда стали независимыми, все равно вся элита - из военных. Президенты все - генералы. А если даже не генералы, то те, кто липнет к генералам, ориентируется на них, слушается их. Так что военное влияние очень сильно в Алжире. Так же, как оно очень долго было сильно в Египте, пока был Насер, другие военные.

- Вы - автор одной из первых в отечественной историографии статей о мусульманских общинах в современной Европе - в журнале «Азия и Африка сегодня»³. Когда вы впервые обратили внимание на ситуацию с исламскими общинами на континенте? Произошло ли это, когда вы впервые приехали в Бирмингем и Манчестер?

- Это случилось раньше, поскольку я до этого уже бывал в Европе, начинал не с Англии знакомство, а с Франции. И там я видел своеобразные отношения между французами и арабами. Во Франции вообще много селтльментов. Тут греки живут, там - итальянцы, здесь - арабы. Но с их жителями мне как-то не удавалось в контакт вступить, не было такой нужды производственной, как говорится.

А в Англии я попал в университет в Бирмингеме, где был специальный отдел христианско-мусульманских отношений. И на эту ситуацию обратил более пристальное внимание. Кроме того, сотрудники университета открыто говорили о том, что происходит в таких общинах: «Тут - квартал мусульманский, посмотрите, что тут и как. Вот женщина идёт, обратите внимание, сколько у неё детей» - пять-шесть младенцев. Они сами обращали мое внимание на интересные моменты жизни мусульман в Великобритании.

Потому появившееся желание написать об этом было вполне естественным. Тем более, тогда мне показалось, что британские мусульмане вот-вот готовы поставить вопрос ребром о своем статусе, о том, чтобы им дали больше прав и привилегий. А англичане на это как будто не обращали внимания, исходили, видимо, из того, что чем выше забор, тем лучше соседи. Считали, что не надо вмешиваться в жизнь общин. Но ждали, что и мусульмане не будут лезть в «английскую» жизнь.

Вообще, надо отдать англичанам должное: они всегда сосредоточены на главном, не размениваются по мелочам. Но для повседневной жизни такой подход не всегда работает. В Великобританию приезжали мусульманские экстремисты, которые оказались вне закона в континентальной Европе, и продолжали открыто пропагандировать свои взгляды. В газетах, в университетах и т.д. Было впечатление, что Англия постепенно превращается в некий «закуток» радикального ислама.

- Кстати, о пропаганде в университетах. В своей книге вы вспоминаете, как на лекции в университете Бирмингема пакистанцы задают вам вопросы. И даже по вашему довольно сдержанному описанию эта группа производит впечатление весьма агрессивное.

- Да, очень.

- Напомню контекст. Тогда, в конце 1990-х - начале 2000-х, среди британских мусульман была очень сильна поддержка чеченских сепаратистов в России. Если представить такую ситуацию: приехал профессор из России, и ему на лекции группа пакистанцев шумно задает какие-то вопросы...

- «Что вы замалчиваете [информацию о том], что вы угнетаете мусульман» - это был лейтмотив у них. «Приехали, и нам не говорите ничего об этом?»...

³ Ланда Р.Г. Мусульмане в Великобритании. *Азия и Африка сегодня*. 2000, № 9, с. 111-118.

- ...И в связи с этим как раз возникает вопрос: была ли когда-нибудь под угрозой ваша жизнь со стороны религиозных фанатиков и экстремистов из-за того, что вы говорили или писали в своих научных работах?

- Нет, не была. Поэтому я так и говорил. Если бы была, так я бы, наверное, поостерегся. Но вообще мне говорили, что поаккуратнее надо. И как раз после того моего выступления, на котором они кричали, что я их не информирую о бедственном положении мусульман в России, встречают меня около аудитории двое: русский православный священник и парень, который, насколько помню, оказался студентом какого-то мусульманского вуза в Лондоне. И он говорит, показывая на тех, кто у меня шумел: «Вообще, вы осторожнее. Тут знаете, они какие? Могут все что угодно сделать». Священник хотя и ничего не сказал, но было понятно, что они оба явно мне сочувствовали. Действительно, я ощущал определенное напряжение в связи с этой ситуацией, но никаких угроз в итоге не было.

- Рассказывая про Владимира Борисовича Луцкого⁴, вы упоминаете, что он не успел защитить докторскую диссертацию, потому что многократно ее переписывал. Как вы считаете, насколько такой подход был уместен тогда и сегодня, когда информация стремится быстрее попасть к человеку? Есть ли предел такого редактирования для научных работ? И если да, то где он, как его найти?

- Я хорошо помню Владимира Борисовича, он редкой добросовестности был человек. Но он не был членом партии. И считал, что это его большой минус. И находились людишки, которые втолковывали ему, что вот, мол, ты не член партии и нечего тебе затрагивать всякие такие сложные моменты. Следи, мол, за генеральной линией. А он все время, очевидно, находил несовпадения с генеральной линией и переделывал. И в результате не успел защитить.

Издержки советской системы. Но, тем не менее, многих он выучил, много чего написал. Хотя у нас с ним были разногласия. Но разногласия по ерунде. Я считал, что арабы - это не единая нация, а разные нации. Египтяне - это одно, иракцы - совсем другое. И время показало, что это действительно так. По поведению даже, по внешности, не говоря уже о культурных и религиозных различиях.

А Луцкий исходил из того, из чего исходили арабские просветители. Арабы - единая нация с вечной миссией. Но это не так, нет единой нации. В разных арабских странах были разные тенденции, разные дела, разные люди. Тогда, конечно, все, в основном, его слушали, потому что он был величина, а я, ну, кто я был? Аспирантик. Но я всегда его уважал.

Владимира Борисовича знали многие арабские просветители того времени, арабские писатели. С ним всегда интересно было поговорить. От него я узнал, кстати, что мы в свое время поддержали образование Израиля. Я не знал этого! И он ещё сказал тогда: «Что интересно, никого из арабистов не спросили, стоит это делать или нет». И сам он, будучи евреем, всегда был против Израиля.

А что касается второй части вопроса о том, как найти предел в редактировании работы, на него ответить очень трудно. Даже те, кто воплощал эту линию партии, тоже не могли сказать, где надо остановиться. Лучше было просто не трогать никаких сомнительных вопросов и проблем.

- Следующий вопрос, возможно, будет болезненным для людей, проживших жизнь в Советском Союзе. Вы пишете в своих воспоминаниях про «наших друзей на Востоке». Сейчас же весьма актуальны разговоры о том, что вся дружба, не только стран Востока, но и вообще любых стран с СССР, была построена на помощи разного рода и бесконечных советских кредитах, которые почти никто не вернул, а потому в новейшей истории они массово списываются один за другим. Так была ли это дружба или всё-таки «брак по расчету»?

- Вы знаете, по-разному было. У нас, даже у нашей верхушки, были иллюзии. Ведь такие государства называли «странами социалистической ориентации». Какая там социалистическая ориентация! Они и не нюхали социализма даже. Но, тем не менее, они соглашались. Конечно, раз мы даём, чего ж не согласиться.

Какие-то основания такие надежды, иллюзии, имели, скажем, в отношении Алжира. Более того, там даже компартия в определенный период сумела влиться в правящую партию, играть какую-то роль. Плюс - у Алжира были многочисленные контакты с Францией, в которой была мощная компартия, помогавшая алжирцам.

А что касается Египта, мне всегда казалось, что надеяться на какую-то «социалистическую ориентацию» - неправильно. Особенно против таких надежд говорила фигура Насера. Гамаль Насер - абсолютный диктатор. Хотя слово «социализм» он употреблял. А кроме того, он был великолепный оратор. Как начнет говорить про подвиги египетского народа - невозможно оторваться! Какие подвиги, не знаю, но тем не ме-

⁴ Владимир Борисович Луцкий (1906-1962) - советский историк-арабист, востоковед, в 1924-1925 гг. жил в подмандатной Палестине, в 1930 г. окончил арабское отделение дипломатического факультета Московского института востоковедения, где позднее преподавал. Участник Великой Отечественной войны, автор фундаментальной «Новой истории арабских стран» (в 1966 г. переведена на английский язык, в 1971 г. - на арабский). Считается создателем школы советских арабистов в области истории нового и новейшего времени (*прим. авт.*).

нее. Суэцкий кризис - характерный пример. Египтяне тогда остались «при своём» во многом благодаря международному давлению Советского Союза. И потом на весь мир говорили, что вот, мы победили три державы: Англию, Францию, Израиль.

Я думаю, союзы эти были прагматические. Нам нужны были какие-то страны, которые... хотя бы хорошо говорили о нас. Практически не могли ничем нам помочь, но вот хотя бы разговором. Потом, когда ситуация изменилась, они сразу же перестали разговаривать таким образом, уже невыгодно было. Думаю, что это ещё в какой-то мере зависело от ловкости нашей дипломатии, потому что наши дипломаты не всегда были ловкими в арабских странах. Арабы-то сами дипломаты очень искусные, и они ценят, кто как что сказал, вежливо или нет. Нюансы здорово улавливают. И у них давние традиции в дипломатическом искусстве.

Также не надо забывать, что, по крайней мере, половина арабского мира была под значительным влиянием Персидской империи. А персы дипломаты были, на мой взгляд, лучшие за все века. Вспомнилось стихотворение [поэта Василия] Величко «Многоженство», в котором он хорошо обыграл умение персидских дипломатов элегантно выйти из любой ситуации:

Раз на рауте блестящем
У персидского посла,
Опрометчивая дама
Речь такую повела:
«Excellence! pardon... скажите.
Неужели по сей час
Многоженство - этот ужас,
Принят в Персии у вас?!»
Не смутился персиянин,
Дипломат большой руки.
Лишь в восточных черных глазках
Засверкали огоньки:
«Да, - сказал он, - многоженство,
Этот ужас, - на беду,
Совершенно как в... Европе,
И у нас в большом ходу.
Но условно многоженство
Разрешает нам закон,
Прокормить своих должны мы,
А чужих не трогать жен!
Ну... а здесь мужья, - насколько
Я обычаи постиг, -
Многих жен имеют тайно.
И... не очень кормят их!..»⁵

Советская дипломатия очень многое упустила на Востоке в период своего становления. Советская держава возникла в Октябрьскую революцию и люди, их образ мыслей, были связаны с революцией. Не совпал менталитет нашей раннесоветской элиты с настроениями правителей Востока. Им и договариваться со всякими важными самодержавными эмирами как-то противно было. Многого они не понимали даже. Многие считали это лишним: сейчас мы везде разнесем социализм, а этих всех - на свалку истории. Ничего подобного не произошло. На Востоке быстро ничего не делается, а тем более такие серьезные вещи.

Позднесоветская элита уже кое-что сообразила. Поняла, с кем имеет дело, и что дело придется иметь долго и надо приспособливаться к этому. Но время уже было упущено в некоторых вопросах. И сейчас мы, наверное, пожинаем плоды этой неловкости дипломатической.

- По вашим наблюдениям, интерес к науке в целом и востоковедению, в частности, падает по причине «не прибыльности» занятия. Можно ли сегодня молодым специалистам зарабатывать востоковедением, научной деятельностью на достойную жизнь?

⁵ Подробнее об увлечении Роберта Григорьевича литературой и поэзией можно прочитать в упомянутой выше книге его воспоминаний (*прим. авт.*).

- Это, конечно, тяжело. Востоковедением, по-моему, не разбогатеешь. Вопрос сложный, который каждый решает по-своему. Кто-то предпочтет более прибыльную отрасль. Кто-то - менее прибыльную, но более для него интересную.

- Предположу, что падение престижа профессии работника науки связано с игнорированием этой темы в отечественной масскультуре. Например, та же Франция, имеющая богатые традиции востоковедения, сегодня уделяет этому внимание - в 2019 г. французы выпустили интересный сериал «Шпион» о сотруднике Моссада, внедрившемся в правительство Сирии в 1960-х гг. В России же почти все фильмы и сериалы на историческую тематику посвящены либо ВОВ, либо каким-то другим подвигам, спортивным и т.п. Как вы считаете, играет ли роль такой подход?

- Кто хочет совершать подвиги - это туда [в армию или в спорт]. Да, можно и к такому выводу прийти. К сожалению, из советского времени не приходят на ум какие-то фильмы, книги и сериалы, которые были бы посвящены Востоку. Не было у нас никаких особых сюжетов, связанных с Востоком. Не были мы тогда связаны с Востоком. Сейчас мы связаны с Востоком, сейчас можно про это говорить. А про старые времена, пожалуй, нет. Хотя были люди, которые и работали на Востоке, и связаны были [с этим регионом], но их было не так много.

Востоковедение не умирает, хотя многие и считают, что оно в плохом положении. Но я так не считаю. Тем более сейчас, когда мы вышли на Восток. Нам на Востоке нельзя быть слепыми кутятами, не понимать, что там происходит. Надо в этом разбираться и надо это использовать. Иначе мы так и будем киснуть в своей изоляции. Это недопустимо. Хотя проблемы на Востоке часто очень сложные, и даже сами люди Востока не всегда разбираются. Столько интриг, столько всяких вариантов, так все закручено. Но, тем не менее, этим необходимо заниматься, особенно сейчас.

* * *

«Я считаю, пока человек может работать - он должен работать!» - эту фразу я (и, вероятно, не только я) не единожды слышал от Роберта Григорьевича. И это не просто слова. «Россия и Ислам: путь к взаимодействию» (2016), «История Иордании. XX век», «История Ливана. XX век», «История Туниса. XX век» (все 2017), обновленное издание «Истории арабских стран» (2017) и, наконец, «Нескончаем век минувший» (2018) - всё предыдущее десятилетие книги профессора выходили одна за другой.

«Нескончаемая» библиография Роберта Григорьевича является ценнейшим подарком для всех, кто решил посвятить себя такому благородному делу, как изучение Востока. И сегодня, в третьем десятилетии XXI века, мы продолжаем ждать новых исследований!

Плещунов Ф.О.,
кандидат исторических наук
Фото автора

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).